Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 4

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Таир АЛИ. **Кариатида.** *Киноповесть* 3
Саяд АРАН. *Рассказы* 60
Руфат МУСТАФА-ЗАДЕ. **Кандидат.** *Юмореска* 129

ПОЭЗИЯ

Лиана АЛАВЕРДОВА. *Две поэмы* 51
Юлия РАГИМОВА. *Стихи* 79
Тофик АГАЕВ. **Цветок без названия.** *Хайку* 126

ПУБЛИЦИСТИКА

Ширин МАНАФОВ. **Это наша общая боль** 41
Низами МАМЕДОВ. **Симфония длиною в жизнь** 72
Александр ХАКИМОВ. **Титанец.** *Эссе* 84

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41 (для СМС)**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 18.03. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

ТАИР АЛИ

К А Р И А Т И Д А

Киноповесть

1. В ночь на воскресенье (полуподвал)

– … так умерла, что и сама не заметила, – смеется женщина тихим старушечьим смехом. – Ты думаешь, так не бывает? Бывает, девочка, бывает! Поверь мне – в жизни все бывает. Еще и не такое! А в каком году – так, сразу, и не вспомнишь, да и какая теперь разница? Дни мои раньше были похожи один на другой, не отличишь, а уже после смерти и говорить нечего. Но если хочешь знать – в 89-м. Почти двадцать получается.

Худые плечи женщины накрыты пуховым платком. Покачав головой, она осторожно отодвигает от себя розетку с вишневым вареньем и маленькую тарелку с эклером, с рассеянной улыбкой раскрывает альбом с фотографиями.

– Вот интересно, всегда была такая маленькая, хилая, но при этом почти не болела никогда. По мелочи только. Простуда там, насморк, ангина была. Хотя подожди, нет – был у меня как-то цистит. Но все равно – ничего серьезного. Генетика все-таки сильная. А тут, представляешь, легла вечером, посмотрела телевизор, почитала немного и, главное, уснула хорошо. Легко так. Меня-то в последние годы, как на пенсию вышла, бессонница замучила. А тут – как в детстве. Закрыла глаза на минуточку – и уплыла. И еще, ночник забыла выключить! Так всю ночь счетчик, зараза, и крутил! И спала хорошо, ни снов, ни чтобы, извиняюсь там, в туалет встать. А только стало светать – из подвала-то моего солнца не видно, если, конечно, прямо к окну не подойти, окно-то во двор выходит – глаза открыла, легкость такая. Ничего не болит, голова ясная. Встала, походила, все, вроде, как обычно. Думала постель застелить и тут вдруг поняла. Ага! Видимо, во сне как-то само произошло. Сердце или что, кто его знает… Вот моя последняя фотография. Это я уже на пенсии была. Года за два до смерти. Меня на телевидение пригласили. Про отца рассказать.

Женщина раскрывает альбом с фотографиями на последней странице и, наклонившись ближе к столу, проводит по черно-белому снимку худой рукой без украшений, с темными пигментными пятнами.

– Такая я вот была. Серая. Правда?

– Нет, – задумчиво отвечает голос молодой женщины из темноты комнаты.

– Серая, серая! Я сама знаю. Зато вот сейчас покажу, какая была. – Женщина закрывает последнюю страницу альбома и разворачивает его на первой. – Ну? Смотри! Прямо принцесса! Правда? Платье на мне такое… Я, считай, и была принцесса, пока отец был жив. Это, между прочим, мы на папином пароходе. Я разве не говорила? У него пароходы ходили по Каспию. В Персию, в Астрахань…А тут, смотри – узнаешь? Балкон? Дом был тогда шикарный, новый! На зависть всем. Вон и итальяночки мои видны… кариатиды мои… подружки мои… до сих пор балкон держат. Ты только подумай, девочка: все рухнуло, а они держатся. Что значит итальянская работа! На совесть! И не постарели совсем, не то, что я. Их только чуть-чуть отреставрировать и будут опять – молодые и красивые.

– Я собиралась… – отвечает голос тихо.

– Ну, ну! Что значит – собиралась? Сделаешь обязательно! Ты девочка сильная.

– Нет. Уже нет. Сами же видите, все из рук валится.

Женщина берет ложечку из розетки и помешивает чай в стакане.

– Все образуется. Ты, главное, ничего не бойся. Страх – это отрава. Страх – хуже смерти. Страх красит человека в серое. Страх отупляет. Когда-то я жила наверху, в той спальне, откуда видны мои кариатиды. Страх загнал меня сюда, в этот мерзкий подвал, куда раньше ссыпали уголь. Для кочегарки. Знал бы бедный отец, где я проживу всю жизнь. Это все мой страх.

– А чего вы боялись?

– Жить боялась, девочка! Чего же еще?

2

Мягкий майский вечер. В залитом светом зале ожидания аэропорта у закрытых дверей толпятся встречающие, сзади таксисты. Чуть особняком стоит солидный невысокий мужчина неопределенного возраста, в ладном костюме, с красивым букетом. Он гладко выбрит, аккуратно подстрижен, он глядит на суетящихся вокруг неодобрительно и даже надменно, как и положено начальнику средней руки, но впечатление меняют живые, вполне осмысленные глаза. С ним – неброско, но дорого одетая женщина с подвижным и неприятным лицом. Так же, как и ее супруг, она чувствует себя явно некомфортно в толпе встречающих.

– Я же говорила тебе, – шипит она, стараясь не привлекать к себе внимания, – выезжать надо было позже! … Полчаса уже здесь торчим!

Снисходительно улыбаясь, мужчина оборачивается к ней.

– Не преувеличивай. Любишь ты все преувеличивать. Десять минут только и стоим. Вон уже выходят.

Раздвижные двери открываются и в зал с чемоданами и тележками начинают выходить первые пассажиры. Женщина пожимает плечами:

– Мог бы водителя просто отправить, чтобы ее встретили, в конце концов. Нет, нужно же было обязательно всем сюда тащиться! Хорошо еще детей не взяли!

Поджав губы, она отворачивается от супруга, который, снисходительно улыбаясь, качает головой. Женщина между тем продолжает ворчать вполголоса, прижимая к себе сумочку.

– …как же, красавица наша из Америки едет! Все должны быть на ногах! Целая делегация…

– Хватит, Мелек! Сколько можно? Не надоело? Люди же вокруг.

– …красную дорожку забыли еще привезти с собой. Это, оказывается, мне должно быть стыдно? – забыв на мгновенье, где находится, громко возмущается Мелек. – Ничего себе! Значит, мне должно быть стыдно! За что, спрашивается? Твой отец покойный эту нашу красавицу еле замуж выдал, выпихнул, можно сказать, отсюда, чтобы она тут ни с кем не связалась! Скажешь, не так? И что?… Сидела бы там, у себя в Америке: муж, дети – чего ей опять не хватало? Что за фокусы опять?

– Тише, пожалуйста!

– Не нравится? Конечно, не нравится! Но тебе про нее и слова не скажи. Как же: «моя красавица сестра!» – передразнивает Мелек супруга, – она в Америке, понимаешь, училась… и что толку от ее учения? Кто она без ее мужа? Кому нужна? Ну как же, брат же есть… Он теперь будет опять ей сопли вытирать. Вот скажи мне, что она тут делать собирается? А? По подругам и ресторанам шляться? Тебя позорить?

– Прекрати! – меняется в лице мужчина. – Люди вокруг! Очнись! Чего ты к ней привязалась? Приезжает к себе домой, тебе что с этого? Она же с тобой жить не собирается… в отцовский дом приезжает…

– Отцовский дом, Рауф, твой дом тоже, между прочим! И твоих детей. Просто напоминаю. А во-вторых, если на то уж пошло, если меня спросишь, конечно, – уж лучше бы она с нами оставалась! – вдруг сменив тон и ухватив супруга за рукав пиджака, Мелек продолжает вкрадчиво: – Хоть перед глазами будет. Понял?.. Или ты

ничего не понимаешь? Чего она одна – без мужа, без детей – в трехэтажном доме будет сидеть? Потом никому ничего не докажешь. Опозоримся. Мне что, Рауф, больше всех надо? У тебя положение. Представляешь, сколько потом болтовни будет?

Рауф неодобрительно смотрит на жену:

– Ты прямо из нее какую-то… сделала.

– Ничего я из нее не сделала! – опять вспыхивает Мелек. – Просто говорю, так лучше будет!

Рауф пожимает плечами:

– Пусть живет у нас. Я просто думал, ты будешь… а вот и она, кстати!

Среди выходящих появляется подтянутая молодая женщина, одетая по-заграничному непритязательно и почти без макияжа. Она легко толкает перед собой тележку с чемоданами. Рауф быстрым шагом направляется к ней, неумело держа перед собой букет. Мелек семенит следом, улыбаясь издалека золовке. Рауф обнимает сестру, целует ее в щеку и сует ей цветы. Несмотря на то, что Лейла в легкой спортивной обуви, она все равно выше брата почти на полголовы.

– Что ты, дорогая, так похудела! – успевает ввернуть Мелек. – Не кормят тебя в этой Америке…

3

Вдоль дороги переливаются вечерними огнями многоэтажки, новый стадион, несмотря на вечернее время, на трассе много машин.

– Ну, чего еще снесли в городе? – спрашивает Лейла у брата, сидящего на пассажирском сиденье рядом с шофером.

– А ты когда в последний раз здесь была-то? Пять лет назад?

– На папину годовщину, – быстро отвечает за Лейлу Мелек и добавляет ворчливо: – Чаще приезжать надо…

– Да тут столько поменялось вообще. Не узнаешь! – Рауф оборачивается назад. – Считай, новый город. Улицу Полухина помнишь?.. Все снесли! Все! А выше Аздрамы – теперь парк!

– А все эти старые дома?

– Клоповники! – встревает Мелек.

– Помнишь, где Сона-ханым жила? Нижняя Нагорная, угол Щорса – теперь там скамейки и газон! – говорит Рауф самодовольно, как будто лично сам высаживал газон и мастерил скамейки.

– Ничего себе, даже представить не могу. А наш-то, надеюсь, еще на месте?

– На месте, на месте! Что с ним станется! Кариатиды твои его крепко держат, – смеется Рауф.

– Пока вы двое будете раскачиваться, он тоже развалится. И никакие кариатиды не помогут, – опять встревает Мелек. – Предлагал же человек в январе купить. И очень приличные деньги, между прочим, давал. Сейчас тоже не поздно...

– Знаешь, я так по дому соскучилась, – говорит Лейла, не обращая внимания на Мелек.

4

С балкона новостройки открывается вид на бакинскую бухту. Облокотившись на перила, Лейла говорит по мобильному телефону, время от времени нервно прикладываясь к электронной сигарете. Внизу движется цветной поток автомобилей. Теплый бриз надувает тюлевую занавеску над полуоткрытой балконной дверью, за которой виден накрытый стол под ярко горящей люстрой. Откинув занавеску, почти бесшумно входит Рауф.

– …да, тепло здесь. Приятно. А у вас там как?.. Дети встали уже? Встали?.. Ты не забудь напомнить своей маме, что у Айгюн французский со следующей недели будет начинаться не в 4, а в половине пятого. Слышишь? Что?.. Я пока точно не знаю… Да, все в порядке.

Лейла оборачивается к брату, который, кивнув, подходит и молча становится спиной к перилам.

– …ладно. Давай! – пытается Лейла закончить побыстрее разговор по мобильному. – В общем, если что, звоните. Рауф?.. Нормально. Поправился немного. Передам.

Она обращается к брату:

– Тебе привет от Эльмана.

– Спасибо, – без особого энтузиазма отвечает Рауф.

– В общем, тебе тоже привет,– говорит Лейла скороговоркой в трубку. – Короче, все нормально. Не беспокойтесь. Я утром наберу, с детьми поговорить. В смысле, утром – здесь, по-нашему. Все!

Дав отбой, Лейла по инерции прикладывается к сигарете.

– Ты что это, курить начала? – неприятно удивленный, спрашивает Рауф, разглядывая электронную сигарету у нее в руках. – С каких это пор?

Лейла смущенно убирает сигарету в карман джинсов.

– Да нет, просто балуюсь иногда. Они, говорят, не такие вредные.

– Вредные, не вредные – при чем тут это? Я тебя все время в пример детям ставлю. Говорю, тетя у вас спортивная. Бегает, плавает, форму держит. А дети, значит, с дачи приедут и что? Увидят, как ты смолишь?

– Ладно, ладно, не буду! – отвечает Лейла миролюбиво. – Не злись, ну! Я же говорю – балуюсь просто. Стресса много. А при детях я вообще не курю.

Рауф неодобрительно качает головой, откашливается. Он явно хочет о чем-то спросить, но, как будто не зная, с чего начать, мнется; повернувшись, облокачивается на перила рядом с сестрой. Опять откашливается. Без костюма и галстука, в спортивных домашних брюках – от его начальственности почти ничего не осталось.

– А чего, действительно сильно поправился?

– А сам не чувствуешь?

– Есть немного! – хлопает себя Рауф по животу и кивает в сторону балконной двери. – Значит хорошо за мной смотрит, а?

– Да при чем тут это? Ты, извини, конечно, но ты и выглядеть стал хуже. Посмотри, какие мешки под глазами! Ты хоть обследовался?

– Э-э-э, ладно, ты тоже! – отмахивается Рауф. – Чего они мне скажут? Я все без них знаю. Холестерин, песок в почках, подагра…вот, дай бог, в сентябре поедем с Мелек в Карловы Вары – подлечимся. Я уже заказал.

– Все равно, прежде чем…

– Подожди, – вдруг обрывает ее Рауф, переходя на деловой тон, – потом про это. Ты лучше мне объясни, что это у вас там с Эльманом происходит? Толком объяснить можешь?

Лейла молча глядит на бухту.

– Ну? Сорвалась ни с того, ни с сего, приехала. Одна, без детей… Что-то серьезное у вас там, я так понимаю?

– Я тебя прошу, давай завтра поговорим, а? Вымоталась с этим перелетом.

– Я просто хочу знать, в чем дело. Ну хорошо, ну, а чего детей не привезла? Как они там без тебя будут?

– Справятся! – раздраженно отвечает Лейла. – Свекровь же там. Вот сын с матерью пусть и справляются. А то привыкли, что я все на себе тащу. Разберутся как-нибудь, ты за них не беспокойся.

Рауф задумчиво приглаживает волосы.

– Ты что, не рад, что я приехала? Сам же все время звал. – Она вытягивает из кармана электронную сигарету, а потом засовывает обратно.

– Думаешь, проблемы буду вам создавать? – спрашивает Лейла, понизив голос, и берет брата за руку. – Я же понимаю, это Мелек тебя все время накручивает. Ты не думай, проблем со мной не будет. Обещаю. Ты только с ремонтом помоги.

– Все готово, идите, садитесь уже! – зовет их Мелек из гостиной.

– Поможешь?

– Идем! – оборачивается Рауф к балконной двери, а затем опять облокачивается на перила. – Насчет ремонта…не знаю пока. Не знаю. Честно тебе говорю. Посмотрим. Идея хорошая, конечно. Его реально можно переделать под гостиницу. И спрос на это есть. И даже окупиться это все должно довольно быстро. Но и затраты немаленькие. Я переговорил тут кое с кем. Знаешь, сколько возни со всем этим? В Крепости вообще делать ничего невозможно стало. Продать легче.

– Продать, конечно, легче. Но только не забывай, одно дело – дом продаешь, а другое – готовую гостиницу. Цена в три раза вырастет. И зачем вообще продавать? Скажи мне? Сделаем гостиницу, буду сидеть управлять.

– Ничего себе! И что? А как же дети? Муж твой?

– Детей привезу сюда. Что, здесь учиться негде? – пожимает плечами Лейла. – Твои же вон учатся. И ничего. Нормально.

– А Эльман?

– А он пусть с матерью своей сидит, – зло отрезает Лейла.

– Нет, это не дело. Как ты себе это все представляешь вообще?

– С ним я сама разберусь.

– В смысле?

– Уже разобралась, – чеканит Лейла. – Разобралась и все. Ты не беспокойся, разводиться мы не будем. Скандалы устраивать тоже. Но жить с ним я больше не могу. А с его матерью тем более. Пусть сидят там вместе и делают, что хотят.

– Я не понимаю…

– Потом как-нибудь, Рауф, давай лучше о гостинице поговорим. Все твои вложения за года полтора-два окупятся. Мы же считали сколько раз. Помнишь? Смета большая, я понимаю. У меня есть немного своих денег. Могу попросить у Эльмана. В конце концов, это касается его детей тоже. И главное – дело беспроигрышное, туризм – самый быстро окупающийся бизнес. Ты же сам все время говорил. Что изменилось? И…

– Лейла…

– …папа тоже хотел, чтобы дом в семье остался. Разве нет? Я попросила знакомого сделать дизайн на компьютере. У меня на ноутбуке… хочешь посмотреть… тебе понравится!

– Вы идете или нет? – опять зовет их Мелек.

– Посмотришь? – Лейла выпускает руку брата и бросается к балконной двери. Рауф удерживает ее.

– Потом! Потом!..– удерживает ее Рауф. – Идем за стол уже.

Наклонившись к сестре, он быстро шепчет ей на ухо:

– Только я тебя прошу, при ней ничего не говори пока, ладно?

– Не буду. Не пойму, чего ты ее так боишься? Она же дура полная.

– Остывает же все!…

5. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

Потемневшие от времени и чуть обветшавшие кариатиды равнодушно глядят сверху на прохожих и редкие машины, проезжающие вверх по узкому переулку, мощеному брусчаткой.

Массивный балкон, который они поддерживают на своих хрупких плечах, завален мусором и явно нуждается в ремонте. Над балконной дверью, в большом, вырезанном из камня лепестке – фамильный вензель: две переплетенные друг с другом заглавные буквы. В мутных от грязи окнах особняка отражаются соседние, отреставрированные уже дома. Под самой крышей особняка, на уровне третьего этажа, опасно отошла облицовка.

– Ох, эти две девочки, лица у них такие… как говорят… импортные. Я им придумала имена когда-то. Вот ту, что справа – ее хорошо было видно из моей спальни – назвала Лейлой. Это в честь моей старшей сестры. Она умерла, бедная, когда ей было 9. От пневмонии. Мне было пять. Я почти не помню ее. А если пытаюсь вспомнить, закрою глаза – вижу лицо правой кариатиды! – тихо смеется женщина. – Девочки как будто одинаковые. Все думают, что одинаковые, правда? Но это только на первый взгляд. Я-то знаю! Если присмотреться, та, что слева, как будто моложе. И потом у нее нос как будто чуть изящнее. Заметила? Вот молоденькую я назвала как себя – Сарой. Так мы и стоим – две сестры, держим балкон. Думаешь, глупость? А я тебе скажу: все забывается. Время разрушает все, а детские воспоминания остаются. Спроси меня, как я жила все эти годы – и рассказать нечего, а это я помню! Маленькой я представляла, как их укладывают в большие ящики с опилками, как в гробы, где-то в Италии, а потом долго везут пароходами, через иностранные порты, сюда, к нам. Как их выгружают, расколачивают эти ящики через много дней, недель, вытирают их лица от пыли и выносят на наше яркое солнце…. Когда-то они обе были младше меня, дом закончили в 1909. Но меня уже нет, а они все стоят. Почти не постарели. Потрепались только. Жалко, – листает она альбом, – есть только одна фотография Лейлы. Где она тут… подожди… кстати, «Отель Кариатида» – звучит интересно. Хорошо придумала, девочка! Думаю, итальянкам нашим понравится.

6

Лейла на беговой дорожке, в ушах наушники, чуть слышно, как играет быстрая музыка, слышно ее учащенное дыхание. Она выглядит хорошо в ладно сидящих на фигуре спортивных рейтузах и яркой майке. Она бежит, не обращая внимания на назойливый интерес молодых людей, которые, почти не скрываясь, с интересом разглядывают молодую спортивную женщину на тренажере.

Музыка в наушниках начинает звучать отчетливее и громче, вместе с учащенным дыханием Лейлы перед ее мысленным взором всплывают картины из недавнего прошлого: искаженное внезапной яростью лицо мужа на кухне в их доме в Америке, он беззвучно кричит на нее под играющую в наушниках бодрую музыку. Лейла невольно увеличивает темп, на раскрасневшемся лице ее выступают крупные капли пота. Эльман продолжает беззвучно кричать, жестикулирует, потом толкает ее. Лейла теперь бежит уже изо всех сил, на износ. Бешено колотится сердце.

Уже совершенно обессиленная, она соскакивает с беговой дорожки и, уперевшись руками в колени, стоит, пытаясь перевести дыхание. Пот капает на пол. Молодые люди в зале смотрят на нее с удивлением. Еще не отдышавшись, она нашаривает в спортивной сумке бутылку с водой и пьет из нее маленькими глотками. Срывает с ушей наушники.

Позади нее все еще быстро тянется лента беговой дорожки. Кто-то в майке с логотипом тренажерного зала подходит и выключает дорожку.

– Девушка, вы так себе дыхалку сорвете.

Не обращая на него внимания и даже не оборачиваясь на голос, Лейла швыряет наушники и бутылку в сумку и быстро идет к выходу из зала.

7

Лейла долго возится с замком двери. Дверь старая, массивная, из дуба, но даже потемневшая от времени бронзовая табличка «А.Асадуллаев» не умаляет ее респектабельности. Дерево рассохлось, и ключ в замке никак не хочет поворачиваться. Мешает сумка. Лейла снимает ее с плеча и бросает себе под ноги. Наконец замок с громким щелчком поддается. Она нажимает на ручку и решительно толкает дверь вовнутрь.

Из-под нависающего над переулком балкона каменными глазами на нее глядят кариатиды.

Просторный холл с широкой лестницей окутывает мягкий пыльный полумрак, пронизанный косыми лучами света, льющегося из прорех между гардинами, которыми завешаны высокие окна. Подхватив сумку, Лейла осторожно входит внутрь, но так, чтобы остаться в прямоугольнике солнечного света, проникающего из открытой входной двери. Отцовский дом встречает ее равнодушной тишиной. Она настороженно оглядывается по сторонам. Вдоль стен различимы очертания диванов, накрытых простынями.

– Эй! – голос Лейлы глухим эхом прокатывается по заставленной мебелью комнате и угасает где-то на лестнице. Она делает шаг вперед, выходит, наконец, за пределы солнечного прямоугольника на грязном мраморном полу. Не снимая сумки с плеча, Лейла проходит немного вперед, почти до середины залы, останавливается, достает из кармана телефон и, включив экран, проводит им, как фонариком, вдоль стен. Голубоватый свет мобильника высвечивает в темноте выключатели на стене над одним из диванов. Она подходит к дивану и, стараясь не касаться его, щелкает подряд всеми выключателями по несколько раз. Свет не загорается. Тогда, метнувшись к ближайшему занавешенному окну, она хватает края пыльных гардин и быстрым движением раздвигает их. В воздух тотчас взметаются клубы пыли. Солнце широко вливается внутрь. Она долго возится со шпингалетами на рассохшейся от времени раме, изо всех сил тянет на себя ручку, наконец после нескольких попыток ей удается распахнуть и само окно. Теплый весенний ветерок подхватывает и крутит пыльные гардины. Она быстро переходит от окна к окну, распахивая их по очереди. Но несмотря на это насыщенный полумрак старой залы не рассевается совсем, он лишь отступает в глубину, забивается под парадную лестницу, зависает темными сгустками по многочисленным углам, прячется в завитушках тяжелой лепнины, с которой почти сплошь сошла парадная позолота.

Лейла оглядывается. Она кажется несоразмерно хрупкой по сравнению с этим нежилым пространством, набитым старой мебелью, под этими четырехметровыми потолками, с которых длинными струпьями свисает облупившаяся краска. Пространство, и без того большое, многократно увеличивается мутными зеркалами в тяжелых рамах, в которых эфемерным полу-призраком отражается и сама Лейла, и ржавые разводы на стенах от многолетних протечек. Справа и слева на нее смотрят запертые двери. Она снова достает из кармана массивную связку ключей.

Звуки отпираемых дверей, перемешиваясь со звуками улицы, эхом катятся вверх и вниз, достигают подвала и резонируют в спальнях третьего этажа.

Перескакивая через ступеньки, Лейла легко взбегает по лестнице наверх, переходит от комнаты к комнате, от гостиной к просторной кухне, и повсюду, словно одержимая, сдергивает занавеси, распахивает окна и двери, разгоняя застоявшийся запах пыли и сырости.

Останавливается она только в конце коридора, на пороге своей спальни.

В небольшой комнате два высоких окна. Как и прочие окна в доме, они плотно зашторены. Но Лейла не спешит их открыть. Она продолжает стоять некоторое время на пороге, привыкая к полумраку. И лишь потом бесшумно проходит вперед по тол-

стому ковру и, чуть приоткрыв одну из гардин, разглядывает комнату. У изголовья тахты, накрытой пледом, тумбочка с ночником, на стене – полки с книгами, платяной шкаф, на небольшом трюмо – разнобойные пузырьки с давно выветрившимися духами, фарфоровые статуэтки, прочая девичья чепуха, уже успевшая обрасти заметным слоем пыли. Рядом с изголовьем на стене, между китайским веером и старым календарем с рок-звездой, висит вполне уверенный карандашный набросок, на котором под зонтом стоит девочка, похожая на Лейлу. Набросок черно-белый. И только зонт закрашен канареечным цветом. В нижнем углу наброска едва видна буква «Д».

Лейла достает свой мобильный и фотографирует комнату. Отдельно – набросок. А затем, отодвинув занавеску пошире, она глядит в мутное окно, откуда виден край балкона с одной из кариатид. Для того, чтобы увидеть вторую, нужно пробежать до конца длинного коридора в родительскую спальню.

8

Коренастый мужчина с нависающим над щетинистыми усами крючковатым носом, почти карлик, заходит в гостиную на втором этаже с камином в углу и начинает бодро отряхивать рукава твидового пиджака.

– Собачья работа, честное слово!..

– Все посмотрели? – спрашивает его Лейла. Сложив руки на груди, она стоит, спиной прислонившись к массивному буфету.

– Все время в пыли, в цементе… в грязи какой-нибудь… Посмотрел, посмотрел, ханым. И на крышу вылез… и в подвал спустился… там, где выход на крышу – замок на решетке сломан, ногтем открыть можно… Что сказать – много работы... много… – качает прораб головой, он никак не может закончить отряхиваться. – Объем, как говорится, большой… дом солидный, старый. Лет сто, наверное, ему?

– Что много работы – и без вас знаем, – отрезает Лейла.

Прораб продолжает качать головой.

– Ты давай конкретно говори, – вступает в разговор сидящий на диване Рауф. Перед ним на столе пепельница с дымящейся сигаретой.

Перестав наконец отряхиваться, прораб начинает энергично озираться по сторонам, задерживаясь цепким взглядом на следах протечек на потолке.

– …видите, Рауф-муаллим, и здесь тоже! И все на правой стороне. Это, видать, с верхней ванной. Где-то в стене там течет, я думаю. Придется ломать. А это такое дело. Старый дом, сами понимаете, это не хрущевка в микрорайоне, что-нибудь тронешь – все полетит сразу.

Цокая языком, он срывается с места и начинает мерить рассохшийся паркет короткими нервными шажками. На голове у него вельветовая кепка. Из нагрудного кармана пиджака торчат очки.

– Боюсь, всю крышу заново придется класть.

– По проекту добавим этаж. Стеклянный по периметру ресторан, – сообщает прорабу Лейла.

– Четвертый? Я видел такие. Это хорошо. Очень хорошо. Здесь недалеко через пару кварталов есть такое… тем более, крышу придется всю заново делать.

– Смету когда составишь?– спрашивает его Рауф.– Два дня хватит?

Как и в аэропорту, на Рауфе дорогой темно-синий костюм. Только галстук другой.

– Два дня, Рауф-муаллим? – с сомнением качает головой прораб, остановившись на половине пути до пианино. – Не успеем. Я же только так посмотрел. Ребята мои посмотреть должны.

Прораб опять нервно срывается с места и, дойдя, наконец, до пианино, проводит рукой по полированной крышке.

– Как говорится, красивая вещь!

– До пятницы, братец, постарайся управиться.

– До пятницы, муаллим?… – Оставив пианино в покое, прораб начинает быстро хлопать себя по карманам пиджака, находит очки, насаживает их себе на нос и, чуть притоптывая на месте от нетерпения, выуживает из другого кармана блокнот. Наслюнявив пальцы и шумно перебросив несколько страниц, он начинает что-то читать, беззвучно шевеля лиловыми губами.

– Сейчас, сейчас, муаллим! – заверяет он, глядя на Рауфа поверх очков, чувствуя, что пауза слишком уж затянулась. Наконец прораб закрывает блокнот. – Успеем до пятницы.

– Вот и хорошо, – давит Рауф сигарету в пепельнице.

– Если послезавтра начнем – успеем.

– А почему не завтра? – спрашивает Лейла.

Прораб оборачивается к ней:

– Завтра?.. Можно и завтра начать. Только Фарман завтра не сможет, ханым.

– Какой еще Фарман? – морщится Лейла.

– Электрик мой. Большой профессионал! Сейчас, сами знаете, сколько развелось фармазонов, я извиняюсь. Только у людей хлеб отнимают. А Фарман не какая-нибудь деревенщина – Тесла! Кулибин! – тычет прораб крючковатым пальцем вверх.

– А чего он завтра не сможет?

– Сорок дней у него. Теща. Вот, пожалуйста, пример вам: заболела женщина. Считай – криком кричит. Побежали по врачам. К одному, второму, третьему. Та клиника, другая. Везде говорят «конечно, конечно», и везде платить надо. За прием, за рецепт, за анализы. Везде…

Прораб загибает пальцы:

– Анализы такие, анализы сякие, кровь, то, это. На моих же глазах все! Потом говорят: нужна операция. 3500 порезать ее! Представляете? Ну, куда денешься… – разводит он руками. – Заплатили. Положили женщину на операцию. Порезали ее, и что?

– Что? – спрашивает Лейла.

– Говорят, извиняюсь, рак. Ничего не поделаешь. А чего, спрашивается, тогда женщину мучили? Чего резали? И деньги пропали, и она полгода не прожила!..

– Ладно, ладно, братец, давай к делу. Значит, в пятницу? – Рауф поднимается с дивана и, заложив руки за спину, неспеша идет к камину.

– В пятницу, дай бог, сядем, на цифры посмотрим. А сколько, вы говорите, номеров должно получиться?

– Двадцать… – быстро отвечает Лейла. – Плюс ресепшн.

– Ага, по 12 квадратов, вы сказали?

– И четыре премиум-класс по 16.

– Ага!

– А там, где сейчас вторая кухня внизу, – кафе для завтрака…

– И четвертый этаж, значит. А чертежи можете мне послать? С чертежами все-таки легче.

– На имейл?

Рауф открывает дверцу напольных часов с боем, стоящих рядом с камином. Пытается завести их. Тянет гири вниз, крутит стрелки. В часах что-то стрекочет, они на мгновенье как будто оживают, затем музыкально лопается пружина, гири с грохотом летят вниз. Безжизненно повисают стрелки.

– Сломал, кажется…

– По моим расчетам, вместе с перепланировкой, – говорит Лейла, наклонившись над монитором ноутбука, – должно получиться около 350, максимум 370 за квадратный метр.

Прораб качает головой, сдергивает с головы кепку и, пригладив лысину, надевает кепку обратно:

– Что вам сказать, ханым. Дай бог, чтобы так и вышло, дай бог! Кто против? Цена, как говорится, рыночная. Только как пока скажешь? Я же только так – поверху посмотрел. И материал сильно поднялся в цене, все же строят…

Откуда-то из-за часов выскакивает и несется мимо Рауфа, по диагонали через всю комнату, клацая по паркету коготками, мышь.

– Зараза! – вскрикивает Рауф.

– Ой…! – Лейла запрыгивает на диван. Прораб стаскивает с ноги туфлю и прицельно швыряет ее вслед грызуну. Мышь исчезает из поля зрения.

– Убежала?

Подпрыгивая на обутой ноге, прораб добирается до своего башмака.

– Куда она убежит? – перевернув носком ноги туфлю, он обувается, а затем, наклонившись, поднимает за кончик хвоста убитого грызуна, демонстрирует его Рауфу и Лейле. – От меня не убежишь!

Смущенная своей реакцией, Лейла спрыгивает с дивана.

– Да ты, брат, просто снайпер! – смеется Рауф.

– А как же, муаллим! Такая маленькая, с палец, как говорится, а женщины боятся, как будто тигр… В ней же жизни два с половиной грамма!.. Лейла-ханым, где у вас тут ведро мусорное?

9. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Это было не в первый раз, когда он меня ударил. Но в этот раз точно – в последний!

Оставив ложечку в розетке с нетронутым вишневым вареньем, Лейла раскуривает электронную сигарету. Она одна за кухонным столом, покрытым выцветшей клеенкой с красными цветами. Облачко теплого дыма от сигареты на мгновенье завешивает полутемный прямоугольник комнаты, а затем рассеянными клубами поднимается и зависает вокруг горящей над столом лампочки в желтом абажуре. Лампочка горит тускло.

– Когда они спихнули меня замуж, мне было всего 21.

– Спихнули? – спрашивает тихий голос женщины из темноты.

– А как еще по-другому назвать? – резко спрашивает Лейла. –Уговаривали всей семьей. Я видела, конечно, его несколько раз: симпатичный, ничего не скажу. Умный, учился в Америке. Если честно, не понравился бы он мне – я бы ни за что за него не вышла. Что бы они ни делали. Понравился. Так, чисто внешне. И что? Я же совершенно его не знала. Но тут сразу началось: истерики каждый день. «Скорая» каждый день. Подруг моих подключили. Рауф из Москвы чуть не каждый день звонил, отчитывал: «У мамы гипертония… пожалей маму… отличный парень… что тебе еще надо… это то, что тебе сейчас необходимо… уедешь за границу…». Все на меня набросились. Даже отец! Уговаривали меня, как будто я какая-то ненормальная, от которой нужно срочно избавиться. Выпихнуть замуж и выслать из страны. Они как с ума посходили все вдруг. Из дома меня не выпускали. Следили за каждым моим шагом. Мама залезала в мои вещи, проверяла телефон – никогда такого от нее не ожидала.

– Беспокоились, – тихо отвечает Лейле полусумрак женским голосом.

– О чем они беспокоились? Что я и вправду была ненормальной какой-то или, уж не знаю, какой-то развратной, невоспитанной, бездарной? Я никогда не давала повода. Что бы я сделала такого? Убежала бы с кем-то, выскочила бы замуж неизвестно за кого?..Да нет, конечно. Им просто не хотелось мной заниматься, легче же выпихнуть замуж, избавиться от ответственности… Все знали, что лучше для меня, кроме меня самой! Они так издергали меня, что я просто уже не знала, что делать!

Лейла кладет на стол свою сигарету. Гаснет фиолетовый огонек. Она молчит, нервно накручивая на палец прядь волос.

– Вот я и вышла за Эльмана. Лишь бы не слышать их упреков больше. А через 5 дней мы улетели. В Америку. В съемную квартиру. Я летела, не зная куда, и неизвестно с кем.

Где-то над головой, на верхних этажах, слышится шум. Шум постепенно нарастает, становится отчетливее. Он похож то ли на завывание ветра, то ли на плач. Лейла вскидывает глаза к низкому сводчатому потолку подвала. Вслушивается. Где-то гулко хлопает дверь. Лампочка в абажуре вдруг начинает искриться, сигнализируя о скачке напряжения.

– Ветер поднялся, – успокаивает ее голос.

– Ветер, – повторяет Лейла, продолжая глядеть вверх. – Ветер…

10. (в квартире у брата)

На Лейле розовый махровый халат с капюшоном, она сидит, сгорбившись, по-турецки, на разобранной кровати. В комнате темно, лишь светится раскрытый ноутбук на прикроватной тумбочке. Она старается говорить тихо, так, чтобы не было слышно в соседних комнатах.

– Не опаздываешь? – спрашивает она некрасивую девочку на экране компьютера. Девочке лет 13-14, на ней очки, на зубах поблескивают брекеты.

– Нет.

– Ты хоть помогаешь по дому…? Бабушке своей помогаешь?

Девочка долго не отвечает.

– Чего молчишь? Я говорю, бабушке помогаешь или опять ни черта не делаешь?

– А что ты там делаешь? – спрашивает девочка с вызовом.

Стараясь не сорваться, Лейла поправляет упавшую на лицо прядь, откашливается.

– Я уже тебе сто раз объясняла – ремонтируем дедушкин дом! Я и дядя Рауф. Переделываем его под гостиницу…

– А почему ты нас с собой не взяла?

– Так у вас же школа еще! Куда?

– Школа через неделю заканчивается.

– Ты же взрослая девочка, должна понимать: здесь начинается ремонт. Понимаешь? Пока все организуем, здесь даже оставаться толком негде. Мы с папой договорились, что он пришлет вас в середине июля… он уже и билеты заказал.

Девочка опять долго не отвечает.

– Ну? Поняла?

– Все ты врешь, – говорит она, холодно глядя на мать.– Нас папа все равно не отпустит. Думаешь, я не знаю, что вы разводитесь.

– Что ты болтаешь? – все-таки срывается Лейла. – Прекрати совать свой нос в дела взрослых! Не лезь! Только тебя еще не хватало! Никто ни с кем не разводится, понятно? У меня тут ремонт…

В углу компьютерного монитора появляется младшая дочь:

– Мама! Мама!… Дай я с мамой поговорю! – кричит она, пытаясь оттолкнуть сестру. Старшая грубо отпихивает младшую.

– Сейчас же прекрати!

– Бабушка…! Бабушка…! – плачет младшая. – Она меня ударила… не дает мне с мамой поговорить…

– Ну как тебе не стыдно – взрослая дылда, дай ребенку поговорить! – возмущается Лейла.

– Бабушка!.. Она меня ударила! Дура!

– Сама дура! – оборачивается к ней старшая.

– Рена! – кричит Лейла в отчаянии.

– Иди ко мне, заинька, что случилось… – мелькает за спиной дочери свекровь.

– Она мне не дала с мамой поговорить… – хнычет младшая.

– Рена...! – повторяет Лейла и замолкает: во взгляде старшей дочери сквозит нескрываемое холодное презрение

– Рена, – повторяет она растерянно, – Рена…

Связь прерывается. Очевидно, Рена отключила скайп. Лейла начинает лихорадочно кликать курсором на изображение трубки на экране, слышны вызывные гудки, но дочь не отвечает. В бешенстве Лейла захлопывает крышку ноутбука. Дверь открывается, и в спальню заглядывает Мелек.

– Все нормально? – спрашивает она как ни в чем не бывало, но по ее едва заметной улыбке понятно, что она слышала разговор Лейлы. – Поговорила с детьми? Не скучают?

Едва сдерживая себя, Лейла холодно кивает:

– Все нормально.

– Будешь еще говорить с девочками, передай привет от нас. У тебя здесь прохладно, может, закроешь окно?

– Все нормально, – упрямо повторяет Лейла.

11

Лейла на беговой дорожке. И опять из наушников льется быстрая музыка, и опять она бежит на износ, несмотря на почти бессонную ночь в квартире брата. Она глядит на крашеную стену напротив так, словно видит кого-то или что-то перед собой. Какую-то цель. Наконец, выключив тренажерную дорожку, она на ходу спрыгивает в сторону и садится на скамейку у стены.

– Все еще надрываетесь, девушка? – с ухмылкой спрашивает, как и в прошлый раз, работник зала в фирменной майке. – Вам худеть не надо…

Две девицы в дорогих спортивных костюмах недалеко от Лейлы шушукаются между собой, бросая на нее украдкой любопытные взгляды.

– …вы и так в отличной форме…

В душевой зала, уложив влажные еще волосы, Лейла достает из спортивной сумки косметичку и кладет ее на раковину перед зеркалом.

12

– Я при чем? – оборачивается к Лейле, сидящей на заднем сидении, таксист. – Сами же видите – пробка! Сейчас весь город стоит!

– Вижу. Авария, что ли?

– Если бы авария – не так обидно было бы. К «Формуле» готовятся! Все перекрыли. Кому, я спрашиваю, эта «Формула» нужна… – ворчит таксист, сигналя протискивающейся перед ним машине. – Куда лезешь! Ну куда?

– Долго будем стоять?

– Да откуда же я знаю?

– Тогда… – Лейла лезет за кошельком в сумку, достает несколько купюр и, бросив их на пассажирское сидение впереди, начинает выбираться из почти не двигающегося автомобиля.

– Да что ты делаешь! Под машину попадешь!.. – кричит таксист возмущенно и собирает с сиденья деньги. – Девушка, мало! Мы так не договаривались…

– Ты даже полдороги не проехал! Достаточно!..

Не слушая возражений таксиста, Лейла захлопывает дверцу и, маневрируя между ползущими в пробке машинами, со спортивной сумкой через плечо легко перебегает на тротуар.

– Да чтоб тебя…! Ненормальная! – кричит вслед таксист.

13

Моложавый официант отделяется от стойки и быстро подходит к Лейле.

– Добро пожаловать!

Лейла начинает подниматься по внутренней лестнице на второй этаж кофейни.

– Там для курящих, – говорит официант.

– Я знаю, – кивает ему Лейла.

Кофейня только открылось, почти нет посетителей. На втором этаже за столиками никого нет. Только в дальнем углу у овального окошка на низком диване сидит молодой человек в пиджаке. При виде Лейлы он поднимается с места. Лейла машет ему издалека и, обходя столики в узком помещении, идет ему навстречу. Молодой человек продолжает стоять. Под пиджаком на нем красная футболка.

Добравшись до столика у окна, Лейла бросает на пол спортивную сумку.

– Привет! – говорит она весело и, с интересом разглядывая молодого человека, опускается на диванчик. – Что у тебя за борода? В хипстеры записался?

– Просто модно сейчас, – отвечает молодой человек, смущенно оглаживая бороду, и садится напротив. – Ты что будешь? У них здесь отличные пирожные. С миндалем. Очень вкусно. Ты завтракала?

К ним подходит официант.

– Я вообще-то даже не завтракала.

– Может, тогда что-нибудь…

– Не надо, давай пирожные и капучино. У вас есть капучино? – поворачивается она к официанту.

– Вам обычный или с шоколадом?

– Обычный.

– И мне тоже, – говорит молодой человек. Дождавшись ухода официанта, он придвигается ближе к столу: – Ты стала такая…

– Старая?

– Какая старая! При чем тут старая… – начинает он протестовать.

– Ладно, ладно! – прерывает его Лейла. – Так о чем ты хотел поговорить?

Он берет со стола пачку сигарет и вопросительно смотрит на Лейлу.

– Ты не против, если я закурю?

– Да кури, – говорит она, пожимая плечами. – Ты извини, времени у меня в обрез.

– Да, да… – говорит он, вытряхивая из пачки сигарету. Откинувшись на спинку дивана, а затем снова придвинувшись ближе к столу, он нервно катает сигарету между пальцами, не закуривая. – Короткие волосы тебе подходят. Просто непривычно…

– Ты об этом хотел поговорить? – насмешливо спрашивает Лейла.

– Нет… просто к слову. У тебя в школе были длинные.

Лейла продолжает насмешливо разглядывать его.

– Какая теперь разница, какие волосы были у меня в школе…

Он долго не отвечает. Наконец прикуривает от зажигалки.

– Я писал тебе. Ты не отвечала.

– А почему я должна была отвечать? Ты пишешь замужней женщине признания в любви, и как ты думаешь, как я должна было реагировать?

– Не знаю, – он прячет глаза. – Написала бы, что я идиот. Заблокировала бы номер.

– Ты за этим меня позвал? Может, я еще виновата в чем-то? Так ты скажи!

– Нет, нет! Послушай… Я знаю, что все это тебе кажется глупостью. Я просто хотел тебя увидеть. Понимаешь?

– Зачем?

– Поговорить. – Он откашливается. – Если честно… ты прости меня. Я хочу извиниться. Понимаешь?

– За что?

– Тогда в школе…

– Глупость какая! – отмахивается Лейла.

– Нет, не глупость! – горячо говорит он. – Не глупость! Я хочу, чтобы ты поняла, я был очень зол на тебя... поэтому все так получилось, по-дурацки…

– Ты же говоришь, что любил меня? Поэтому ничего не сделал, когда эти два урода изрезали мою сумку и бросили ее в туалет? – зло спрашивает Лейла. – Когда они травили меня каждый день? Ты таскался за мной чуть не с пятого класса. Ходил следом, посылал записки, рисовал, и что потом? Даже не заступился!..

– Я не заступился? Я … я просто не знал, что делать. Ты же все время меня игнорировала! Как будто меня не было, как будто я был пустым местом. Ты знаешь, нет ничего хуже этого. Думал, ты презираешь меня.

Лейла качает головой, затем, глядя в лицо Джавиду, произносит отчетливо, почти холодно, с едва ощутимой нотой презрения:

– Я любила тебя, Джавид.

Джавид растерянно молчит.

– Ты ранил меня больнее всех.

– Господи, Лейла, – протестует он, – ну улыбнулась бы мне хоть раз!.. я не знаю… хоть кивком головы дала бы понять! Я мучился как ненормальный. Я же ходил за тобой… как привязанный…неужели ты не видела!

– И что я, по-твоему, должна была делать? Броситься тебе на шею? Ты вспомни школу, в которой мы учились, вспомни класс. А потом ты связался с этими подонками и начал издеваться с ними заодно… – Лейла отворачивается к окну. – Особенно в последний год, помнишь?

– Ты не понимаешь, я хотел привлечь твое внимание… совсем потерял голову…

– Очень своеобразный способ привлечь внимания. Слушай, а за что они меня все так ненавидели? Никак не могу понять. Столько лет прошло, до сих пор иногда думаю об этом. Что я им сделала?

– За что? Как это?.. Это же понятно! Ты была другой.

– Что значит «другой»?

– Ну, другой! Непохожей на всех.

– Белая ворона, что ли? Да вроде бы нет.

– Не знаю, как толком объяснить… Ты вела себя как… я не знаю… Ты даже не говорила почти ни с кем, кроме этой чокнутой Мехрибан!

– Ерунда! – кривится Лейла. – Я не задирала нос, не выпендривалась. Одевалась как все, ходила как все… Да, у меня были известные родители, и что? Мало ли у кого какие родители!..

– Нет, нет… – закуривает опять Джавид, выпускает густо дым в потолок. – Это как у военных самолетов система распознания «свой-чужой». Они по сигналам распознают чужого.

– И что?

– Ты была как… принцесса! Особая! – порывисто говорит Джавид.

– Джавид, я плакала почти каждый день, – говорит Лейла с горечью, продолжая глядеть в окно, за которым виден уже оживший к этому времени кусочек центральной улицы. – Неделю, две, три… не помню. Я, конечно, могла пожаловаться отцу, могла позвать брата, но было так обидно. Невыносимо. Не из-за их насмешек… а из-

за тебя, из-за твоего предательства.

Появляется официант с подносом. Ставит кофе перед Лейлой и Джавидом, тарелку с пирожными.

– Что-нибудь еще?

– Нет… спасибо, – упавшим голосом говорит Джавид и сминает недокуренную сигарету в пепельнице. Официант меняет пепельницу и уходит. – … Я не знаю, что сказать тебе… я…

Зачерпнув ложечкой кофейную пенку, Лейла пробует капучино:

– Вообще-то, – говорит она, – очень неплохо. Вкусно.

14

Зайдя в свою спальню в старом доме, Лейла прикрывает за собой дверь. Шум и голоса из гостиной становятся глуше. Первым делом она раздвигает занавеси, деловито оглядывается по сторонам: много вещей. Поджав губы, Лейла идет через всю комнату к массивному шифоньеру. Шифоньер набит до отказа ее старыми нарядами. Она скептически глядит на платья, аккуратно, в ряд, висящие на плечиках, легко проводит по ним рукой. Зацепившись взглядом за одно из них, снимает платье с вешалки и прикладывает к себе, смотрится в зеркало на дверце шифоньера, а затем, сняв с плечиков, небрежно кидает его на кровать. В дальнем углу шифоньера висит ее свадебное платье, обернутое в целлофан с нафталиновыми шариками.

Лейла выходит из комнаты и возвращается с пустой коробкой. Положив ее на пол у кровати, она по очереди снимает платья с плечиков и, не складывая, бросает их в коробку. Голоса и шум в коридоре то нарастают, то становятся тише. В комнате душно. Смахнув со лба испарину, Лейла прерывает работу и безуспешно пытается открыть окно. Оконная рама безнадежно рассохлась. Она изо всех сил дергает ручку, ржавые шурупы выскакивают из гнезд, и ручка отрывается.

– Зараза! – швыряет она ручку на ковер.

Коробка между тем уже почти полная, а в шифоньере еще много вещей. Уперев руки в бока, она озирается по сторонам, в раздумье поджимает губы. Затем решительно сдергивает с кровати покрывало, расстилает его на полу и вываливает на него содержимое коробки.

– Лейла-ханым? – просовывается в полураскрытую дверь голова прораба в вельветовой кепке.

– Что? – оборачивается она к нему, на ходу снимая заколку, туго стягивающую на затылке волосы. Тряхнув головой, она распускает волосы по плечам.

– Второй этаж уже пустой, – сообщает прораб, не заходя в комнату. – Все вынесли. Машина уже ушла. Сейчас уже здесь начинаем. Вы долго еще?

– Нет. Осталась только эта.

– Тогда мы пока начнем с большой спальни.

– Начинайте.

– Понял.

Крючковатый нос и вельветовая кепка прораба исчезают за дверью.

Лейла утрамбовывает руками пеструю гору одежды. Теперь очередь за полками и комодом.

В дверь снова просовывается вельветовая кепка прораба.

– Лейла-ханым, извините, что беспокою, там внизу ребята кое-что нашли, хочу показать вам.

– Что еще нашли?

– Да в подвале. Они подвал освобождали, там шкаф такой здоровый, чуть не до потолка. Я уже звонил Рауф-муаллиму, он сказал, чтобы вы сами посмотрели…

15

Лейла с прорабом быстро спускаются на второй этаж, проходят мимо большой гостиной с камином – без мебели гостиная выглядит еще более обветшалой, позолота на потолочной лепнине еще более тусклой, а зеленые разводы по углам еще более зловещими, словно трупные пятна. Прораб с кожаной папкой подмышкой едва поспевает за ней.

– Все, все уже вынесли… – тараторит он, указывая на ходу папкой в глубину коридора с распахнутыми настежь дверьми пустых комнат. – …Ребята работают как часы…

Они продолжают спускаться, оказываются в фойе, которое так же, как и гостиная, выглядит сиротливо и пусто. Прораб забегает вперед перед Лейлой, показывая ей дорогу. За одной из дверей на правой стороне начинается довольно узкий коридор, освещенный стоящим у стены переносным строительным светильником, от которого тянется канареечного цвета желтый кабель. Стены коридора окрашены до середины салатовой краской.

– …мы временно напрямую соединили… завтра, дай бог, – оборачивается он к следующей за ним Лейле, – Фарман подойдет, займется электрикой.

– Ну и где? – спрашивает нетерпеливо Лейла.

– Дальше, дальше! Там, внизу, типа склада, велосипеды стояли…полки…коробки…

– Да знаю я! Это кладовка. Соленья там держали…

– Сейчас, сейчас!

Они доходят до еще одной двери, за которой начинается просторное помещение со стеллажами вдоль стен. Здесь тоже горят по углам переносные светильники. Они подходят к трем рабочим в комбинезонах, стоящим у сдвинутого в сторону громадного шкафа. За шкафом видна неоштукатуренная кирпичная кладка.

– Что это? – сложив руки на груди, спрашивает Лейла.

– Шкаф подвинули, а тут вот это.

– Просто стена…

– Да нет! – подскакивает к стене прораб и начинает кулаком молотить в нее. – Слышите?.. Слышите?.. Пустой звук! Это кирпичами заложили.

– Ханым, – говорит один из рабочих, – я снаружи посмотрел…

– Со двора! – встревает прораб.

– …там окно маленькое. Только грязное очень, ничего не видно.

– И что это может быть? – спрашивает Лейла. – Давайте посмотрим.

– Так и я говорю, давайте! А то мало ли… Сабир, тащи кувалду!

…Звуки ударов кувалдой разносятся по всему дому. Почти пустой дом болезненно вибрирует. Лейла стоит чуть в стороне, рядом с нею прораб; сняв кепку, он трет лысину платком. Кирпичи крошатся, кладка проседает и в конце концов с грохотом обваливается. Показывается крашеная коричневой половой краской простенькая дверь с глазком.

– А я что говорил! – машет руками прораб. Ловко прыгая по кирпичам на полу, он подскакивает к двери и стучит в нее костяшками пальцев. – Там какое-то помещение, Лейла-ханым! Ломать? Может, ключ есть?

– Я же вам всю связку отдала.

– Да! Да! Да! – частит прораб и, переложив папку из-под правой руки под левую, выуживает из кармана брюк внушительного размера связку ключей. – Сабир, посвети, посвети сюда!

Рабочий придвигает один светильников, направив его на проем в стене. Прораб цепляет на нос очки и начинает пробовать ключи, бормоча себе под нос:

– … это не отсюда… это от верхнего этажа точно… это…это от решетки… этот

сейчас попробуем… ну-ка!

Он нагибается вниз, вглядывается в замочную скважину, отходит чуть в сторону, чтобы было больше света.

– Сейчас… – прораб вставляет ключ, разгибается, тянет дверную ручку на себя и с усилием поворачивает ключ в замке, успевая на ходу, вывернув голову, спросить у Лейлы: – А вы не знали про это?

Щелкает замок. Прораб толкает дверь, и она открывается. Яркий свет переносного прожектора выхватывает из мягкого сумрака помещение.

– Свет поближе сделайте! Несите сюда прожектор! – нетерпеливо кричит прораб и первым переступает порог. Кто-то из рабочих подтаскивает ближе прожектор. Лейла, балансируя, осторожно переступает через кирпичи на полу и подходит к дверному проему.

– Ничего себе! – восклицает прораб, сдвигая вельветовую кепку на затылок.

В довольно просторной комнате у одной стены, оклеенной выцветшими голубыми обоями, стоит диван, покрытый клетчатым пледом, у другой – железная кровать с тумбочкой. На стене над кроватью висит простенький ковер. В глубине на старомодной радиоле черно-белый телевизор. Полки с книгами. Прораб возвращается к проему, резко вырывает из рук рабочего прожектор и заносит его в комнату. Лейла заходит следом за ним, оглядывается.

– Смотрите, Лейла-ханым, тут и кухня имеется! Живи, не хочу! – откинув занавеску, разделяющую комнату на две части, он тычет пальцем в газовую плиту и раковину в углу за небольшим кухонным столиком. – Даже холодильник…

Лейла проходит в глубину комнаты. Рядом с диваном стоит платяной шкаф. Она осторожно открывает его. Висит женская одежда. Летняя, зимняя.

– И главное, – кричит ей прораб, проверяющий краны раковины, – чисто. Даже пыли почти нет!

Рабочие по одному заходят в комнату. С любопытством оглядываются, комментируют.

– Слушайте, – оборачивается Лейла к прорабу, – может, мы по ошибке в чужой дом вломились? Ведь дверь же заложена была?

Прораб замирает на мгновенье, потом снимает кепку, скребет лысину и вдруг снова оживает:

– Нет, нет, нет! Дверь тут только одна! Больше дверей нет! И потом, окно в ваш двор! Сабир же проверял… Са-бир! Ты проверял?

– Проверял, – медленно отвечает рабочий и показывает пальцем в занавешенные пол-окна почти под самым потолком. – Окно – вот это самое.

– И главное – чисто. И даже запаха почти нет, чувствуете, чувствуете? – задрав крючковатый нос вверх, прораб принюхивается. – Только чуть-чуть сыростью пахнет. Может, кто из ваших родственников жил? Бабушка, тетя какая-нибудь? А?

Лейла пожимает плечами.

– Не помните? Не слышали никогда?

– Зачем в подвал селить? Дом-то огромный, нашлось бы место наверху…

– Я разве спорю, ханым? – разводит руками прораб. – Может, просто был какой-то неприятный родственник. У меня вот тетка с отцовской стороны, я бы ее даже в гараже не поселил…

16. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

Сара медленно проходит в глубину комнаты к газовой плите за занавеской. Подслеповато наклонившись, включает газ. Газ шипит, она чиркает спичкой, осторожно подносит к конфорке, вспыхивают ровные голубые лепестки. Она ставит на огонь чайник и, шаркая, возвращается к столу под желтым абажуром.

В тарелке по-прежнему лежит нетронутым единственный эклер.

– Ты думаешь, у меня женихов не было? – спрашивает она в пустоту. – Были! Целых два!

Сара доходит до своего места и, ухватившись руками за стол, медленно садится.

– На самом деле, – продолжает она, – ходить мне легко. После смерти ничего не чувствуешь. Почти ничего. Легкость. Как будто ты в детстве, что ли. А хожу я так по привычке… Женихи были. Первого я даже покажу тебе. Он тут у меня в альбоме. И даже третьего могу показать. Сейчас…

Она раскрывает альбом с фотографиями, наклоняется над ним и начинает перекидывать толстые страницы. Наконец находит нужную. На старой фотографии большая гостиная дома. Возле камина на стульях сидит с десяток человек, среди них в середине – отец Сары. Большинство молодых людей в военной форме, фесках и с почти одинаковыми усами по тогдашней моде.

– Вот, посмотри сама, – она разворачивает альбом и указывает пальцем в одного из офицеров. – Справа. Второй с краю. Турецкий офицер! Они тогда все носили усы. Как у Энвера паши. Он первый и посватался. Как звали, уже не помню, зато помню, что было ему 28 лет. А мне 17. Жалко, видно его плохо. Небольшого роста такой. Но бравый, подтянутый, молчаливый. Как из сказки – оловянный солдатик, – тихо смеется Сара, потом вздыхает. – Отец не отдал. Сказал, куда единственную дочь от себя отпущу? И не отпустил. С папой спорить было невозможно. А за солдатика этого, между прочим, сам Нури паша к папе просить ходил. Брат Энвера. Все равно не отдал. Упрямый был. Отказал вежливо, но твердо. Потом турки из Баку ушли.

Она медленно гладит сухой ладонью пожелтевшую фотокарточку.

– Солдатик… Что с ним стало? Где его убили? Поди, знай. Энвер паша с Нури пашой в Средней Азии сгинули. И этот, наверное, тоже с ними…

– А второй? – едва слышен из темноты голос Лейлы.

Сара поднимает голову. Оборачивается назад. Убирает седую прядь со лба.

– Второй? – сделав паузу, она закрывает альбом и, подперев щеку кулаком, произносит задумчиво: – Не знаю даже, стоит ли про него рассказывать.

На газовой плите начинает шуметь чайник.

– Не закипел еще?.. Что тебе рассказать про второго? – она задумывается, прядь опять падает ей на лицо. Вздыхает. – Второй был студент. Сейчас… Отец его у нас работал, в папиной конторе. Отец его отправил в Казань.

– Кого?

– Студента, конечно! Он был способный, как говорили, даже учился в гимназии на папины деньги. А когда закончил, его и еще пять человек папа отправил в Казань. Учиться на докторов. Вот. – Закипающий чайник долгим свистком оглашает комнату. Сара тяжело поднимается с места и идет в сторону кухоньки за ширмой, продолжая рассказывать. – В 1914-м началась война, потом революция. Он не доучился. Вернулся в 19-м обратно. Стал работать у отца. Но недолго. Я видела его мельком в конторе.

Сара наливает чай. Возвращается за стол с чашкой.

– …куда-то пропал на несколько лет. А потом уже объявился в 23-м. Дом тогда уже у нас забрали, но оставили три комнаты на третьем этаже. Да, да… Мы же не сразу сюда попали. Оставили нам целых три комнаты. Правда, кухня на втором этаже стала общей. В дом въехали новые люди. Привезли кирпичи, поставили повсюду перегородки, делили комнаты, спали даже в коридорах. Повсюду бегали дети. Здесь, под лестницей, и во дворе даже завели кур, – смеется Сара. – Куры гадили на мраморный пол в прихожей, повсюду висело мокрое белье. Ругались, кричали. Русский мужик, слесарь Алексеев, фамилию помню – таскал в дом железный хлам, за деньги точил ножи и топоры. Весь день и полночи дом гудел, как улей. Спать было невоз-

можно. Такое здесь творилось! Пароходы национализировали. Папе дали небольшую пенсию. За то, что он когда-то помогал строить больницу и отправлял детей из бедных семей на учебу. На его пенсию мы четверо и жили.

– Четверо?

– Я, мама, папа и Гусейн. Мой брат. Он вернулся в 21-м. Весь больной, контуженый. Кричал по ночам. Когда он появился, на нем живого места не было. Голова бритая, в фурункулах, кожа на руках потрескалась от холода. Пришел ночью, в мокрой шинели без погон. Зато живой. Мы-то все думали, что он погиб…Так все живо помню! Закрою глаза – и все прямо передо мной…

Сара прикрывает глаза ладонью.

…Она легко, незамеченной, идет по коридорам дома, мимо суетящихся женщин, мимо бегающих детей, раздвигает мокрое белье, висящее тут и там, заглядывает в разделенные перегородками комнаты, где люди спят, едят, ругаются, заходит на общую кухню, завешенную тоскливым паром от готовящейся еды, мимо слесаря Алексеева с его точильным камнем, заходит в крайние по коридору комнаты, где на железной кровати под лоскутным одеялом спит молодой небритый человек, мимо женщины в келагаи, которая несет в стакане чай грузному усатому мужчине, сидящему с отсутствующим выражением лица за круглым столом. Невидимая никому, Сара останавливается за спиной мужчины, смотрит на него долгим взглядом, улыбается, потом опять начинает свое быстрое, ничем не обремененное движение.

– …папа почти не выходил из дома. А когда выходил, возвращался как больной. Видеть все это было мучительно для него. Ну, это понятно. К нам никто почти не ходил. И мы ни к кому не ходили. А потом появился студент. Тот самый. Только он уже был не студент. Ему было уже лет 35. При новой власти он получил должность. Боролся с туберкулезом. Тогда туберкулеза было много. Но вел он себя с папой, как и раньше, с уважением, почтительно. По-другому с папой было и нельзя. Приносил продукты, газеты, рассказывал новости. Иногда обедал у нас. Приносил Гусейну лекарства. Он часто ездил по районам и привозил оттуда сыр, молоко, мед. Говорил: хорошее нельзя забывать. Вы обо мне позаботились, теперь я о вас. Папа вначале сердился, но потом привык. Ко всему ведь привыкаешь…

Сара убирает ладонь с лица.

17

Лейла проверяет сообщения на телефоне. Перед ней на полу закрытая коробка. Из подвала появляется прораб и опять начинает по-собачьи быстро отряхиваться.

– Говорю же, что ни делай – все равно испачкаешься!

Лейла пальцем прокручивает экран телефона, оборачивается к прорабу:

– Завтра ваш этот Фарман придет уже, наконец, или нет?

– Придет, придет, как же! – продолжает отряхиваться прораб так энергично, что с головы его слетает кепка. – Тьфу! – он поднимает с пола кепку и начинает ее трясти. – Фарман – профессионал. Свое дело знает. Начнет работать. Свет нужен! Как без него… вы завтра пойдете в контору? Чтобы счетчики поставили?

– Утром, – говорит Лейла, – из моей комнаты тоже можете все выносить. Я там закончила.

– Хорошо, хорошо! Я говорю, Лейла-ханым, – закончив, наконец, отряхиваться, подходит к ней прораб. – Эту комнату внизу, в подвале – пока оставим?

– В смысле?

– Как каптерку. Ребятам где-то переодеваться, пообедать, а? Разобрать-то мы ее всегда успеем. Чего там делать-то? И потом на плане комнаты все равно, вроде, как бы и нет.

Лейла задумчиво смотрит на прораба.

– Рауф-муаллим сказал, чтобы вы сами решали, – вкрадчиво говорит прораб.

– Ну, хорошо, – пожимает она плечами. – Там видно будет.

Она поднимает коробку с пола. Прораб бросается ей помогать.

– Не надо. Нетяжелая.

– Как же, ханым, не женское это дело…

– Я же сказала – нетяжелая.

Лейла выходит из дома в распахнутые настежь входные двери. Узкая улочка перед домом пересечена длинными тенями. Напротив, у каменной ограды, развалилась рыжая кошка. Лениво щурится в лучах предзакатного солнца. У дверей дома припаркован большой грузовик. Из открытого кузова высовывается мебель, коробки, среди них суетится тощий рабочий в грязном комбинезоне, двое других подают наверх холодильник.

– Лейла-ханым, такси ваше подъехало! – кричит ей с порога прораб.

– Я его к нижнему садику вызвала.

– Правильно, правильно! Точно не нужно помочь?..

Лейла, не оборачиваясь, упрямо мотает головой и обходит грузовик с рабочими.

Идти недалеко, всего метров триста: завернуть за угол соседнего дома и немного спуститься к крошечному скверику, зажатому с трех сторон зданиями, но идти с коробкой на вытянутых руках неудобно – она закрывает обзор.

Солнце клонится за крыши. Лейла заметно устала. Она проходит всего несколько шагов, когда чувствует, как кто-то подхватывает коробку с другой стороны.

– Я же сказала… – восклицает она раздраженно и, наклонив голову набок, пытается рассмотреть того, кто тянет у нее из рук ее ношу.

– Давай помогу… – весело говорит Джавид. – Привет!

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает Лейла, не особенно обрадовавшись встрече.

– У меня же мастерская тут недалеко. Помнишь, я тебе говорил? Там…

– Да, да… – рассеянно отвечает Лейла и украдкой оборачивается назад: с порога дома, попыхивая сигареткой, на нее смотрит прораб. – И что? Рано закрылся сегодня?

– Ты в какую сторону?

– До садика внизу.

– А что там?

– Такси вызвала туда.

– А чего такси? Давай я тебя отвезу куда надо? У меня машина около мастерской.

Лейла не отвечает. Некоторое время они идут молча. Доходят до угла.

Начинает звонить мобильный телефон Лейлы. Она отвечает. У садика видно припаркованное такси.

– Да, вижу вас! Подхожу,– отвечает она и, дав отбой, убирает телефон в карман.

– Лейла, пожалуйста, дай мне просто высказаться! Ты не понимаешь…

– Ничего у нас не выйдет, Джавид, – спокойно отвечает она. – И, кстати, прекрати мне писать.

– Ты никогда не простишь меня, – упавшим голосом говорит Джавид.

Завидев Лейлу и Джавида с коробкой, водитель такси выбирается из машины и открывает багажник.

– Я не могу без тебя. Мне кажется, я с ума схожу… не могу ни жить, ни работать… – говорит Джавид с отчаянием.

Они подходят к такси.

18. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Джавид?.. А что Джавид?

Лейла запахивает полы халата. Встает из-за стола и медленно идет по подвальной комнате, рассеянно разглядывая вещи и книги на полках.

– Если рассказать кому-то, покажется смешным.

– Расскажи. Станет легче, – тихо отвечает ей голос невидимой Сары.

– Джавид. – Лейла засовывает руки в карманы халата. На ногах у нее теплые тапочки. Она подходит к стене с окном почти под самым потолком. Окно мутное. Чтобы заглянуть во двор, нужно встать на стул.

– …в пятом классе написал мне записку. Глупость. Обычная школьная глупость. Я перестала с ним разговаривать. Совсем. Испугалась. А с другой стороны, что я должна была делать, спрашивается? Он оказался упрямым. На уроках не спускал с меня глаз. Я чувствовала затылком, как он смотрит на меня. Он смотрел, когда я выходила к доске, когда раскрывала портфель... А потом еще стал таскаться за мной следом. После школы. Каждый день. Доходил до садика внизу, а дальше я шла сама. А он стоял там. Провожал меня взглядом. И в дождь. И когда был ветер. Он провожал меня, даже когда болел. И все время молча. Все время без единого слова. Мы были как немые.

Лейла садится на скрипучую кушетку. Гладит покрывало.

– Почему я не говорила с ним? Как здесь дует по ногам! Зимой, должно быть, совсем холодно…

– Зато летом прохладно, – смеется голос.

– …я не говорила с ним, потому что тоже была в него влюблена, и мне было ужасно неловко от этого. Мне казалось, что если просто заговорю с ним – все сразу поймут, что происходит. С балкона третьего этажа виден садик. Я уже заходила домой, а он все еще продолжал стоять там иногда. Я думала, это пройдет. Не проходило. Ни у него, ни у меня. Только становилось сильнее.

Лейла подтягивает ноги на кушетку.

Она стоит у окна закрытой балконной двери третьего этажа и смотрит из-за занавески, как в скверике, вписанном в небольшой подъём, стоит мальчик в синей куртке. Рядом с ним на асфальте портфель. Низко над сквериком висит пасмурное небо. Лежат опавшие листья. Мальчик стоит, засунув руки в карманы брюк. Вид у него независимый и одновременно жалкий.

Лейла сидит на кушетке, подобрав под себя ноги.

– Потом он начал сниться мне. Вначале это были простые сны. А чем старше я становилась, тем сны становились… не знаю, как это выразить… я хотела, чтобы он поцеловал меня… и все это время я с ним даже не разговорила! Глупость какая!… Можно я лягу? Меня что-то знобит…

– Ты просто устала, девочка.

Лейла ложится на кушетку.

– …все изменилось в последний год. Его как подменили. Он стал злобный, какой-то жестокий. Он издевался и унижал меня при всякой возможности. Как будто мстил. И я не понимала, что происходит…

– …странно, мы же не разговаривали, и я его, считай, и не знала совсем. Но все время было такое чувство, что знаю. Знаю лучше всех. Такое теплое, родное чувство. Он так… не знаю, застрял во мне. Как заноза. Как заноза, от которой только ноет сердце. Заноза, которая почти не ранит, потому что постепенно растворяется и становится частью тебя.

Лейла приподнимается на кушетке и смотрит внимательно на пустой стул за столом, на котором стоит голубая чашка с остатками чая. Рядом розетка с вишневым вареньем.

– Он снился мне все время. Понимаете? И мальчиком из класса. И уже взрослым. В одном лице. И во сне все мои чувства становились в два раз сильнее. В три раза! Я иногда просыпалась среди ночи и лежала неподвижно рядом с мужем, не смея пошевелиться. Мне казалось, если он проснется – все сразу поймет. Увидит. Догадается. Мне было стыдно за себя.

Лейла встает с кушетки, поправляет покрывало, разглаживает его, подходит к столу и садится.

– Все-таки я очень долго любила его, – говорит она почти бесстрастно.

– Ну, а сейчас?…

За занавеской на кухне капает вода.

19

Над крышами старого города постепенно густеют розовые сумерки. Только что прошел быстрый весенний дождь. Уже вспыхивают фонари в глянцевых лужах. Небо после дождя почти чистое.

Лейла выбирается из такси. Поправляет сумку на плече и, задержавшись на мгновенье перед дверью, закинув голову, скептически оглядывает темные окна особняка. В свинцовых окнах плывут отражения сумерек. Сверху вниз холодно глядят на нее привычно подпирающие балкон кариатиды.

Достав из сумки ключи, Лейла набирает номер на мобильном. В трубке слышится быстрая мелодия, а затем бодрый голос оператора сообщает, что телефон либо выключен, либо временно недоступен. Лейла дает отбой, набирает снова с тем же результатом. Она одна в пустом переулке. Лишь издалека, со стороны сквера, эхом доносятся голоса подростков.

Как и в первый раз, она долго возится с входным замком. Открыв парадную дверь, входит в дом. Нащупав на стене выключатель, щелкает им. Вспыхивают две яркие лампочки под потолком, освещая пустое помещение со стоящим в углу переносным светильником. Лампочки просто свисают на проводах из отверстий в потолке.

Лейла почти бесшумно подходит к лестнице. Но шаги ее – даже легкие и быстрые – все равно невольно нарушают нежилую тишину дома.

Чуть замешкавшись, она взбегает по ступеням наверх.

Щелкают включатели на втором этаже, слышны шаги Лейлы вдоль коридора, открываются и закрываются двери комнат. Затем быстрые шаги становятся заметно глуше: очевидно, что она поднялась на этаж выше.

Затем на некоторое время наступает тишина. Тишина длится недолго. Как музыкальная пауза. Затем издалека снова слышны шаги Лейлы и звуки ее голоса. Она говорит с кем-то, но слов сначала не разобрать.

За окнами фойе молочные сумерки уже сменились темнотой. Шаги ее и голос становятся громче, когда она начинает спускаться по лестнице.

– …да… да… только свет… сказал, что будут до восьми – половины девятого…

Она спускается в фойе, держа на ладони телефон, говорит по громкой связи.

– …я же тебе говорю, я приехала минут 15 назад… никого нет. Поднялась наверх… ничего не сделано. Только свет включили.

– …может, в подвале что-то делали, – отвечает Рауф. – Откуда я знаю. Ты не торопи их пока. Только же начали…

– Я не тороплю. Но он же сказал, что привезут сегодня материал… трубы для линий… я ему звоню, у него выключен телефон.

Лейла стоит в центре пустого фойе.

– Внизу смотрела? Они же там должны были начать. Как это называется…?

– Бойлерная комната.

– Котельная!

– Сейчас…

Продолжая говорить с Рауфом по телефону, Лейла направляется к входу, ведущему в служебные помещения и подвал.

– …я ему, конечно, позвоню, но ты тоже сразу не начинай паниковать. Через неделю-две станет ясно…

– Ты же сам говорил, что у них над головой стоять нужно…

– А кто спорит… Ты еще там?

– Иду в подвал.

– Слушай, а ты не боишься там одна?

– А чего мне бояться в собственном доме?

– А в детстве боялась…

– Я сейчас уже ничего не боюсь. После Эльмана и его мамаши.

Она проходит коридор, ведущий к складу, спускается по ступенькам, везде включая свет.

– Он, кстати, звонил.

– Прораб? Когда?

– Эльман.

– И что?

– Жаловался на тебя, – Рауф заминается. – Голос стал поднимать, наезжать начал. Я его быстро привел в чувство. Извинился. Просил с тобой поговорить.

– Считай, что поговорил, – отрезает Лейла.

– Все равно, что-то надо решать. Так не годится.

– Я разберусь, Рауф. Не беспокойся.

Она проходит склад, заглядывает в старую котельную, где тоже не видно никаких следов работы.

– Что значит «не беспокойся»? Ты сама понимаешь…

– Слушай, я здесь в котельной – тут тоже ничего не тронуто. Как было, так и есть.

– Лейла…!

Она выходит из котельной и доходит до пролома в стене. Толкает дверь. Включает свет. Комната, как и раньше, выглядит чисто и прибрано. Застеленная кушетка. Круглый стол, покрытый выцветшей клеенкой. Диван. Полуоткрытая занавеска, за которой маленькая кухонька. Не слушая Рауфа, Лейла осторожно заходит в комнату.

– … ты же должна это понимать…

– Слушай, ты говоришь, у Соны спросить?

– Какой Соны? Насчет чего?

– Да я насчет этой комнаты странной. В подвале. Думаешь, она будет помнить?

– Лейла! – раздраженно бросает Рауф. – Я с тобой о серьезных вещах говорю!

– А это что, по-твоему, – несерьезно? Кто здесь жил? Зачем дверь заложили? Соне 83? 84? Она меня уже, наверное, не узнает…

– Ты за нее не беспокойся! Пойди, как раз и навести. Заодно и спросишь.

Лейла подходит к столу, оглядывается.

– А ты сам не помнишь? Чтоб здесь кто-нибудь жил?

– Не знаю, Лейла. Мать все время каких-то родственников в дом таскала.

Лампочка в желтом абажуре вдруг начинает искрить, словно скакнуло напряжение, потом резко мутнеет, становится почти карамельной и гаснет. Свет гаснет во всем доме. Лейла остается в кромешной тьме, она быстро проводит пальцем по телефону, оживляя экран.

– Тьфу…! Я так и знала…

– Что?

– Свет вырубился! Представляешь? Этот его хваленый электрик… чтоб его!

– Ладно, выходи уже оттуда…

Направив свет телефона перед собой, Лейла торопливо идет к двери, спотыкается о ножку стула, телефон вылетает у нее из руки, и она, упав на одно колено, наступает на него в темноте. Экран гаснет.

Лейла оказывается в полной темноте. Она стоит, вытянув перед собой руки, почти не двигается, ощупывая перед собой пространство, словно слепая. И тут становится очевидно, что старый дом весь полон каких-то звуков. Над головой скрипят половицы, из открытых дверей с подвыванием тянут сквозняки.

– Мамочки! – сипло выдавливает из себя Лейла, парализованная страхом. Она продолжает стоять, водя перед собой руками. – Рауф?..

– Не бойся, девочка, – шепотом говорит из-за ее спины Сара. Голос Сары почти неотличим от шелеста ветра, от шорохов вокруг. Лейла резко оборачивается, словно слышит ее.

– Кто здесь?

В ответ продолжает поскрипывать и шуметь старый особняк.

Сара стоит у нее за спиной.

Лейла наконец делает первый шаг вперед. Глаза ее уже немного привыкли к темноте. Маленькими шажками, вытянув руки, она движется к выходу из комнаты.

– Ничего, девочка, – шепчет ей в спину Сара. – Просто старый дом…

Голос Сары звучит успокаивающе. Лейла продолжает медленно идти наощупь.

– …просто старый дом! Иди, не бойся …от подвала до чердака, – шепчет ей Сара. – Всегда шумит. Особенно зимой. Чего тут бояться-то? Тебя здесь никто не обидит…

20. (квартира брата)

В открытую балконную дверь, прикрытую легкой занавеской, слышен ровный звук утреннего трафика. Длинный поток машин сверкает на солнце почти такой же серебряной рябью, как и море на набережной, кусочек которой виден с верхнего этажа новостройки. Лейла, уже одетая для занятий в тренажёрном зале, стоит в балконном проеме и допивает кофе.

– Доброе утро! – окликает ее вошедшая в комнату Мелек. – Опять бегать?

Лейла оборачивается:

– Доброе!

– И охота тебе в такую рань? Поспала бы… За детьми смотреть не надо, на работу не надо. Стройка и без тебя обойдется…

Кажется, что Мелек говорит вполне нейтрально. Улыбаясь, поправляет поясок шелкового халата, накинутого поверх ночной рубашки. Лейла возвращается на кухню и, выплеснув остатки кофе в раковину, моет свою чашку.

– Да оставь, Зибейда придет через час и помоет, – зевает Мелек. – Сейчас все равно куча посуды будет.

Лейла ставит чашку на сушилку.

– Как там дети? – потягивается Мелек. Закипает и отключается чайник. Мелек опять зевает. – Никак не проснусь. Все время усталость какая-то…

– Может, железа не хватает?

– Да пью. В таблетках. Уже месяц как. И витамин «D», не помогает! Надо пойти кровь сдать…

– Надо, – бросает Лейла и снимает телефон с зарядки. По инерции проверяет мессенджер. Статус показывает, что дочь в сети. Лейла сразу нажимает пальцем на кнопку звонка, слышны вызывные гудки, через секунду зеленый огонек статуса гаснет: дочь выходит из сети.

– Ренке звонишь? – спрашивает Мелек. – Я, кстати, с ней вчера говорила…

21

Когда Лейла выходит из тренажерного зала, утро уже в полном разгаре. На ходу застегивая легкую куртку, она спешит к пешеходному переходу. Ее окликают.

Выйдя из тени здания, к ней быстро подходит Джавид.

– Привет! – говорит он как ни в чем не бывало. – Тебе в какую сторону?

– Ты чего здесь делаешь?

В мерцающем весеннем свете, без косметики, с собранными в пучок на затылке волосами, Лейла выглядит почти девчонкой.

– Был здесь недалеко. По делам, – говорит он, совершенно не стараясь убедить.

– Не ври, Джавид. Хватит. И прекрати уже за мной таскаться. Сколько можно просить?

– Можно я подвезу тебя?

– Нет! – качает головой Лейла. – Ни к чему… Езжай домой или куда ты там шел. Прямо проходу от тебя нет!

– Со школы за тобой таскаюсь.

– Вот именно! Не надоело? Как ты вообще узнал, что я здесь? Следил, что ли?

Джавид нервно достает пачку сигарет и опаять сует ее в карман куртки.

– Пожалуйста, Лейла…Просто подвезу. Обещаю – не буду больше за тобой ходить. Мне просто очень надо сказать тебе кое-что…

– Опять?

22

Он опускает свое водительское стекло, засовывает в рот сигарету.

– Не кури, пожалуйста, от меня потом пахнуть будет. – Лейла держит перед собой на коленях спортивную сумку. – Мне в Крепость, к дому. Только остановишься внизу, ладно? Еще до садика, на перекрестке. Незачем, чтобы нас с тобой видели.

Он запускает мотор и, пропустив несколько машин, резко вписывается в поток. Некоторое время они едут молча. Из раскрытого окна тянет запахом моря и цветущих деревьев. Сигналят машины. Движение плотное, нервное.

– Лейла… – прерывает он наконец затянувшееся молчанье.

– Да.

– Лейла…

Джавид никак не может начать разговор. Нервно откашливается.

– Ну, говори?

– Я твердо решил уйти от нее, – говорит он, не спуская глаз с дороги.

– От жены?.. Уходи. – пожимает она плечами. – А я тут при чем? Надеюсь, ты от нее не ко мне собрался? Я тебя не приглашала, между прочим.

Джавид поворачивается к ней:

– Неужели ты не понимаешь?..

– Чего не понимаю?

– Я всю жизнь только тебя и любил! Никого больше, понимаешь? Говорю, что есть.

Лейла молчит.

– Я хочу сказать, что за все эти годы мои чувства никуда не делись.

– Ты мне уже писал об этом. – Лейла опускает сумку себе под ноги.

– Тебе все равно?

– Нет. Но это не имеет никакого значения.

– Почему?.. Ну, почему? Я знаю… – запинается он, – … я чувствую, что ты меня тоже любишь… разве нет…? Я и тогда, в школе, это знал. Не спрашивай, как, просто знал!

В голосе его проскальзывают нотки отчаянья. Перед мысленным взором Лейлы на мгновенье возникает мальчик с портфелем перед облетевшим по осени скверником внизу.

– Послушай, – мягко прерывает она его. В первый раз с тех пор, как они сели в машину, она поворачивается к Джавиду, – ну послушай меня, все это… как тебе это сказать – слишком уж сложно. Сложно. Слишком проблематично. Ну, ты же сам все понимаешь. У нас разная жизнь. Так уж вышло, Джавид. Наверное – несправедливо, но так, как есть. У меня дети в Америке, у тебя жена – зубной врач.Ты хороший художник…

– Да какой я теперь, к черту, художник! – взрывается Джавид. – Все, кончился давно! Я больше никто, пустое место! Ты видела мою мастерскую? И не надо туда ходить! Больше нет мастерской. Теперь это лавка для туристов в Крепости! Слышишь, Лейла? Я каждый день отпираю эту лавку, а потом стою там и втюхиваю туристам китайские сувениры…Это она превратила меня в лавочника!.. Лейла, мы можем начать все…

В этот момент сзади раздается сильный звук удара, машину резко бросает вперед, и она въезжает в стоящий перед ней автомобиль. Побледневший Джавид по инерции жмет на тормоза и на сигнал одновременно.

23

Они идут от склада через коридор к черному выходу во двор. Прораб, чуть припрыгивая, отчаянно жестикулирует, то и дело нервно поправляя вельветовую кепку.

– …вы говорите – свет. Свет – это мелочь… две минуты починить…

– Какая же это мелочь? Все вырубилось, я осталось в кромешной темноте…

– Со всем уважением, Лейла-ханым, сами же видите – свет горит!

– Я, получается, обманываю?

– Не дай бог, я так не говорил… но сейчас же все горит.

– Тогда что было вчера? Это ваш профессионал-электрик?

– Фарман – номер один! Знаю, что говорю…! Вы еще сами увидите, в этом городе второго такого нет. Есть еще дядя Миша с 20-го участка, но ему 80 лет…

Они доходят до двери.

– …говорю вам, свет – это мелочь, – прораб толкает плечом железную дверь, она раскрывается со скрипом, – у нас тут проблема посерьезнее.

Он придерживает дверь, Лейла выходит в узкий двор-колодец с покосившимся деревянным сарайчиком. Над двором – бирюзовое небо с единственным облачком. Солнечный день, но в колодце всегда полумрак. По углам среди полуживых сорняков грязными кучками валяется пестрый мусор. У стены напротив разросся вонючка-айлант. Двор выглядит неопрятным.

Лейла все в той же легкой куртке, невольно ежится. Несмотря на солнце, здесь прохладно.

Прораб подходит к стене дома и без слов показывает обеими руками на широкую трещину, которая начинается от земли и ползет вверх до самой крыши. Вокруг валяются куски каменной облицовки. Он то подбегает вплотную к стене, просовывает короткие пальцы в наиболее заметные участки трещины, то отбегает в сторону и, заломив кепку назад, молча разглядывает ее, уткнув руки в бока.

– Ее же не было раньше? – спрашивает Лейла. Трещина выглядит неприятно. Как разрыв. Прораб разводит руками, а затем, сорвавшись с места, подбирает с земли крупный кусок камня и подбегает к ней.

– А я что говорю! Свежая! Посмотрите сами… – он сует под нос Лейле камень. – Видите? Вчера поползла.

– Когда вчера?

– А я знаю? – прораб швыряет камень в сторону. – Три пальца лезет! Мое везение!

Лейла подходит ближе к стене. У самой земли видно пол-окна подвальной комнаты. Трещина обходит дугой окно и тянется вверх.

– Да вы не подходите близко! Что вы, Лейла-ханым, облицовка в любой момент оторваться может… не дай бог! Главное, если бы бетон, полдела. Мы бы вдоль стены сделали траншею, прошлись бы шпателем, потом загрунтовали бы, забили бы анкера… а тут – даже не знаю пока, что делать. Сваями укрепить… но трещина слишком большая… дом, считай, аварийный.

– Но не было же трещины! – теряя хладнокровие, говорит Лейла. – С чего вдруг?

– Да я откуда знаю? – разводит руками прораб. – Осадку дал. Может, вода размыла. Может легкое землетрясение было… кто может сказать? А скорее всего, трещина и раньше была, просто расползлась теперь.

– И что теперь делать?

– Сваи вбивать надо. Я уже Рауф-муаллиму сказал. До понедельника придется ждать.

– Почему до понедельника?

– Я позвонил тут нескольким спецам. Договорились на понедельник.

Сложив руки на груди, Лейла беспомощно разглядывает черную трещину.

– Эх! – стаскивает с головы кепку прораб. – Пропал дом!

24

Лейла поднимается по узкой, мощеной булыжником улице, пропустив машину, сворачивает в переулок и выходит на Малую Крепостную. Шаги ее по-прежнему быстрые, уверенные, как у привычного к ходьбе человека, но в них нет больше прежней легкости. Лейла идет, опустив голову, придерживая спортивную сумку, свисающую с плеча, почти не глядя по сторонам. Каждая трещина в асфальте, в каменной кладке старой крепостной стены напоминают ей о расколовшейся стене дома.

Лейла выходит к станции метро «Баксовет». Уже по-весеннему цветет Губернаторский сад, и уже по-весеннему много людей на улицах: ей то и дело приходится маневрировать среди медленных прохожих. Дождавшись в толпе зеленого света светофора, она перебегает на противоположную сторону и мимо автобусной остановки, мимо посольства идет к памятнику Ахундову. Там на углу – кондитерская.

25

– Это с орехами? – Лейла показывает пальцем на пирожные за стеклом.

– Да. Есть и с миндалем. Положить?

– Да.Три.

– С миндалем или с орехами?

– С миндалем. А это у вас штрудель?

– Тоже положить?

– И эклеров.

– Тоже по три?

– Эклеров пять. Нет, давайте – шесть.

Продавщица складывает пирожные в коробку.

– У вас карточкой платить можно?

С нарядной коробкой в руках Лейла ловит на углу такси.

26

– Ой, моя красавица! – обнимает Лейлу некрасивая женщина лет пятидесяти. У женщины длинное лицо. Она несколько раз смачно целует Лейлу в щеку. – Сколько лет тебя не видела! Проходи, проходи!

Лейла и женщина проходят в большую, набитую мебелью комнату. Лейла ставит коробку с пирожными на стол.

– Мама, – почти кричит хозяйка дома, обращаясь к пожилой женщине, сидящей в кресле перед включенным телевизором, – ты только посмотри, кто пришел!… Лейла!

Пожилая женщина, растерянно улыбаясь, поворачивает голову к Лейле. В ушах у нее слуховой аппарат.

– Помнишь Лейлу? Дяди Назима дочка…

Лейла наклоняется к старушке и целует ее в щеку:

– Тетя Сона, узнали?

Понизив голос, хозяйка дома говорит Лейле вполголоса:

– Ты не обращай внимания, она почти не узнает никого уже. Старая, да!

Старушка пристально разглядывает Лейлу:

– Как я по тебе соскучилась! Чего ты не заходишь? С того раза так и не заходишь.

– С какого, тетя?

– Не обращай внимания, – повторяет хозяйка. – Ты садись, садись, я сейчас поставлю чайник. Или, может, я тебя покормлю лучше, а? Как раньше? Хороший рис я сделала, с тыквой и бараниной… Давай, а? Давай, моя красавица! Отощала ты в своей Америке! Одни кости! Куда ты худеешь!

– Вообще-то я с утра ничего не ела, – легко соглашается Лейла.

– Покорми, покорми, девочка со школы пришла, – улыбается старушка в кресле.

Лейла подтаскивает стул и садится рядом.

– Как ты, тетя? – спрашивает Лейла громко.

– Хорошо! – кивает старушка. – Ноги иногда побаливают.

Наклонившись вперед, сообщает:

– Пучит иногда. Уже второй день в туалет не хожу.

– А чего ты детей не взяла? – кричит из кухни хозяйка дома. – Уже большие…

– У них школа! – кричит ей в ответ Лейла.

– Чьих детей? – спрашивает удивленно старушка.

– Моих, тетя, у меня две девочки, помнишь их?

Старушка удивленно смотрит на Лейлу:

– Вечно ты меня разыгрываешь! Какие дети? Ты в какой класс перешла?.. Седьмой? Вот расскажу я Назиму, как ты шутишь надо мной.

– Мама, – кричит из кухни хозяйка, – дядя Назим умер давно, пять лет назад умер…

– Умер? Глупости какие. У нее с головой не все в порядке, – наклоняется она к Лейле. – На нее внимания не обращай. Как муж от нее ушел – у нее с головой стало что-то не то. Я с Назимом утром говорила. Ага! Он собирается дом ремонтировать. Сказал, чтобы ты у нас осталась, пока ремонт идет.

– Лейлуша, – окликает ее из кухни хозяйка, – я сейчас тебе еще компота кизилового налью. Такая прелесть!

– Назим обещал, как ремонт закончит – все в ваш дом переедем. Помнишь, как раньше? Что в этих четырех стенах сидеть? Это разве дом?

27

– Слушай, ты спроси лучше у мамы, прошлое она помнит неплохо, вот новое забывает… У вас там столько народу жило. Твоя мать всех родственников в дом таскала,– тихо говорит хозяйка. – Я уберу со стола? Как тебе рис с тыквой, правда, вкусно?

– Очень! Спасибо, Самира, у меня уже от голода голова кружилась. Давай я тебе помогу…

– Сиди, сиди, сиди! Сейчас чай пить будем. Ты вот лучше маму развлекай, а то она тут целыми днями скучает.

– Ничего я не скучаю, не болтай! Ко мне каждый день гости ходят. Навещают. Назим заходит, – перечисляет она, – Вюсаля, Сакина-ханым…

– Всех покойников вспомнила? – возмущается Самира.

– …даже дворник наш заходил – Яша, молоканин…

– Умоляю тебя, – прыскает Самира, – только дворника Яши нам не хватало… Мама, Яша двадцать лет назад от цирроза умер! Еще в старом дворе…

Старушка заговорщически подмигивает Лейле и стучит пальцем по виску. Вздыхает:

– Жалко ее. Без мужика совсем тронулась…

– Э-э-э…! Мама! Сама видишь, да! – поворачивается Самира к Лейле, продолжая собирать тарелки на поднос.

Лейла пересаживается поближе к старушке.

– Ты моя красавица! Дай бог, хорошего мужа найдешь… Ты в седьмом или восьмом классе? Все время забываю! Старая стала твоя тетя Сона.

– В пятом, мама! – смеется Самира.

– Над собой издевайся! В пятом! В пятом у нее косички были…

– Тетя, – спрашивает Лейла, – ты помнишь, в нашем доме рядом с кладовкой была комната?

– Комната?

– Ты кладовку нашу помнишь?

– Конечно.

– Там сбоку дверь.

– Ну, знаю. Квартирантка жила там.

– Квартирантка? Что за квартирантка? А почему я ее не помню? И Рауф?

– Ты маленькая, потому и не помнишь. Она все время там жила. Назим не любит, когда ее беспокоят. Ты думаешь, чего тебя в кладовку не пускали? – смеется Сона. – Чтоб не беспокоила. Женщина тихая, ее не слышно и не видно. Как мышь.

– А звали ее как?

Возвращается Самира и ставит на стол коробку с пирожными, открывает ее.

– Ой, куда столько! И эклеры!.. Твои любимые эклеры! Видишь, что Лейла принесла!

– Терпеть не могу эклеры, – качает головой старушка.

– С каких это пор? С ума сошла!

– Сама с ума сошла. Не люблю эклеры.

– Конечно! – с сарказмом бросает Самира. – Любишь или не любишь – больше одного тебе нельзя, ясно? Только один.

– У нее сахар запредельный… – объясняет она Лейле. – Слышишь, мама? Только один!

– Терпеть не могу эклеров.

Самира идет на кухню за чаем.

– Тетя… – на столе начинает вибрировать телефон Лейлы. Она смотрит на экран и поднимает трубку. Говорит с Мелек.

– …я у Соны. Да... На Ясамале. Не знаю пока, а что? Что за гости? Поняла… Постараюсь к восьми тогда. К восьми нормально? Говорю – постараюсь. Что-нибудь взять?

Лейла дает отбой.

– Сейчас чай уже будет! – кричит из кухни Самира.

Старушка делает знак рукой Лейле, чтобы она наклонилась поближе.

– Смотри! – говорит она шепотом, показывая на что-то, завернутое в салфетку, у себя на коленях под столом.

– Что это, тетя?

Старушка разворачивает салфетку: три эклера из коробки.

– Один тебе, один мне, а один отнесешь квартирантке. Жалко ее, – сморщила она лицо, – всю жизнь в подвале живет – не видно ее и не слышно. Пусть порадуется! Только смотри, не говори с ней! Отдай и уходи сразу!

– Почему, тетя?

– Чужая судьба вещь заразная. Особенно – плохая. Как грипп. Станешь с ней разговаривать – и на тебя перейдет…

28. В ночь на воскресенье (полуподвал, продолжение)

– Я любила эклеры, – Сара рассматривает пирожное на тарелке. – Когда эклер хороший, укусишь его – как сладкое облако на языке.

– Скажи ей спасибо от меня. Скажи, Сара благодарит. – Она продолжает поворачивать тарелку вокруг своей оси, любуясь эклером, затем вдруг вскидывает голову. – Нет. Лучше не говори ей ничего. Я сама когда-нибудь, при встрече…

Полусумрак за пределами карамельного круга, очерченного светом абажура над столом, отвечает ей ритмичным звуком капающей воды.

– …на чем я остановилась? Ах, да! На женихе номер два, – смеется Сара. – Ну вот, он ходил. Несколько месяцев. Время было тяжелое и без его помощи нам было бы еще тяжелей. Он даже работу мне нашел. Да! В типографии. Тогда много переводили европейских писателей, статьи всякие. Я знала французский, знала немецкий. Могла и с английского, если надо. Ходила раз в неделю в типографию. Мне давали заказ, я переводила. Платили мало. Ходила, между прочим, тайком от папы. Он, бедный, делал вид, что не знает, что мы с мамой готовим на общей кухне. Они тогда оборудовали общую кухню на втором этаже. Что готовим поздно вечером, когда на кухне меньше народу, и быстро. Люди в дом въехали разные. Были и хорошие. Но не любили они нас все одинаково.

– Почему?

– Как почему? Это был наш дом. Все они жили в нашем доме. Своим присутствием мы все время им об этом напоминали. Мы старались вести себя тихо, но им было этого мало. Только отец, когда выходил, шел так в своем шерстяном пальто и старомодных штиблетах, как будто и мраморная лестница, и пароходы все еще принадлежат ему. При виде него они замолкали. Алексеев переставал крутить свое точильное колесо в фойе. Но выходил он редко. Потом еще реже. У него отекали ноги. А нас с мамой травили на кухне. Мы боялись говорить об этом дома. Гусейн мог услышать. Он был бешеный... Вот он…

Она раскрывает альбом, перекидывает несколько страниц: Гусейн смотрит из-под заломленной назад папахи черными, как уголь, глазами прямо в камеру, под буркой видна форма кавалериста. Лицо у него худое, гладко выбритое, дерзкое.

– 1915-й, перед тем как их с конной дивизией отправили в Карпаты, на Австро-Венгерский фронт. Там его ранили в первый раз. Такой он был… …отвлекаюсь я! Так нам и всей ночи не хватит, – говорит Сара, качая головой. – Что было дальше? Отец заболел. Лежал два дня, посинел весь. Ноги распухли ужасно. Этот мой жених номер

два… жених… привел доктора. Вначале мусульманина. Потом еще и русского. Лекарств было не достать. Достал и лекарства. Он тогда уже пошел на повышение и иногда приезжал на служебной машине. «Паккард», кажется. Папе стало легче. Он даже стал вставать, ходил вокруг стола, опираясь или на маму, или на меня. Как-то в начале зимы я вышла в типографию, вернулась через полтора часа – вижу, его машина с шофером у дома, поднялась, а дома скандал: Гусейн как будто сошел с ума! Сам тощий, одни глаза на лице, желтый от своей контузии – за шиворот тащит жениха моего в коридор. А жених-то мой к тому времени уже не худым студентом, уже при должности, лицо лоснящееся, но разве с Гусейном справишься? На нем, как сейчас помню, на одной руке отец мой висит, на другой – мать, а он все равно тащит и их, а главное – за шиворот жениха моего, и выбрасывает его из квартиры! Вот такой был сумасшедший брат мой… Кавалерист!..

– А как жениха звали?

Сара хитро прищуривается, молчит какое-то время.

– Да что сейчас вспоминать! Давно это было. Жених и жених. У меня где-то даже фото его было. Но уже нет. Пропало... А с чего у них скандал вышел-то… Жених в тот день свататься приходил. Вот! Сладости принес. Знал, что меня дома не будет. Отец ему отказал. Все были для его дочери нехороши. Такой уж он был человек. Жених мой обиделся, раскричался. Сказал, что если б не он, мы бы все давно с голоду умерли или пересажали бы нас как эксплуататоров и врагов. Всякое такое обидное. Гусейн у себя спал. Он вообще после контузии все время спал. Хорошо – не убил … через два дня его арестовали.

– Кого?

– Брата. Сказали, что с оружием в руках воевал против Советской власти. В квартире обыск сделали. Отнесла в типографию перевод статьи из медицинского журнала, не заплатили. Сказали, чтобы больше не ходила. Выгнали, короче говоря. Отец опять слег. Я побежала за докторами. Искала лекарства. С мамой пытались что-то по соседям из вещей продать. Суда над Гусейном еще не было, и через две недели я пошла к своему жениху. Просить. И маме не сказала. Что еще оставалось? Пошла к нему в контору. На Щорса. Он меня не принял. Стояла весь день, ждала, когда появится.

Был февраль месяц. Холодно. Внутри красноармеец дежурил с ружьем. Ноги у меня окоченели. Уже стемнело. Он появился наконец. С портфелем, в кожаном плаще. В фуражке. Я бросилась к нему, от холода лицо свело, еле языком ворочаю, говорю, мол, на все согласна! Помоги Гусейну! Хоть замуж, хоть так… А он руку вырвал, так презрительно на меня посмотрел и говорит: «Вы, девушка, не по адресу обращаетесь. Врагами у нас специальные органы занимаются. Идите отсюда». Тут еще и красноармеец с ружьем выскочил. …Когда я уже к дому подходила, пошел снег.

…Легкий, пушистый снег заметает темный переулок перед домом. В окнах едва теплится оранжевый свет от керосиновых ламп. Горит лишь один уличный фонарь в самой глубине переулка. Его раскачивает ветер, несущий косо летящий голубоватый снег. Под балконом стоит Сара в пальто, глядит вверх, снежинки виснут у нее на мокрых ресницах. Ни прохожих, ни машин.

– …только я одна. А у кариатид моих лица каменные, спокойные. Ни февраль, ни снег им нипочем. Но только я-то знала – они плачут вместе со мной. Просто виду не показывают.

Вздыхает Сара.

– … оказывается, пока я жениха своего у конторы ждала, умер папа. Так и остались мы с мамой одни.

– Гусейна… расстреляли?

– Да нет. Сжалились. Дали только 10 лет лагерей. Но я думаю, он почти сразу умер. Больной был. Да и с характером его. Куда ему в лагерях выжить было. В 61-м году я сделала запрос. Долго ответа ждала. Прислали выписку из дела. Так, мол, и так, умер от естественных причин. Просила, чтобы реабилитировали. Отказали. Он-то и вправду против них воевал. Что говорить?.. …только папу похоронили, пришли из конторы нас с мамой выселять из трех комнат. Вначале дали комнату на первом этаже. Комната налево от лестницы. Сейчас ее нет уже. А тогда везде перегородки стояли. Везде наделали маленьких комнатушек. В этой комнате до нас с женой жил горский еврей – бухгалтер из «Баккоммуны». Незлой был человек. Съехал куда-то. Мы вещи с мамой перетащили, что не смогли взять – продали, раздали, бросили. Перебивались кое-как. А уже летом в наши комнаты наверху въехал мой жених.

– Ничего себе!

– Ага! – смеется Сара. – С женой, с тещей, с ее родственниками, с племянниками. Жениться успел. Недолго переживал.

– Скотина!

– Да нет, девочка! Это хорошо, что он вовремя переехал!…

– Почему?

– А нас как раз с мамой опять выселить решили. Провели собрание, бумагу написали. У нас на руках уже решение было. Тут если бы не он – выкинули бы нас совсем. Не позволил. Вмешался. Уж не знаю, что он там им сказал, что сделал, но нас, считай, не тронули.

– Совесть замучила!..

– Все может быть. Так вот, выделили нам эту комнату в подвале. Здесь раньше уголь хранили для отопления. Все было черное, как в чернильнице. Ничего. Мы комнату поскребли, вымыли, побелили, как могли, стали жить. Он и в типографии за меня слово замолвил. Снова стала переводить. Хоть какие-то заработки. А тут он и сам монографии мне свои носить начал.

– Что за монографии?

– Он в Комиссариате здравоохранения туберкулез курировал.

– Ой, дедушка мой тоже фтизиатром был! Может, я знаю его?

– Дедушка? Да нет, не думаю! Туберкулезом тогда много кто занимался. Болезнь бедноты, так это называют. Была большая проблема, – качает головой Сара. – Ты его не знаешь. Да если бы и знала? Что уж теперь… Умер он давно. …Так вот, писать самому времени у него не было, да и писал-то он не очень – ученье он ведь так свое и не закончил. Вот я за него и писала. А он мне платил. Набросает тезисов, приложит аккуратно статью из иностранного журнала и под дверь мне просунет. Я посмотрю, подумаю и пишу. Закончу – рукопись ему в почтовый ящик. А через месяц или два, как монография выйдет, он мне один экземпляр и деньги под дверь. По-другому не общались… Если и встречались где, даже не здоровались. Иногда только кивал мне издалека.

– Не понимаю…

– Что ж непонятного? Говорить он со мной не хотел! Не хотел и все! Наверное, и боялся к тому же. Ведь мы тогда с мамой как заразные были. Эксплуататоры. Враги... Но если бы не эти его книжки про туберкулез, как бы мы выжили? Особенно в первые годы. Благодарна ему за это. Так он доктором наук стал, профессором, академиком…

– Скотина он настоящая!

– Время такое было. Ужасное. Зато я на машинке выучилась печатать! Я про туберкулез знаю лучше любого врача! – опять тихо смеется Сара и замолкает задумчиво. – …Знаешь, девочка, нет ничего хуже страха. Самый горький яд. Самый мерзкий.

29

Водитель такси украдкой поглядывает на Лейлу в зеркало. Не обращая внимания ни на него, ни на мелькающие за окнами автомобиля неоновые витрины и пеструю городскую подсветку, она просматривает на телефоне мессенджер.

30

Дверь ей открывает Мелек.

– Девушка, вы где гуляете? – с напускной игривостью спрашивает она. – Мы вас уже целый час ждем!

Лейла опускает спортивную сумку на пол в прихожей и, присев на небольшой диванчик, расшнуровывает обувь:

– Я поехала к Соне.

– Ты как с утра в свой тренажерный ушла – даже еще не переоделась! Ты хоть ела?

– Да, Самира покормила меня. А кто там? – спрашивает Лейла, кивая в сторону прикрытых дверей. – Переодеться?..

– Не надо, ты у нас в любом виде красавица, – снисходительно отвечает Мелек. – Помнишь Зюмрюд? Племянницу мою? Светленькая такая девочка, ты ее видела в прошлый раз на юбилее Рауфа.

– Помню, конечно.

– Это ее двоюродная сестра. Очень хочет с тобой познакомиться! Тоже очень хорошая девочка. Зубной врач, такая милая.

– А Рауф дома?

– Нет, у него дела какие-то. На один день в Губу уехал. Ну, давай, пойдем уже, неудобно! – торопит ее Мелек. – У нас шоколадный торт отличный. С вишней…

Мелек открывает двери в столовую.

– А вот и Лейла!

За накрытым к чаю столом сидят две женщины с каменными лицами. Та, что постарше, буравит Лейлу взглядом, оглядывая ее с ног до головы. Вторая, возраста Лейлы, с осветленными волосами, почти не поднимая глаз, нервно ковыряется чайной ложкой в тарелке с недоеденным тортом.

– Добрый вечер! – говорит Лейла, присаживаясь к столу.

– Добрый вечер! – отвечает старшая с неожиданным сарказмом.

– Сейчас, Лейлуша, я тебе чай принесу! – почти елейно говорит Мелек. – Это, Лейлуша, Амина-ханым – тетя Зюмрюд, а это Сабиночка. Амина-ханым, вам тоже свежего налью?

– Нет, нет! Спасибо, уже выпила, – отвечает старшая. Мелек быстро выходит из комнаты.

Сабина, оставив, наконец, в покое ложку, начинает в упор глядеть на Лейлу, переглядывается с матерью. Чтобы прервать неловкую паузу, Лейла спрашивает, обращаясь к старшей:

– Как Зюмрюд? Я слышала, она мальчика родила?

– Слава богу, все нормально, – с тем же едва скрываемым сарказмом отвечает Амина. – А я слышала, вы разводитесь с мужем?

Лейла цепенеет.

– Мама… – тихо говорит Сабина.

Оправившись от шока, Лейла холодно отвечает:

– Я извиняюсь, развожусь я или нет – вас не касается.

– Ах, не касается…? – расплывается в змеиной улыбке Амина. – А уводить чужих мужей из семьи нас тоже не касается? Вот именно, что касается!

Она почти срывается на крик.

– Что вы такое говорите? – повышает следом за ней голос Лейла.

– Тебе бы молчать, а ты на меня кричать будешь? Джавид…

В комнату с чаем на подносе входит Мелек.

– …Сабиночкин муж, мой зять…! Сабиночка всю вашу переписку видела…! Покажи ей! – поворачивается она к дочери. – Пусть полюбуется, бессовестная!

Сабина швыряет на стол телефон Джавида.

– Скажи спасибо, что Рауф еще об этом ничего не знает! – злорадно вставляет Мелек. – Я так и знала…

– Я у Джавида все нашла… – с надрывом говорит Сабина.

– Бедный ребенок на третьем месяце, – кричит Амина, – и находит такое! «Я тебя люблю, я тебя люблю». …Представляешь себе, Мелек? А если у нее выкидыш будет? Да я ее на части разорву…! Ты извини, конечно…

– Да что я – не понимаю, что ли…? – ехидно смотрит на Лейлу Мелек. – Я б в такой ситуации, наверное, с ума сошла…

– Любовь у них, понимаешь, школьная! Бессовестные! Я у этого негодяя спрашиваю: «Джавид, это что такое вообще? Как у тебя только совести хватает!» Сидит, голову опустил: «Я, – говорит, – Амина-ханым, как в затмении был. Я, – говорит, – Сабину больше жизни люблю…»

Лейла выскакивает из-за стола и выбегает из столовой.

– Бессовестная…! – несется ей вслед. – Убирайся туда, откуда приехала…!

– … к мужу и детям…

– …подожди, Рауф еще обо всем узнает!

31.В ночь на воскресенье (продолжение)

Отперев входную дверь дома, Лейла включает свет в пустом фойе. Дом холодный и пустой. Волоча за собой чемодан и тяжелую сумку, она сразу же идет к двери, ведущей в подвал.

Опять сорвался прелый весенний ветер. Слышно, как он воет над головой, продувая опустевшие комнаты особняка. Крутит мусор в темном дворе-колодце. И опять подозрительно скрипят рассохшиеся половицы. Дом кряхтит. Темнота сочится в трещину.

Лейла добирается до подвальной квартиры и, бросив вещи на пороге, осторожно садится на кушетку. Некоторое время она сидит так молча, держа руки на коленях. Лицо ее ничего не выражает, почти как у кариатид, поддерживающих балкон. Остекленевшими глазами она глядит на крытый клеенкой пустой стол под желтым абажуром. В пол-окна почти под самым потолком бьется злой ветер.

Устало поднявшись с кушетки, Лейла медленно кружит по комнате. В задумчивости доходит до кухни за занавеской. Открывает кран и, пропустив воду, пьет из-под крана. Заливается трелью оставленный на кушетке телефон. Звонки звучат резко, требовательно. Прерываются. Начинают звонить снова. Лейла возвращается к кушетке и, равнодушно глядя на экран, выключает телефон. Бросив его обратно на кушетку, она опять начинает ходить по комнате, включает телевизор в углу на трюмо. По экрану бежит шипящая белая рябь. Лейла стоит некоторое время, глядя на экран, затем открывает дверцу трюмо и заглядывает внутрь. Поверх стопки старых журналов лежит фотоальбом.

Чужая жизнь.

Сидя за столом, она листает страницы, разглядывает старые черно-белые фотографии с офицерами и девочками в нарядных платьях, с молодым человеком в папахе и бурке, с дородным мужчиной на палубе парохода.

Из полумрака комнаты выходит Сара. Лейла замечает ее только когда она уже вплотную приближается к столу.

– Кто вы? – испуганно спрашивает Лейла, вскочив с места и прижавшись спиной к стене.

– Я…? Сара.

– Сара?

– Я живу здесь, девочка. Не бойся, садись.

Продолжая глядеть на нее со страхом, Лейла не отвечает.

– Садись, садись, не бойся, девочка, – ласково говорит Сара. – Тебе нечего меня бояться. Поставь-ка лучше чайник. Поговорим. И тебе станет легче. И я так соскучилась поговорить с кем-нибудь.

– Я, кажется, с ума схожу… – лепечет Лейла.

– Поставь чайник. Там и варенье должно остаться…

…Они сидят за столом перед открытым альбомом. На плите закипает чайник.

– … так умерла, что и сама не заметила, – смеется Сара. – Ты думаешь, так не бывает? Бывает, девочка, бывает! Поверь мне – в жизни все бывает…

32

Перед домом, полоснув светом фар лица кариатид, резко останавливается машина. Из нее выскакивает Джавид и, на ходу оглядев темные окна особняка, подбегает к двери с бронзовой табличкой «А.Асадуллаев». Он начинает отчаянно стучать в нее.

– Лейла…? Лейла…? Ты там…? Открой, пожалуйста! – лицо его бледно, он то и дело облизывает сухие губы. – Они все наврали, ничего она не беременна, подло забрали мой телефон, я сказал, что ухожу от нее, что люблю тебя…

Звуки его голоса и грохот стука катятся по дому и замирают где-то в его бесконечных переходах.

– Лейла…! Ну, пожалуйста…

33. В ночь на воскресенье (завершение)

На часах уже половина третьего утра. Лейла кутается в халат.

– …знаешь, девочка, нет ничего хуже страха. Самый горький яд. Самый мерзкий.

– Страх? А предательство?

Лейла задумчиво встает вдруг из-за стола и, кутаясь в халат, подходит к книжным полкам в углу.

– Видишь, и халат мой тебе пригодился, – говорит ей Сара. – Там еще есть теплые вещи, надень, если хочешь. Предательство…

– Что стало с вашим женихом? – обернувшись, резко спрашивает Лейла. – С профессором.

– Я же говорила – умер он.

– Нет, до этого? Он переехал?

Сара молчит.

– Скажите! Он переехал? Что с ним стало? – голос Лейлы начинает дрожать.

Сара продолжает молчать, глядя на Лейлу.

– Не молчите!… Мне нужно знать… Почему вы не говорите! – Лейла тянет руку к верхней полке и начинает доставать оттуда одну за другой тоненькие монографии в переплетах. На обложках: Проф. А. Асадуллаев, Доктор А. Асадуллаев, Доцент А.Асадуллаев…

– Предательство можно пережить, девочка… а страх убивает…

Заливаясь слезами, Лейла швыряет монографии и книги на пол. Одна из них раскрывается на полу на фотографии ее деда.

– …он постепенно выменял или выкупил все квартиры в доме… – говорит Сара. – И так этот дом стал вашим…а я продолжала здесь жить, тихо, как мышь… никто и не знал, жива я или нет…

– …Лейла…! – глухим отзвуком доносится до подвала голос Джавида.

– …украденная жизнь…! Украденная жизнь…! – рыдает Лейла, стоя на коленях на полу.

34

Новый электрический щит под лестницей вдруг взрывается снопом голубоватых искр, освещая на мгновенье темное помещение. С металлическим лязгом отлетает дверца. Из щита начинает валить клубами дым, рвется огонь.

Джавид замирает перед дверью.

Лейла, не обращая внимания на треск на верхних этажах и на моргающий свет абажура, продолжает захлебываться слезами. Сара пытается поднять ее с колен.

– Девочка, девочка… – причитает она, – тебе нужно уходить. Что-то не так…

Дым стелется по коридорам, дым ползет по лестницам. В гостиной с камином огонь уже лижет стены, весело вспыхивают висящие клочьями обои.

Гаснет свет.

Дым сочится под дверь подвальной комнаты.

Сара поднимает, наконец, Лейлу с колен и ведет ее под руку в глубину комнаты, к окну. Лейла никак не может справиться со слезами. Они идут, спотыкаясь, налетая в темноте на мебель. Треск горящего дома нарастает с каждой секундой.

– Что… что… – заикается Лейла.

– Беги, девочка!

– Я не могу… куда бежать… зачем…

– …Лейла…! – далекий голос Джавида.

Сара помогает ей снять халат. Лейла совершенно дезориентирована, беспомощна. Заплаканными глазами она смотри в спокойное лицо Сары.

– Я не знаю, что делать… – шепчет Лейла.

– Ничего не бойся, девочка! Живи без страха…

Сара берет стул и, приподнявшись на цыпочках, разбивает им окно под нависающим потолком.

– Выходи! – кричит, подталкивая Лейлу к стене с окном. – Залезай на стул!

Лейла оборачивается к Сара и порывисто обнимает ее.

– Простите нас… – шепчет она.

Огонь рвется сквозь дверь. Сара гладит Лейлу по растрепанным волосам.

– Ничего не бойся! – повторяет она.

Встав на стул, Лейла хватается за раму, режется осколками стекла, пытается подтянуться. В доме что-то лопается с невероятным грохотом. Просунувшись на треть в окно, Лейла никак не может выбраться сквозь узкую раму. В окне появляется рука Джавида. Он хватает ее за локоть и тянет к себе.

Дом рычит, изрыгая огонь из всех окон. Багровым сосудом пульсирует расползающаяся на глазах трещина в стене. Прижав к себе Лейлу, Джавид пытается вывести ее со двора. Она, не отрываясь, смотрит в разбитое окно подвала, из которого, невидимая никому, ей улыбается Сара.

Столб огня взметается от крыши вверх.

35

Она бежит по беговой дорожке. В ушах наушники. Лицо ее, как всегда, сосредоточено. Она бежит, не обращая ни на кого внимания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Формула риска

Хорошо это или плохо, но фигура Зейналабдина Тагиева в нашем коллективном сознании давно уже вышла за пределы истории и времени. Перипетии его судьбы из персональной драмы превратились в живописные подробности мифа. И, как обычно случается в результате подобных метаморфоз, забронзовевший Тагиев намного примитивнее, а главное, – скучнее его исторического прототипа.

Тагиев реальный заслуживает серьезного исследования. Его жизнь может помочь нам разобраться в его непростой современности, а заодно объяснить кое-что и в нашем с вами настоящем.

Еще не вполне канувший в лету советский хороший тон в обращении с юбиляром обязывает перечислять его заслуги, вручать ордена и ценные подарки. Например – кузнецовские сервизы. В тех же случаях, когда юбиляр не дотянул до чествования, в ход идут памятные доски, бюстики в тихих скверах, либо, в зависимости от конъюнктуры, все ограничивается мультимедийными панегириками в духе «штрихов к портрету».

Последнее представляется мне делом неблагодарным. В чем-то даже и неблагородным. Тем более, что к сложившемуся мифическому образу мне особенно нечего добавить. Причиной же написания этих заметок является довольно простой вопрос – простой, хотя с учетом надвигающегося юбилея, не самый тактичный: почему, собственно, из всей пестрой когорты бакинских миллионеров именно он стал легендой? Да еще чуть ли не при жизни! Ну неужели только лишь потому, что был самым щедрым из своего круга? Ведь этого явно недостаточно. Маловато для мифа. В конце концов, и другие – Муса Нагиев, Муртуза Мухтаров, Шамси Асадуллаев тоже строили и содержали на свои средства не меньше: больницы, училища, богадельни… И студентов отправляли учиться за границу. И не просто жертвовали, а еще и мерились тем, кто потратит больше. И вообще, в те годы не только в нефтяном Баку, но повсюду – в Европе, Азии, Америке – вырвавшийся на волю джинн начального капитализма не только задорно преобразовывал старый мир вокруг, насыщая его мануфактурой, паром, турбинами, но и добровольно принял на себя роль двигателя социального прогресса. Так что не жертвовать на благотворительность и всяческое обустройство родного города среди бакинских богачей было моветоном. Те же братья Нобели вложились аж в целый комплекс – «Виллу Петролиа» в «Черном городе». Понастроили образцовых домов для рабочих, для них же – поликлинику, библиотеку, разбили роскошный парк, а воду, чтобы его поливать, везли танкерами из Астрахани. Даже кегельбан построили. Так что Тагиев в этом смысле не был уникальным.

Говорят, он был патриотом. На работу на свои фабрики принимал только нашего брата мусульманина. Но и это вряд ли можно считать уникально тагиевским. Такое же правило существовало и у Нагиева, и у отца его будущего зятя Асадуллаева. Да и армянин Манташев брал к себе только своих. Марксовские буржуи, несмотря на эмансипационную природу капитала, по сути дела, и были первыми историческими националистами, разодравшими в клочья аморфный имперский космополитизм. Это ведь только пролетарии всех стран мгновенно сбиваются в шумные толпы без оглядки, где хотят и когда хотят. А классический буржуй – всегда националист.

Так в чем же секрет? Как мне кажется, у меня есть довольно симпатичная догадка. Американский экономист Нассим Талеб в одной из своих книг предположил, что умение рисковать, буквально ставить на кон все – от репутации до денег – критически необходимая способность не только для ведения успешного бизнеса, но и вообще – для любого прогресса в целом. Без риска человечество так бы и застряло в безнадежном каменном веке, потому как одного накопленного опыта и знаний недостаточно для сколько-нибудь мало-мальски значительного развития. Говоря о риске, Талеб имеет в виду не какую-нибудь бессмысленную «русскую рулетку», а просчитанный и хорошо понятный риск. Рисковать ради новой идеи, нового видения, более-менее просчитав всевозможные негативные последствия, – это способность пассионарного человека: брать на себя всю ответственность за последствия своих действий. И за свои ошибки. Далее Талеб переводит свой тезис в плоскость этики (куда уж без нее). Просчитанный риск оправдан только лишь тогда, когда соответствует нехитрой формуле: никогда не рискуй чужой шкурой, при этом не рискуя своей.

В определенном смысле эта формула исторична для нашей части мира. Например, когда-то в османской и персидской армиях существовал правило – войско не сражается без султана на поле битвы. То, что поздние историки воспринимали как организационную слабость, на самом деле было чем-то иным – умением ставить на кон свою шкуру.

Покоритель Константинополя Мехмед Фатих погиб в победоносном сражении под Косово.

Оба Тагиева – историческая личность и миф из народной памяти – следовали этой формуле. И не боялись рисковать. Загляните хотя бы в Википедию. Во многом благодаря этому из поденщика (каменщик за 20 копеек в день), а потом мелкого торговца мануфактурой, он вырос в выдающегося промышленника, менял отрасли, от нефти переходил к текстилю, от текстиля к заводам по переработке рыбы, занимался строительством, судоходством, издательством и прочее, прочее. Но не это все-таки главное. Главное, что, как потом выяснится, принимая самое важное решение в своей жизни, – уехать или остаться, – Тагиев жестоко просчитался и заплатил за это самой высокой ценой – искалеченными жизнями своих детей.

Мамед – офицер «Дикой Дивизии», погиб в 1918.

Ильяс – был арестован в Москве. Умер в психушке в 1939.

Лейла – вышла замуж за сына Асадуллаева. Покончила жизнь самоубийством в Стамбуле в 1945.

Сара – была арестована НКВД в 1934. Умерла почти в полной нищете в Баку.

Когда разразилась революция, Тагиев не уехал, как большинство из его круга. Не перевел, как тот же Мухтаров, капиталы заграницу. Тагиев, скорее всего, не верил, что власть Советов продержится долго. Да и как было поверить? Человек рациональный, он верил в активное преображение мира через технологии и технический прогресс, хотя, думаю, прекрасно понимал, что в основе миллионов, нажитых им, лежит рабский труд тысяч людей, которым он дал работу. От этого он и был одержим благотворительностью.

С Советами Тагиев ошибся. Но помним мы его, а не Мухтарова или братьев Нобель, при всем к ним уважении. Как это ни парадоксально звучит, за эту ошибку мы и ставим ему памятники и проводим его юбилеи. За то, что он не рисковал из дальнего блиндажа, в безопасности наблюдая за исходом сражения. Тагиев остался с теми, с кем вместе когда-то преображал маленький пыльный городок на берегу Каспия в залитую электрическими огнями столицу.

ЭТО НАША ОБЩАЯ БОЛЬ

ШИРИН МАНАФОВ

ОБОРОНА ШУШИ

В №№ 116 и 117 газеты «Новое время» были опубликованы материалы о кровавых событиях в Шуше в 1905 году. Армянские провокации обошлись дорогой ценой, убито с обеих сторон 250 человек, 200 домов сожжено. Дашнакские отряды на протяжении почти полугода блокировали дороги из Агдама в Шушу. Естественно, население этого города было подготовлено к событиям и 1918 года, и 1991 года.

Сегодня мы публикуем рассказы бойцов Шушинского батальона. Прошло уже много лет, тем не менее каждая встреча бойцов – это анализ тех трагических событий, обсуждение в деталях обороны и причин сдачи родного города. Шуша всегда воспринималась шушинцами как оплот духовной силы, как особенное место, которое надо обязательно вернуть. Поэтому на встречах бойцов всегда анализируется события 7-8 мая 1992 года, чтобы передать молодому поколению как можно более полную картину этой трагедии. В этом и долг защитников города, и боль утраты, и почитание Шуши как города-святыни.

Защитники Шуши считают важным вкладом в национальную историю память о каждой минуте обороны города, о героизме тех, кто оборонял город. Мы должны по крупицам собрать все факты об истории обороны Шуши, о самоотверженности ее защитников, отдававших свои жизни, защищая ее, хотя они знали, что город обречен и помощи ждать неоткуда. Важно сохранить и передать отношение бойцов к Шуше, как к одному из важных центров сопротивления военной агрессии. Поэтому все этапы боевых действий, начиная с уничтожения армянами поселка Кяркиджахан рядом с Ханкенди (Степанакертом) и до 8 мая 1992 года, весь боевой путь Шушинского батальона, сражавшегося и после взятия Шуши, должны быть описаны, проанализированы и сохранены для будущих поколений.

Помочь в этом могут беседы с ветеранами Шушинского батальона.

Записи из дневника 1992 года. *Это воспоминания бойцов Шушинского батальона, с ними я беседовал в декабре 1992 года, когда батальон располагался вблизи Тертера.*

Джейхун Мамедов: *(родился в Шуше, здесь закончил школу, работал шофером, занимался спортом. В советской армии служил в Архангельской области, чемпион Архангельска по вольной борьбе. В Шушу вернулся в 1988 году)* Для меня война началась с обороны поселка Кяркиджахан в начале декабря 1991 года. Тогда с автоматами, охотничьими ружьями мы шли против танков 366-го полка, расквартированного в Степанакерте. Танки уничтожали дома, проезжали по ним, как бульдозеры, поселок на окраине Ханкенди перестал существовать. Многие мои друзья были ранены, мы доставили их в шушинскую больницу. С болью вспоминаю оборону Шуши. Из родного города мы с товарищами вышли в последний день обороны. Об этом рассказывать тяжело, нас предали. Шушинский батальон самообороны воевал до последнего патрона и последней возможности. Но судьба города была решена, и решалась она не в Шуше.

Мы вернемся, обязательно вернемся, я и мои товарищи и наши дети. Ни себя, ни моих товарищей мне укорить не в чем. Шушинцы воюют стойко и умело. 22 января

1992 года произошел бой возле Гаджи таласы вблизи уничтоженного Кяркиджахана. Нас было восемь бойцов, ранним утром мы пошли в разведку и обнаружили армянский отряд численностью примерно в 200-250 человек. Они разбили палатки, мы насчитали 70 палаток в ущелье рядом с речкой. Мы бесшумно сняли часовых и ошеломили врага перекрестным огнем по палаткам. Только когда прошел шок первых минут, армяне разобрались, что стреляют всего с восьми точек. Они поняли, что против них выступила горстка бойцов, и решили взять нас живьем. В результате потеряли около 80-ти бойцов. Мы потеряли нашего друга Габиля. Он был ранен, рана была неглубокая, мы просили его уйти с нами, но он ответил, что будет прикрывать наш отход, а нам он будет обузой, и армяне догонят нас. Мы оставили ему второй автомат и отошли. Габиль проявил героизм и спас наши жизни. С раненым наша группа не смогла бы уйти от преследования. Габиль спас нас всех и умер как боец. В плен не сдался, обороняясь до последнего, и был убит.

Шахмар Вердиев: *(1942 года рождения, жил со своей семьей в Степанакерте. Ночью его семью выгнали из родного дома. Эти погромы азербайджанских семей, жителей Степанакерта, происходили во время правления А.Вольского, советская армия не вмешивалась. Детей Вердиева и его самого озверевшая толпа избила. Сын Шахмара долго потом лечился в травматологическом отделении больницы в Агдаме)* Наемники из Гарабаха в основном ушли, их заменили армяне из Ахалкалаки, из Армении и солдаты из 366-го полка, которым платили большие деньги. В составе нашего Шушинского батальона воевало несколько чеченцев; смелые и решительные парни, отличные разведчики, на них можно положиться. Не все так воевали, как Шушинский батальон, трусов было много. В бою за село Баш Гюнейпая наша пехота разбежалась, видя это, танкисты бросили танки и дали деру. Бойцы Шушинского батальона отбили эти танки и сообщили танкистам: «Возвращайтесь к своим танкам». Я с товарищами участвовал в том бою. Шушинский батальон сдерживал атаки армян до тех пор, пока танкисты не вернулись и не вывели технику. Это был очень печальный опыт, пехота не пойдет в атаку, если ребята боятся, что вдруг танкисты бросят поле боя. Наблюдая такое, мы настаивали на том, чтобы несколько танков было передано в состав Шушинского батальона, но не были услышаны.

В составе Шушинского батальона были не только шушинцы, были и бакинцы, и выходцы из других районов. Например, Али Багиров, родом из села Дигях Масаллинского района. С 1978 года работал в Красноярске шофером, вернулся в 1990-м.

Али: Мы вспоминаем дни обороны Шуши. Ищем наши ошибки, сравниваем рассказы участников обороны. Наш отряд оборонялся в районе тюрьмы, всего 36 бойцов. Из них 34 геройски погибли, это было 8 мая. Альберт Агаронов пробился к нам на танке, чтобы вывезти из окружения. Четверо из наших сели на танк, но двое из них были убиты снайперами. Из того отряда из 36-ти бойцов только я и Мустафа Гаджиев остались в живых, и кровь погибших наших товарищей взывает к отмщению. 34 героя оборонялись до последнего, уже зная, что подмоги не будет и Шушу сдали.

Фагани Азимов *(коренной шушинец, 28 лет)* Мэром города был Микаил Гезалов – подлинный лидер шушинцев. В нем мы все были уверены на все сто, он создал прочную оборону города, и при нем Шуша была готова к отражению наступления. При нем было главное – высокий боевой дух обороняющихся, уверенность в своих силах, согласованность всех отрядов. Но Микаила Гезалова убили 11 декабря 1991 года. План сдачи города, значит, к тому времени был уже готов. Его убийца – Эльбрус Мамедов – местный, шушинец. Его пытались оправдать, мол, психически больной человек, наркоман, и у него был какой-то конфликт с Гезаловым. Но мы все его знаем: не болен он никакими психическими заболеваниями, не был наркоманом, и не

было у него никакого конфликта с Гезаловым. Микаил Гезалов кому-то очень мешал, он бы ни за что не позволил сдать город. Микаил был нашим лидером, надеждой и верой шушинцев, все силы он отдал на укрепление обороны Шуши. Наблюдая отношение тогдашнего руководства республики, Микаил говорил нам: «Шушу спасут гарабахцы, шушинцы». Армяне знали – на сделку не пойдет. За это его и убили руками наемника. Микаил был человек чести, он вдохновлял нас всех, это было в то время, когда с тремя ружьями и десятком патронов мы шли каждую ночь на посты. Микаил был опорой всех оставшихся в городе людей. Он был уверен, что его убьют, и готовил себе преемника – Рамиза Гамбарова. Рамиз создавал второй Шушинский батальон, в перспективе планировалось создание полка. Но Рамиз погиб в бою при Гаджи таласы, и полк не был создан. Из-за того, что шушинцы хорошо воевали, расформировали второй батальон. Сейчас наши бойцы стоят на постах близ села Шихбабалы, около Нахчиваника. *(запись разговора 1992г. –* **автор.***)*

Можно взять Нахчиваник? Мы его уже брали. Можно еще раз взять, но бойцы думают: «Зачем рисковать? При взятии погибли товарищи и чем кончилось?» Ведь когда мы брали Нахчиваник, не пришло подкрепление, не было снабжения боеприпасами, и бойцы теперь думают: «Нас опять могут предать и не прислать подкрепление». Неужели в наших интересах проиграть, испить до конца чашу унижений? Гезалова убил азербайджанец, отдают позиции, кровью наших бойцов взятые, тоже азербайджанцы. Не приходит снабжение, нет пополнения боеприпасов и бойцы вынуждены уходить с взятых кровью товарищей позиций и высоток. Сейчас нет никого, кто воюет с подъемом, с верой. Мы все на своем опыте убедились – мы пешки в большой игре. Отсюда дезертирство, самострелы.

Яшар Магеррамов: После сдачи Шуши почти не встречаюсь с родными. При виде отца опускаю лицо, хотя он знает, я вышел из Шуши с последним отрядом. В моем родном городе сейчас хозяйничают армяне. Страшное унижение, человек сам себе противен, и противен весь мир. Ведь даже за несколько часов до сдачи Шуши, приди хотя бы небольшая поддержка, мы смогли бы спасти город. Все лучшие парни уже в земле, я хочу к ним, но жизнь свою отдам дорого. Все, кто позарился на нашу землю, и наслаждается нашим унижением, должны знать: я и мои товарищи отдадим свои жизни дорого, просто так не сдадимся. Говорят, что, мол, нация формируется, что ответственный момент и все прочее в этом духе. Пока наша вершина – Шуша – в руках врага, и мы, участники обороны, знаем, что не армяне завоевали Шушу, а это результат ослабления обороны Шуши после смерти мэра Гезалова, фактически сами ее отдали, нация не формируется, напротив, она разрушается от мысли, что судьбой народа играют какие-то государства, управляют, как игрушкой. Что я могу сказать сыну? Что меня, взрослого мужчину, втоптали в грязь, унизили не враги, а предатели. Как сделать так, чтобы это не повторилось с моим сыном? Мы, шушинцы, гарабахцы должны объединиться, если будет продолжаться эта нечестная игра за спинами бойцов, за которую мы платим гибелью друзей, то у нас нет другого выхода: или мы должны освободить свой город или все погибнуть в бою за Шушу. Может, тогда пробудится понятие чести, совести в тех, кто предает нас. 70% боеприпасов с военного склада в Агдаме было свезено и складировано в армянской церкви в Шуше. Уходя, не взорвали. Такие подарки просто так не делаются.

Шушинский батальон специально разбросали, нас всех раскидали, часть бойцов-шушинцев сейчас в Лачине, часть в Тертере. Не дают нам объединиться. Нам остается единственный выход – партизанская война. Если ход событий не изменится, мы выйдем из подчинения командования, пока не освободим Шушу и Лачин. У каждого из бойцов-шушинцев брат или друг погиб. Смерть взяла самых смелых, сильных, решительных. Нам не будет оправдания, если мы не отомстим за их гибель возвращением Шуши.

В сентябре 1992г. Шушинский батальон взял с боем село Мехмана Агдеринского района. Следом за нами в село вошли грабители. Входили в дома и тащили холодильники, мебель. Мы выждали, когда грабители соберут все на улице перед домами и расстреляли все эти холодильники и телевизоры. Грабители визжали от досады, мы их прогнали. Если те, кто хочет отдать нашу гордость – Шушу, наш Гарабах врагу, будут обладать властью, они должны знать: чтобы осуществить свою подлость, им надо истребить всех бойцов-гарабахцев.

Ровшан Абилов: В конце октября 1991 года погиб наш друг Ахлиман Мехтиев. Это был настоящий воин. В тот день к нему из России приехал брат, не виделись несколько лет.

Ахлиман сказал: Передайте брату, когда сменят с поста, встречусь с ним.

На пост мы выезжаем не меньше, чем на неделю. Хотя ребята, конечно, его отпустили бы, и подмена нашлась бы.

В день приезда брата Ахлиман погиб от разрыва снаряда.

Он мечтал сыграть свадьбу в день освобождения Шуши. Ясно было, что мы войдем в полностью разрушенный город, но пусть на улице, в палатке, среди развалин пройдет свадьба, – мечтал мой друг, – лишь бы в родной Шуше. И обязательно в день освобождения города. Возрождение Шуши начнем со свадьбы. Многие из бойцов не женаты, о свадьбах подумаем после освобождения нашей земли, Гарабаха.

Лейтенант Шахид Алекперов: Действительно, 366-ой полк не вышел из Гарабаха, в полку осталась почти вся техника: более ста танков и БТР-ов. Солдаты и офицеры подписали контракт с армянами и сменили наемников из Франции, Ливана и других стран. Видимо, меньше берут. Да и зачем наемники, если есть 366-ой полк. Когда был создан Шушинский батальон в ноябре 1991 года, вначале нас было всего сто человек. Сейчас в нашем батальоне не только шушинцы. Рамих Аббасов из Баку, Элькин Пашаев из Джалилабада… Чингиз Багиров из Дербента был ранен в бою, отлежался в госпитале и вновь вернулся в батальон. Среди нас воевал парень по имени Борис, с Украины. Не наемник, деньги его не интересовали. Сейчас воюет в Агдере. В наш батальон вступил турок Ахмед Гюршад. Нелегально перешел границу, приехал к нам, записался в батальон и воевал отлично. Геройски погиб в октябре под селом Фаррух. Смелый был боец, немало врагов уничтожил в бою. Мы считаем теперь, что шушинцы – это не только те, кто родился в Шуше, но и те, кто доблестно воевал в нашем батальоне. Всех нас уничтожить невозможно.

О падении Шуши

Асиф Ибрагимов: *(с 1981 года работал в газете «Шуша» печатником, командир взвода самообороны Шуши.)* Седьмого мая мой взвод держал оборону в районе тюрьмы. В три часа ночи восьмого мая армяне начали артобстрел Щуши. В семь утра началась атака. Я участвовал в бою с семи утра, в 13 часов был ранен в руку. Меня доставили в больницу, сделали перевязку и отправили в Лачин. В тот день я подумать не мог, что произойдет страшное несчастье, и город будет сдан. Наш взвод сражался стойко, и мы не отступили ни на шаг. Хотя уже в первой половине дня наша техника отошла, и наш взвод не поддерживала. Нам очень помог только один наш товарищ, водитель БРДМ Октай, раньше он работал в шушинском «Колхозстрое». Доставлял боеприпасы, вывозил раненых. Я сам видел, как два наших танка покинули позиции, когда танки армян находились еще в районе заправки, то есть располагались ярусом ниже наших танков, и была отличная возможность их подбить. Уже в первые часы боя восьмого мая стало ясно, кто чего стоит. Но то, что самыми трусливыми окажутся танкисты, никто из нас не ожидал.

В защищавшей Шушу автороте имелось, насколько я знаю, пять танков, не менее пяти БМП и столько же БТР. Если бы вся эта техника работала также самоотверженно, как Шушинский батальон, мы бы город не сдали.

Армянская бронетехника входила в Шушу с двух направлений: с нижней дороги и со стороны Кяркиджахана. У моих бойцов был такой настрой, что если бы поддержала наша техника, мы готовы были провести контратаку и войти в Степанакерт. Этого нельзя сказать о других пехотинцах. Много парней попросту бежали еще в разгаре боя. Среди тех, кого направили защищать Шушу, было много необстреляных, непроверенных в боях парней. К вечеру восьмого мая раненых доставили в Лачин. А 9 мая армяне начали обстреливать Лачин из «Града», из села Дыг Герусского района Армении.

Ровшан Зейналов: *(боец Шушинского батальона, 1965 года рождения.)* Наше отделение из шести бойцов располагалось в момент атаки на город на своем посту рядом с больницей. Ребята находились в домах, близко расположенных к Топхана. На нашем участке наступала только пехота. Атака началась в 5:30 утра. Наступавшие все были в бронежилетах и в масках, их численность составляла примерно триста человек. Мы оборонялись, никто не покинул поле боя, хотя подмоги не было. Меня ранило в три часа дня. Ребята еще оборонялись, когда меня доставили в больницу. Армяне несли потери, залегали и вновь шли в бой, атака несколько раз возобновлялась, но на нашем участке они продвинуться не смогли, хотя против около трехсот армян было всего шесть наших бойцов. Тогда они пошли в обход, хотели пройти от Топхана в район армянской церкви. Все атаки пехоты подкреплялись артобстрелами. Нас обстреливала артиллерия из Гызылгая близ Топхана, а также из сел Мухатяр, Шушикенд, Кешишкенд. На место сбежавших парней из Милли орду становились шушинцы, даже пожилые люди. Подвоза боеприпасов и питания не было, никто из офицеров обороной нашего участка не руководил, к нам вообще никто не подошел. Когда наши бойцы увидели, что армяне, понеся большие потери, хотят нас обойти, взвод отошел со своих позиций ближе к армянской церкви. Я и все остальные из нашего отделения родились и жили в районе Топхана, мы защищали родные дома. Никто не покинул поле боя. За два дня до атаки армяне поставили пушки в районе Гызылгая, у командования обороны Шуши еще было время подготовится. Но посты были предоставлены самим себе, не прибыло пополнение ни живой силой, ни техникой. У нас не было рации, никаких указов мы не получали и не знали общей обстановки в городе. Мы находились в подчинении первого батальона Милли Орду.

Артиллерист Али Расулов: Наше орудие находилось рядом со зданием управления «Колхозстрой». Запас снарядов был огромный. В полдень восьмого мая нас начали обстреливать из автоматов и гранатометов. Я получил и пулевые, и осколочные ранения. Можно было защищаться, если подошла бы помощь, и удалось бы тогда подавить точки, из которых армяне обстреливали наш склад со снарядами. Наше орудие досталось врагу. В армянской церкви находился склад боеприпасов, снаряды для орудий, для «Града». Склад не вывезли и не подорвали. Защитники Шуши стали жертвами предвыборной кампании. Ни в одной стране в состоянии войны выборы президента не проводились.

Шушинец Рашид Логманов, шофер: Я находился в районе автобазы. Видел, как по нижней дороге со стороны Степанакерта в Шушу вошли четыре танка, «КамАЗ», два уазика и белая «Нива». После того, как Рагимбей Газиев уехал из Шуши, начались свары, разброд среди командиров, новый комендант Шуши приступил к своим обязанностям за несколько дней до наступления армян.

Танкист-наводчик танкового батальона «Сабаил» Мурад Ибрагимов: Нас подняли в три ночи. Группа армян прорвалась в районе АЗС. С помощью спецназа нам удалось оттеснить их в район асфальтового завода. В Шуше находилось всего три наших танка. Один на горе Кирс, другой в районе Дашалты, в третьем находился я с товарищами. К восьми утра 8 мая танк на горе Кирс истратил все снаряды, не было и горючего. Чтобы не оставлять танк армянам, решено было сбросить танк с горы. На горе Кирс армяне захватили раненых наших бойцов, технику: Газ-66, тягач.

Два оставшихся танка продолжали бой, мой танк вывел из строя один вражеский танк и два БМП. В том бою был убит отличный наводчик Альберт Агарунов, погибло несколько героически сражавшихся спецназовцев. Нам не хватало снарядов, но мы удерживали свои позиции. На нашем участке армяне не могли продвинуться. Мы неоднократно запрашивали помощь, но вместо подкрепления к 20-ти часам мы получили приказ отойти назад. Мы вынуждены были подчиниться. У нас оставалось всего 9 снарядов. Командир танка получил приказ сопровождать транспорт с ранеными в Лачин. Фактически наш танк вывели из боя. Третий наш танк отправили на помощь защитникам села Кесалар.

Мы не сдали Шушу, танкистов заставили покинуть город. Армяне имели преимущество в технике. Из Шуши было видно скопление на нижней дороге до 25 БМП. Защитники города ожидали с утра прибытия вертолетов. Только в 16 часов подлетел один военный вертолет, по ошибке обстрелял наши же позиции на горе Кирс и в районе АЗС.

Боец Шушинского батальона Фахраддин Насиров: В шесть утра мы прибыли в район фабрики музыкальных инструментов и заняли оборону. Бой проходил недалеко от нас, рядом с райпо. Нас было 18 бойцов, продержались до 19 часов. Ожидали подкрепление, никто не прибыл. Вместо помощи получили по рации приказ в 17 часов подняться в верхний ярус Шуши. Наш командир наотрез отказался подчиниться. Но через два часа мы вынуждены были покинуть нижний ярус ввиду массированного огня противника и отсутствия боеприпасов. Во всех частях Шуши шли бои, шушинцы стояли насмерть. Один из таких ожесточенных боев проходил в районе тюрьмы. Начальник тюрьмы решил выпустить заключенных, им раздали оружие и они храбро сражались. Мой знакомый Ислам Багиров был заключен в тюрьму на 15 суток за мелкий проступок, ему выдали винтовку, он оказался отличным снайпером. Одного из заключенных звали Володя, фамилии не знаю. Когда у нас закончились боеприпасы, Володя рискнул и пробежал под обстрелом армян до склада и вернулся с ящиком патронов. Другой заключенный сначала помогал заряжать оружие своему бывшему надзирателю, затем подобрал автомат погибшего бойца и вступил в бой. Нам очень помогал 13-летний мальчик из соседнего с Топхана дома. Паренек помогал старшим, в том бою погибли и Володя, и тот 13-летний Гаврош. Погибли офицер Гамбар Гасымов, двое надзирателей и двое заключенных.

По словам главврача шушинской больницы Ромика Магеррамова, медперсонал вывел из-под обстрела 8 мая 82 раненых, семеро погибло.

Погибли защитники маленького села Гайбалы. Туда вошли два армянских БМП.

Из 30 жителей, оставшихся в селах Набиляр и Дашалты, в живых остались только трое.

Мирные жители Шуши были вывезены без потерь, все 20 тысяч человек. Эвакуирована больница.

Остались вопросы, их слишком много, и до сих пор нет ответа. Например, по словам многих бойцов, в частности, танкиста Арифа Бабаева, за час до артобстрела Шуши, отряд из 70 бойцов во главе с Тофиком Огузом вышел из Шуши.

В самом начале боя добровольцы из Евлаха покинули Шушу и были разоружены в Лачине. По словам бойцов из Абшеронского батальона Амира Гусейнова, подошедшего со стороны Лачина к Шуше с необходимой боевой техникой в 19 часов, их задержали посты нашей армии на целых четыре часа.

К этим фактам надо присоединить поразительное по своей беспомощности, опубликованное 12 мая 1992 года, обращение к народу осуществляющего полномочия президента АР председателя Верховного Совета республики Ягуба Мамедова.

«По сведениям руководства Минобороны, действительно началась атака на Шушу, а территория Лачинского района обстреливалась ракетами «Град» и «Кристалл», различной военной техникой со стороны Горисского района Армении. Но Минобороны заверило нас, что оснований для растерянности и беспокойства нет, что не так все тревожно, что в Шуше и Лачинском районе у нас достаточно военной силы, снаряжения, техники и принимаются должные меры.

Но я испытывал крайнее беспокойство, поэтому позвонил прямо в Шушу, переговорил с ее руководством. Мне доложили, что там крайне тяжелое положение. Шуша окружена со всех сторон огромным количеством военной техники и живой силой армян, непрерывно обстреливается и, если не помочь Шуше срочно живой силой и техникой, то судьба Шуши в опасности.

Мы вновь переговорили с Минобороны, дали им указания, там нам сказали: да не верьте вы всему, что они вам говорят, это у них привычка такая. В Шуше достаточно сил, есть и техника, мы принимаем и будем принимать меры по обороне Шуши и по защите границ. Я связывался с Шушой каждые полчаса. И каждый раз убеждался, что сведения из Шуши и сведения из Минобороны носят прямо противоположный характер. (Почему не сменил руководство Минобороны? – ***авт.****) Последний разговор с Шушой состоялся у меня 8 мая, в половине шестого вечера. Вести были тревожные, и я вновь довел эти сведения до руководства Минобороны и вновь услышал те же ответы…»* (**«Бакинский рабочий», №93, 12 мая 1992г.**)

Последнее предложение самое поразительное. С какой целью руководство Минобороны дезинформировало и.о.президента? Фактически Я.Мамедов обвинил тогдашнее руководство Минобороны в сдаче Шуши. Но почему Я.Мамедов узнал о предателях в руководстве только в день сдачи Шуши? Слишком много вопросов осталось без ответа до сих пор.

Шуша: жизнь в осажденном городе

Ситуация в Шуше за 4 месяца до сдачи города.

Я доставил партию медикаментов в шушинскую больницу.

Шуша была три года в осаде. С декабря 1991 года, после зачистки 366-м полком Кяркиджахана, положение в Шуше резко осложнилось. Город был в блокаде, обстреливался из сел Мхетаркенд, Шушикенд, Дашалты, а теперь еще из Кяркиджахана.

По больнице ежедневно стреляли из двух БТР-ов из Топхана, с расстояния не более километра. Во времена правления А.Везирова писали: Топхана – святыня, надо остановить бандитов, здесь рубят деревья.

Как быстро все меняется. Теперь писали: Шуша обстреливается с Топхана.

В 1991 году врачи просили у военного коменданта Шуши Самарина поставить пост на Топхана и отогнать БТР-ры.

Комендант вспылил: «Рожать мешают? Ну и мать их…».

К кому это относится? К роженицам или тем, кто мешал? Но армянские БТРы не отогнал.

В больнице второй этаж – хирургия, третий – родильное отделение. Несмотря на три года блокады, рожают с неменьшим усердием.

Шерше ля фам

У заведующей родильным отделением Эльмиры Худиевой я попросил данные по рождаемости за последние пять-шесть лет. Когда она показала мне их, я сказал:

– Эльмира-ханым, вот вы и есть та самая «**шерше ля фам**».

– Обьясни, – встревожилась гинеколог.

– В основе гарабахского конфликта – демография. Вот вы и есть та самая фам, из-за которой произошел конфликт.

Данные по рождаемости были такие:
1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, за 11 месяцев 1991г.:
362, 370, 451, 453, 462, 425!
То есть, разгар событий, пик конфликта – 1991 год, а рождаемость в Шушинском районе стабильно высока, в то время как у армян – резкое падение рождаемости. Стабильный рост даже в тревожные годы митингов. Мало того, рождаемость в одном Шушинском районе превышала рождаемость остальных четырех районов НК.

– А при чем здесь я, – с тревогой спрашивает гинеколог.

– Вы каждый год отвозили сведения в Степанакерт, там подсчитали, что с такой скоростью через 8-9 лет численность азербайджанцев и армян сравняется. Поняли, что время против них, и – началось. Так что поздравляю – вы та самая «фам», которую все ищут. Ваша отчетность – в основе конфликта.

Больница

Главврача шушинской больницы все звали Ромик-доктор. Маленького роста, неразговорчивый, он жил в больнице, спал не более трех часов в сутки, ежедневно делал множество операций.

Но главное – защита здания от обстрелов. В перевязочной, в операционной и комнате, где врачи моют руки, на окнах были сделаны металлические щиты. В щитах – тысячи дырок от пуль и осколков гранат. Больница была главным объектом обстрела. Больница жила, несмотря на отсутствие света, воды и постоянные обстрелы. Шушинцы должны были быть уверенными – больница работает круглосуточно, надежно. Больница превратилась в очаг сопротивления, который вдохновлял горожан. Главврач Ромик Магеррамов неоднократно летал на вертолете в Агдам, пытаясь у военной комендатуры выбить артиллерию, чтобы отогнать боевиков от больницы. В Шуше оружие было у отряда Самарина, он не мешал уничтожению больницы. Не раз операции шли под обстрелом, боевики подбирались на расстояние в 500 шагов и обстреливали сердце больницы – операционный блок. Стало привычным делом оперировать раненых под обстрелом. Врачи спешили, света не было, и работал движок, но силенок у него хватало от силы на час-полтора. Все обращения к военному коменданту Шуши Самарину ничего не давали.

«Не знаю ни одного случая, чтобы наши омоновцы обстреливали больницу в армянском селе», – говорит во время перекура между операциями Ромик.

«Армяне уничтожили медпункты в селе Мешали, в Амиралар, в десятках других наших сел, – добавляет завхирургией Назим Аллахвердиев. – В Губатлинском районе в первую очередь в селах уничтожались медпункты».

Через час майор Таиров из шушинского РОВД привез раненого. Он рассказал врачам о том, что видел в селе Дашалты. Там боевики вспороли одной женщине живот и в живую еще женщину вложили дрова, облили керосином и подожгли.

О таких зверствах мы слышали все чаще, это был какой-то чудовищный ритуал.

Хирургия

Заведующий хирургическим отделением Назим Аллахвердиев всегда гладко выбрит. Даже после восьми часов в операционной, падая от усталости, он принимал родственников раненых, был вежлив с ними, пытался ответить на все вопросы. Два человека в Шуше, доктора Ромик и Назим, обеспечивали надежность, стабильность. А военная машина работала против города, выдавливая горожан из Шуши. Хирурги были единственными, освобожденными от дежурств на постах. Оружия не было, на пост ходили с охотничьими ружьями. Даже у бойцов РОВД не у всех были автоматы.

Назим – хирург первой категории, родом из Лачина. Пять лет проработал хирургом в центральной больнице НКАО в Степанакерте. В Шуше с 1988 года. При его участии сделана запасная операционная в подвале больницы. Привык работать под обстрелом. В 1990-м, когда военной комендатуры в Шуше еще не было, боевики не смели приблизиться к городу. В день осматривает до 50 раненых и пациентов, это не считая операций.

«Ситуация быстро меняется, – отмечал хирург. – Если в 1991 году ранения были, в основном, пулевые, то с начала 1992 года ранения осколочные, у боевиков появилось много гранатометов и минометов. Травматизм гигантский».

Он уже привык к сверхнагрузкам, работоспособность поразительная. Ежедневно новые раненые, десятки операций, извлекает пули и осколки мин.

Война набирала силу, становилась прозой. Главное для главврача и заведующего хирургическим отделением – обеспечить медпрепаратами, кровью и кровезаменителями, перевязочным материалом.

Назим вспоминает работу в Степанакерте. Центральная больница была одним из очагов движения «Гарабах». Его непосредственное начальство, главный хирург НКАО Эдик Гукасян, был активным членом «Крунка». Врачи-армяне были самыми активными участниками, они знали статистику рождаемости и смертности, это подхлестывало. Всех врачей-азербайджанцев методично выживали из центральной больницы НКАО. До 1988 года давали выговоры и затем заставляли уйти с работы. В 1988 году стали выгонять нагло, открыто, без объяснений. Последние, кого выгнали с работы, – детские хирурги А.Абдурахманов, М.Гусейнов, а рентгенолога Низами Кулиева избили так, что он оказался в реанимации нашей больницы. Через три месяца крепкий сорокалетний мужчина умер от последствий побоев.

Покинув больницу и перейдя на работу в шушинскую больницу, осенью 1991 года Назим давал интервью в одной из бакинских телепередач. Сразу после выхода телепередачи в эфир к нему в Шушу из Степанакерта раздались звонки – бывшие коллеги угрожали ему, обещая, что вскоре он будет лежать на операционном столе с армянской пулей. Звонки с угрозами постоянно раздавались во всех кабинетах и отделениях шушинской больницы. Так армянские врачи старались «внести свой вклад в общенациональное движение».

Хирурги Назим Аллахвердиев, Ромик Магеррамов были незаменимы в Шуше. Позднее Назим стал ведущим хирургом в военно-полевом госпитале в Тертере. Даже кратковременное отсутствие кого-либо из хирургов в больнице могло вызвать панику и имело бы необратимые последствия. Мы не замечаем героев, но отсутствие их на своем посту вселяет страх. Именно врачи армянские и азербайджанцы, работавшие в больницах НКАО, знали суть конфликта, понимали глубинную природу того страшного армянского ритуала: вспарывания живота беременным женщинам. При всей своей варварской сути, он не был никогда никем из армян осужден, поскольку воспринимался именно как ритуал. Наблюдения и опыт шушинских врачей, и в первую очередь тех, кто работал с активистами-крунковцами в центральной больнице НКАО, сейчас очень важны, поскольку до сих пор неясна в полном обьеме природа конфликта. Не все обьясняется только историей.

Как создавался плацдарм для наступления на Шушу

Когда произошла зачистка Кяркиджахана, шушинцы говорили – советская армия создала армянам плацдарм для нападения на Шушу. Другим плацдармом были села Шушикенд, Мхетаркенд, Дашалты.

В день отъезда из Шуши ко мне подошел солдат и протянул конверт: Брось в Баку, это письмо любимой девушке.

Я взял письмо, но в Баку оказался нескоро: прежде Лачин, затем Кубатлы, затем Агдам. В один из вечеров я, каюсь, вскрыл письмо и прочитал его. Любовное письмо меня потрясло. Я его никуда не послал. Считаю, письмо наемника – документ. Он многое проясняет о том времени и о тех чудовищах, которые взрастила, выпестовала эта война.

Здравствуй моя дорогая, любимая Наденька.

Вот решил написать еще одно письмо. Так как ты говоришь, что без меня тебе скучно. Сразу хочу тебе написать, что бы ты мне на этот адрес больше не писала. А то мы уже наверное 9-10 декабря свалим отсюдова. Можешь на зимние каникулы приезжать, я буду очень рад. Пришли в бандерольке зубной пасты штук десять и носочек шерстяных. Ты уже меня поняла любимая, я это сердцем чую. Потому что я тебя люблю и ты меня любишь. Если бы ты знала, как я хочу к тебе, в твои обьятия и ощущать твои горячие поцелуи. Но я в армии, которая мне уже надоела, наверное, на всю жизнь. Бабушке и дедушке передай большой привет от меня, горячий и огромный. Скажи им , что они со мной в каждом бою. Эх, Наденька, говорил я тебе, давай я разберусь с Толяном. Но ты не захотела, а теперь нужно ждать 10 месяцев. А в отпуск я не знаю поеду или нет. Вот с Ванечкой у нас будет разговор, я ему покажу кузькину мать. Он тебя за сто км будет обходить. Наденька, ты не бойся, я могу их обоих на тот свет отправить, вот возьму и обоих под осиновый крест и положу. Я здесь на армянах, да на азерах научился, так прямо можешь им обоим передать.

Передай Алексею привет, пусть со мной свяжется, здесь можно кое-что достать. Буду заканчивать свое письмо, до свидания моя любимая, моя дорогая. Твой Валентин.

8 декабря 1991 года.

(пунктуация и орфография в письме не изменены – автор.)

Где сейчас этот наемник, на ком оттачивает свое мастерство киллера? Теперь ясно, кому и зачем нужна Чечня, слишком много наемной швали бродит неприкаянно по городам и весям российским. Как легко и нежно этот тип свернет шею любому, о ком упомянет в своем письме кокетливая Наденька.

То, что в Шуше есть пятая колонна, было известно. Прошло несколько дней, и 11 декабря мы узнали, что в Шуше местный парень вошел в кабинет мэра Шуши Гезалова и убил его.

Гезалов был надеждой шушинцев, их опорой и верой. Когда говорят о том, как была сдана Шуша, я всегда читаю это письмо. Еще одно свидетельство того, что плацдармы для наступления создавались заранее.

ЗЕМЛЯКИ

ЛИАНА АЛАВЕРДОВА

(Лос-Анджелес)

Лиана Алавердова – уроженка города Баку. Закончила исторический факультет Азербайджанского государственного Университета. Работала в Институте философии и права Академии наук Азербайджана. Ее стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков неоднократно публиковались в журналах, газетах и альманахах в Азербайджане, России, США и Канаде, включая «Литературный Азербайджан», «Знамя», «Дружба народов», «Слово/Word», «Новый журнал», «Русские евреи в Америке»и др. Лиана Алавердова – автор восьми книг стихов и прозы. Имеет несколько наград. Живет в Нью-Йорке и заведует библиотекой KingsBay.

ДВЕ ПОЭМЫ

Художник

Саттару Бахлулзаде посвящается

1

Здравствуй, художник, здравствуй!
Краски твои чисты.
Ты нам принес, как праздник,
шествие красоты.
Бродит сказочник старый,
тревожа пыльный уют,
и серые тротуары
маками зацветут,
и птицы взметнутся к небу,
и запоют холсты,
станет нужнее хлеба
шествие красоты.
В нашем постыдном быте,
в нашей постылой нужде,
где ты ее увидел?
Может, в своей мечте?

Мечта голубеет ложно.
Светла голубая грусть.
А я до холста осторожно
дотронусь и – обожгусь...

2

**Сорок дней душа все
мечется,
не найдет, святая,
выхода.
Сорок дней ей все
мерещится
что-то странное,
великое.
Все влечет ее
околица –
улететь в просторы
райские,
и хранят уста
безмолвие –
обезвожены
страданием.
Горбоносый мальчик
маленький,
как столетие
кровавое,
на распутье бредом
мается,
то ли гибелью,
то ль славою.
Знахари ломают
головы,
губы сведены
молитвами:
дай, Аллах, дыханье
отроку,
силы дай словечко
вымолвить.
А ему внезапно
грезится:
в белоснежном
одеянии
сам имам рукой
провидческой
кисти дал
для рисования.
А ему внезапно
чудится
голос матери
рыдающей,
и гортанью
пересушенной
он прошепчет:
«Пить...»
Голос бабки: «Пить?
Значит, будет жить!»**

Будешь жить,
но помни,
что на долгий срок.
В этом мире темном
будешь одинок.
Что душа видала
в голубом раю
принесешь отдаром
в живопись свою.
Рыжие деревья,
красные луга,
гейзеры, кочевья,
чудо-берега.
Вырастешь ребенком,
значит, без семьи.
Будут за потомство
лишь холсты твои.
Ты услышишь голос
молчаливых трав.
Для тебя не будет
в этом мире тайн.
А когда решишься
отдых дать рукам,
то нагой и нищий
возвратишься к нам.

3

Руки мастера, пальцы-лучи,
как смогли вы мир приручить?
Вы, рассеивающие зло ночи
с обреченным упрямством свечи.
Пальцы тоньше кистей рисовальных,
пляс ветвей под ударами ветра –
кто вас только не рисовал?
И скажу (не сочтите нахальством):
для меня вы – десница Поэта,
кто однажды мир создавал.
Я люблю вашу хваткую силу,
руки йога – ни капельки жира –
солнцелюбые длани лозы,
создающие радость и диво,
равнодушные к бреду наживы,
мост-тире между «живопись – жизнь».
Как случилось, что не чинуше,
не торговцу, не мяснику –
вы достались в дар кому нужно,
то есть Мастеру самому?
Перепачканы красками,
в синих жилах,
такие страшные,
такие красивые...

4

В Монреале выставка.
Ждут работ Саттара.
Приглашают гения
проехаться задаром.
Одному художнику
на десять чинуш –
мудрено протиснуться
меж бумажных душ.
Горе-благодетели
сладенько журчат
и вливают в уши
липкий шоколад:
что-то там о долге,
о солидном виде,
о костюме, галстуке,
хоть кричи: «Изыди!»
Ваши указания –
во где, опостылели.
Вы меня удавками
всего перекрутили.
На веревку-галстук
вовсе наплевал.
Bəsdir, getmirəm
Montreala![1]

5

Я хаживал частенько в чайхану,
где с радостью ребяческой, без фальши,
наполнил armudu[2] и не одну
почтительно-догадливый чайханщик.
Я пристрастился к тишине бесед.
Напоминали эти разговоры
скорее мотыльковый перелет,
чем строгий смысл коврового узора.
И в память знатных мэхмэри-чаев[3],
и в благодарной искренности сердца,
не помню, сколько – много я холстов
передарил чайханщику в наследство.
Я умер, я давно уж погребен.
Чайханщик слеп, но все ж холсты лелеет.
Их вечерами нежно гладит он
и заклинает, чтобы уцелели.
На торжествах, где духа моего
присутствие отыщите вы вряд ли,

[1] Хватит, не поеду в Монреаль!
[2] Грушевидный стаканчик, в котором подают чай в Азербайджане.
[3] Крепко заваренный

он, чинен и молитвенно смирен,
глотает, что ни наплетет рассказчик.
Он заявил, что не продаст холсты,
что после смерти, может, но и то лишь...
О, тем бы, кто со мною был на «ты»,
его неискушаемую совесть!
А то распродавали даром, зря,
уплыли караванами полотна.
На этом свете правду говорят:
лишь после смерти дружба познается.

6

Не подходит гений к обоям,
к гардеробу он не подходит.
Что за странное своеволье
в голове его колобродит?
Он смеется над ритуалом
чинных встреч и застолий важных,
выше мудрости аксакалов
почитает он дух бродяжий.
Ветер сильный, стальной, свирепый,
надувай же тугие щеки,
уноси меня божьей щепой
в мир прекрасный и мир широкий
и оставь в травяных ложбинах
отдыхать замутненный разум,
чтоб глаза прочищали ливни,
упадая с вершин кяпазов[1].

1991 г.

МОРСКАЯ ПОЭМА

1

Солнце огненно-яро,
жжет лучей бахрома,
от деревьев бульвара
амфитеатром – дома.
Здесь базары шумливы
и капризна весна,
люди ходят лениво,
как под чарами сна.
Всем приезжим на диво
здесь буянят ветра,
лишь луна молчалива,
как большая дыра.

[1] Кяпаз – гора в Азербайджане.

Здесь красивой девице
не пройти просто так:
враз осклабятся лица,
что-то крикнет остряк...
Раскаленное лето,
восточная лесть
и, конечно, поэты
в этом городе есть.

2

А были еще поэты:
слагали о нефти оды,
катились легко по рельсам,
чтоб не отстать от моды.
Черное золото славили
сдуру или с расчетом?
Что же потомкам оставили?
Сточную яму, болото?
Золото гонораров
пропито иль проедено.
Потомкам, увы, досталась
не стихия – трагедия.
А в тихую погоду
на дне песочек просвечивал...
Что вам ответить народу?
Поздно, да и незачем.

3

Купальня на бульваре...
Давно или недавно?
Купальня на бульваре –
отцовские преданья.
Не пахло керосином,
а голубым и синим,
таким щемяще юным,
как будто жить просило.
И брызгало и пело
сиреной неуемной,
и убежать хотелось
в мир палубный, бездомный.
То робою стелилось,
то шквалами взывало,
о воле говорило
аж за десять кварталов.
Ах, галсы, фоки, стеньги,
соленая тревога...
Так пробежать хотелось
по голубым дорогам.

И сотни солнц дробились,
и пена в ноздри била,
и счастьем запредельным
все это было, было...
От маленькой купальни
и сле́да не осталось.
А ведь какая жалость...
А ведь какая малость...

4

Раньше синело гордо, свободно
море.
Было соленым – стало зловонным, –
горе!
Пеной кипело, белой-пребелой,
пело.
Души романтиков звал посейдонов
пеленг.
Траур мазутный носишь, как вдовы.
Горе!
Скважины выплюнь, стань же собою,
море!

5

Меня убивали тихо.
Какая смелость!
Терзали заправски-лихо
синее тело.
Не вскрикнет рыба.
Лишь чайка
ликует громко.
Мучителей засосало б
на дно воронки.
Всей мощью б на них кричало,
проклятья слало.
Но в мире так много жалоб,
а счастья мало.

6

Твердим тебе: «Самоочистись!»
А сами?
Тебя превратили в кладбище,
засрали.
Как пес усталый,
ты лижешь ноги,
простерло тело,
безвольно отдав
дурным двуногим
все, что имело.

Тебе, протухшему, мутному,
покрытому пеной мазутною,
вечна-а-ая память...

О море, море, кто тебя
усеял черными плевками?

7

Море, море-моречко,
сине-голубое.
Были, море-моречко,
мы дружны с тобою.
Гордое и нежное
за душу хватало.
Лижет берег бережно,
гладит тело скалье.
Весь в ракушках-родинках
золотой песочек.
Море – это родина,
вотчина из вотчин.
Окунуться в таинство –
не нужна прописка.
Ты такое дальнее,
хоть осталось близко...

8

Я, море, их всех любило:
осетров, медуз прозрачных.
Я матерь, а не могила,
и нет для меня невзрачных.
Ах, детки мои: креветки,
осетры, кутум, миноги!
Вы стали, как гости, редки
в пустынной моей утробе.
Морщиню огромное лбище
и к небу взываю ревом:
чего это люди рыщут,
мое истерзали чрево?
Обязаны мне рожденьем
(ведь все живое – морское),
забыли в поганом рвеньи,
что я их всех успокою,
волною своей накрою,
отмщу за то, что любило.
А впрочем, все это пустое.
Я матерь, а не могила.

9

Ветры океанские,
гордые, не бренны.
Ветры океанские
боговдохновенны.
Словно лодки утлые
реки, города ли
встречными, попутными
обданы ветрами.
Я не море – озеро,
вдалеке от края,
где дельфины, полюсы
и киты с цунами.
И, такие малые,
мы вдвоем с Аралом
шлем с ветрами жалобы
Отче – океану.

10

«Мы ее с морского дна
все равно добудем!»

«А нам все равно...»

(Строки из популярных песен)

А вам все равно?
Ну что ж...
Град вам или дождь?
Пули или снег?
Зверь иль человек?
Мир или война?
Бог или чума?
Вечность или век,
зверочеловек?

САЯД АРАН

Р А С С К А З Ы

Перевод Пюсты АХУНДОВОЙ

Пробуждение

Соседские женщины, собравшись в новом доме Салтанат, построенном у самого канала Кызыларык, стегали новые одеяла и матрацы к намечающейся на осень свадьбе ее старшего сына. Стоял самый обычный день. Работа шла своим чередом. Пришпилив мелкими гвоздиками одеяла к деревянному полу веранды, женщины стегали их большими иголками. Два килограмма риса еще с вечера перебрали и высыпав в поднос, поставили на перила веранды. Рано утром, перед тем как уйти на работу, муж зарезал трех курочек, которых Салтанат аккуратно ощипала и оставила в тазу, накрыв большим подносом. Приготовление довги поручила Зохре – невестке своей близкой подруги Хейрансы. Эта крепкая, дородная девушка лучше всех справилась бы с этим, но Салтанат просто не могла удержать язык за зубами:

– Не зевай, гляди у меня, слушая россказни своей свекрови. Ты их и без того каждый день слышишь… Того гляди, испортишь мне довгу. Я не знаю, что я потом с тобой сделаю – саму тебя сварю вместо довги.

Робея перед властной и гневливой Салтанат, она пробормотала «с Божьей помощью не испорчу» и принялась за работу.

– Дай-то Бог. Мое дело – предупредить, а дальше уже сама гляди.

Расторопная и сноровистая девушка усердно перемешивала довгу, ни на секунду не прерываясь. Взглянув на нее, можно было понять, как добросовестно она отнеслась к работе: лоб покрылся капельками пота. Свекровь была довольна: «Пусть посмотрит, какие бывают свекрови!» Хотя Салтанат еще только собиралась стать полноправной свекровью. Но, что там говорить, – без пяти минут, как свекровь.

Женщины, работающие на веранде, втихомолку посмеивались, глядя на Салтанат, которая то гоняла палкой для взбивания шерсти кур, забегающих на веранду, то грозила ею лающей собаке, то, проходя мимо Зохры, слегка стегала ее по бедрам. Зная характер хозяйки дома, никто не решался что-то ей сказать.

А Салтанат отчего-то выглядела озабоченной. Соседки, задушевные ее подруги, связывали эту задумчивость с предстоящей свадьбой и с предстоящими заботами, в частности, покупкой золотых украшений для будущей невестки. Да мало ли хлопот перед свадьбой! Если бы все эти хлопоты и приготовления не завершались свадьбой, от множества забот с ума можно было б сойти. Ну, а причины озабоченности Салтанат были известны лишь Всевышнему и ей самой. И рассказать нельзя, да и к чему все это? Потом каждый истолкует на свой лад...

Несколько дней назад дочь ее младшей сестры Самии – Айсель – приехала в гости к тетке. Школы закрылись, начались каникулы. Школьники, утомленные городским шумом и жарой, устремились в районы и деревни. Давно уж так повелось, что каждое лето люди из Баку разъезжались по своим районам и деревням.

Перед отходом ко сну Айсель попросила тетю, чтобы та постелила ей рядом с Сямой. Имя племяннице дала ее тетя Самия. Сяма была младше Айсель на три месяца.

– Тетя, постели нам на полу.

Салтанат ничего на это не сказала. Попросила Джахира – старшего сына, к чьей свадьбе шли приготовления – достать матрац толщиной чуть ли не с полметра

и расстелила в центре комнаты. Не успела она еще достать одеяла и подушки, а Айсель уже принялась прыгать на матраце, как на пружинистой кровати! Сяма с улыбкой смотрела на восторженную радость двоюродной сестры.

Салтанат, как всегда, не сумев удержать язык, съязвила:

– У твоей матери что, рук нет? Скажи, пусть и тебе такой матрац сделает.

– Но ведь у нас же нет столько овец, как у вас.

– У твоего отца денег куры не клюют. Пусть за деньги организуют.

– Ну, не знаю! – рассеянно ответила Айсель, не совсем понимавшая, на что намекает тетя. Да и Салтанат вышла во двор, чтобы закончить некоторые незавершенные дела. Кузины, радостно смеясь и щебеча, вдоволь напрыгались и обнялись под одеялом.

Салтанат завершила все текущие дела и, прежде чем лечь спать, решила заглянуть в комнату детей. И тут ее словно током ударило. Девочки, разгорячившись, сбросили с себя одеяло и лежали в легких и коротких ночных рубашках. Пухленькая, беленькая Айсель была похожа на маленькую белую рыбку, а Сяма по сравнению с ней, как говорила покойная тетушка Масума, смахивала на черную головешку. Очаровательная улыбка не сходила с губ Айсель даже когда она спала. Сяма же выглядела уставшей, озабоченной и утомленной. Конечно, между девушкой, выросшей в городе, в комфортной обстановке, на всем готовом, и девушкой, с утра и до ночи хлопочущей по хозяйству под палящими лучами солнца, должна была быть разница. Но… не до такой же степени… Конечно, Салтанат не подпускала близко темных мыслей, всячески гнала их прочь. В конце концов, Айсель ей как дочь. Но ведь все было как на ладони.

…На просторной веранде работа близилась к концу. Оставалось сварить рис и поставить его доходить на пару. Чыхыртма к плову готовится быстро. Довга была готова, и она не свернулась, это было видно по выражению лица Салтанат. Невестка Хейрансы – Зохра – заслуживала похвалу. Густой аромат довги разошелся чуть ли по всей улице. Работавшие на веранде почувствовали, что у них разыгрался аппетит. Салтанат давала последние поручения в связи с довгой.

– Сними кастрюлю с огня. Да гляди, чтобы кошки-собаки, куры близко не подходили. Как немного остынет, накрой крышкой, только неплотно. Пойди, принеси с балкона большую сковороду, которую я накрыла тазом, и банку с маслом, а я принесу из кладовки лука.

Что-то, от чего она безотчетно отмахивалась, занимало мысли Салтанат. Сделав несколько шагов в направлении кладовки, она, не веря своим глазам, остановилась, словно вкопанная. «Наверное, показалось, почудилось… Ну уж нет, погоди-ка, я гляну…» По ту сторону забора стоял симпатичный подросток и, абсолютно не смущаясь, смотрел на кого-то во дворе, улыбался, жестикулировал, странно подмигивал, то и дело на что-то намекая жестами. Господи, спаси, да что же это такое? Почудилось или это происходит наяву? Она обернулась, чтобы взглянуть, на что уставился парнишка, и, несмотря на июльскую жару, Салтанат показалось, что ее словно окунули в ледяную воду… Там была Айсель. Ладно еще мальчишка, взбесило Салтанат то, что Айсель отвечала на его жесты и подмигивания, улыбалась, кокетничала и, о горе, манила его во двор! Парень, указав на кого-то, приблизил большой и указательный палец к шее и изобразил непонятно что. О боже, он указывал на нее, на Салтанат. В гневе она с такой силой отшвырнула палку, что та разломилась надвое.

– Эй, ты! Ты чего там вылупился?..

Хейранса, закончившая стегать матрац, так вздрогнула, услышав крик Салтанат, что поцарапалась об один из маленьких гвоздей. В мгновенье ока подол платья окрасился кровью. Присутствующие засуетились, пытаясь помочь ей.

– Я с тобой говорю, наглец! – Салтанат до того была вне от себя от гнева, что не могла взять себя в руки и собраться с мыслями. – Да кто этот мальчишка?!

Зохра поспешила ответить ей:

– Это сын Назима.

– Какого Назима? Который женским исподним торгует, что ли?

У Назима в деревне был большой магазин. Он считался зажиточным человеком. В деревне о нем отзывались как об известном бизнесмене. Другой его брат занимался торговлей в Москве. Одним словом, семья их была из небедных и уважаемых. Ассортимент продаваемых в магазине вещей был самым разнообразным, было и исподнее, о котором Салтанат упомянула. Но почему Салтанат решила назвать именно этот товар, никто не понял.

Подросток, ничуть не смущаясь и все еще нагло улыбаясь, продолжал смотреть на Айсель. Ну ладно, с ним все понятно. А девчонка чего удумала? Разве она не видела ярости и гнева тетки? Салтанат обернулась к Айсель и крикнула:

– А ну, марш домой! Сяма, отведи ее в гостиную!

Ай Аллах, да что же это творится?! Провалиться мне сквозь землю!.. Айсель переминалась с ноги на ногу, и кажется, совсем не хотела идти в дом. Девчонка в открытую защищала парня, даже смущалась от слов тетки, которые она кричала в его адрес. Всем своим видом она выказывала недовольство… И вдруг, словно гром среди ясного неба, прозвучали ее слова. Салтанат не сразу осознала, что сказала Айсель.

– Тетя, ну пожалуйста, пусть он зайдет!

Она хлестнула ее по ногам отломанной половиной палки для взбивания шерсти и крикнула:

– А ну, замолчи, паразитка!

Айсель осознала свою ошибку, но было уже поздно, что сказано, то сказано. Салтанат пылала от гнева. Она в жизни не видала и не слыхала такой дерзости.

Парень, перемахнув через забор, прыгнул во двор. Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Женщины, работавшие на веранде, кое-как остановили кровь – сожгли тряпку и присыпали пеплом порез – и спустились во двор на подмогу Салтанат.

– Ах ты наглец! До чего же ты бесстыжий! Чего ты лезешь к людям во двор без разрешения?

Парень, не обращая ни на кого внимания, двигался прямо к Салтанат и, указав на Айсель, все еще потирающую рукой бедро, с вызовом произнес:

– Ударь меня вместо нее! Жалко бить такую девочку.

– Ах ты негодник, ты что, больше меня о ней заботишься?

Салтанат опешила от подобной наглости.

– Да… Я никогда в жизни ее так не ударю.

Салтанат подняла руку и начала лупить наглеца:

– Вот тебе, негодяй, получай, вот так, вот так…

Теперь и Айсель, позабыв о своей боли, бросилась защищать парня и, загородив его грудью, молила тетку о пощаде.

– Тетя, ну пожалуйста, не бей, ему же больно. Жалко ведь.

Сяма, наблюдающая за всем происходящим с веранды, просто потеряла дар речи. Она смотрела на происходящее как на какой-то фильм и ничего не понимала. Девушка была поражена раскованностью двоюродной сестры. Почему Айсель так рьяно защищает незнакомого парня, которого впервые видит? Чего ради терпит пребольные удары тети из-за какого-то незнакомца? Неужели влюбилась в одночасье? Это и есть любовь? Так быстро?

Салтанат была ошеломлена и, увидев, как парень и Айсель чуть ли не грудью защищают друг друга, обессиленно повалилась наземь.

Женщины начали гнать сына Назима со двора, а он не отпускал рук Айсель и беспрестанно спрашивал:

– Тебе очень больно?

Айсель отвечала, превозмогая жгучую боль:

– Ничего страшного. А у тебя как? Руки сильно болят?

Парень поглаживал ее руки и целовал пальцы, а она, не отнимая рук, снова и снова заботливо спрашивала, сильно ли болят его руки.

Женщины стояли огорошенные, недоуменно наблюдая за происходящим. На их глазах происходило что-то неслыханное, не укладывающееся в их понимание. Чего ж осуждать Салтанат? В деревне еще такого не бывало. И, как назло, мужчины никак не возвращалась, чтобы взашей вытолкнуть наглеца со двора и покончить со всем этим позором.

Салтанат в полузабытьи слышала и возмущение женщин, бранящих сына Назима, и воркованье Айсель и парнишки. Немного придя в себя, она попыталась подняться. Айсель, заметив, что тетка очнулась, запричитала:

– Тетушка, родненькая, как ты? Очнулась? – и бросилась к ней в объятья.

И парень тут как тут:

– Тетя Салтанат, пожалуйста, возьми себя в руки, не огорчай нас!

Затем, схватив ее левую руку, начал целовать. Айсель взяла ее правую руку в свои маленькие ручонки и тоже начала целовать и поглаживать, но оба продолжали с глядеть друг на друга с ласковой улыбкой, как самые близкие и родные люди.

… Салтанат снова потеряла сознание.

Средь бела дня

– Присядем здесь?

Сказав это, девушка прильнула к парню так, словно они были здесь одни. С сияющими глазами она потянулась к нему – так, завидев в пустыне водоем, тянется к вожделенной влаге изнемогающая от жажды газель. Смутившись, парень не успел среагировать адекватно, но чтобы не конфузить девушку, прижал ее голову к своей груди так, что губы девушки коснулись его шеи.

Можно было присесть, но на другом краю скамейки, застыв, как статуя, сидел старик. Положив руки на колени, как прилежный ученик, он сидел совершенно неподвижно, будто пребывая в некоем оцепенении. Его утратившие прежний блеск, но все еще лучащиеся жаждой жизни старческие глаза неотрывно смотрели из-за стекол очков в бескрайнюю даль моря, словно в ожидании корабля, на котором из дальнего странствия приедет кто-то очень дорогой.

Средь бела дня на бульваре сравнительно безлюдно. Несколько иностранцев в коротких шортах совершали пробежку. «Срамота! Ишь, как разгуливают, бесстыжие паршивцы, как у себя дома! – проворчала под нос пожилая, как видно, приезжая женщина в келагаи, отвернувшись в сторону. – Не дай бог, увидит кто – на всю деревню раструбит, что жена такого-то сидит на бульваре и разглядывает голых мужиков». (Муж ее отошел в уборную, так что предполагаемые сплетники оказались бы не так уж и неправы). А пересуды уже, казалось, звенели в ее ушах: «Бесстыжие твои глаза! Столько лет коптишь небо, да только ни стыда, ни совести не нажила!»

Редкие выходцы из Южной Азии были одеты проще и смахивали на бывших советских рабочих-передовиков. Были здесь и местные – из провинции. Возмущаясь: «И как только эти бакинцы спят до обеда?», – они бесцельно прогуливались, пытаясь скоротать время до того часа, когда смогут пойти в различные министерства и учреждения с жалобами или отправиться в гости к родственникам. Они здесь не впервые, и поэтому не глазели по сторонам, как иностранцы. Вместо этого, томясь вынужденным бездельем, то и дело поглядывали в силу привычки на наручные часы, хотя проще было взглянуть на башенные, циферблат которых обозревался со всех сторон. Ну что тут скажешь! Иной раз время неумолимо – утекает, как песок сквозь пальцы, а порой тянется бесконечно долго.

– Может, пройдемся в ту сторону? – спросил парень, указывая на пустую скамейку неподалеку.

– Я усталаааа… – кокетливо протянула девушка, повиснув у него на руке.

– Ладно.

Они присели на скамейку. Мимо них проходили люди – белые, черные, желтые, коричневые, серые… По всей видимости, в основном это были туристы, остановившиеся в отелях поблизости от бульвара.

Несколько человек, говорящих на русском языке, то и дело восторженно ахая и не скрывая восхищения, разглядывали бульвар, засаженный экзотическими растениями, высотные здания на проспекте Нефтяников, чистые дороги и впечатляющие башни гостиничного комплекса, напоминающие языки пламени. Один из них, мужчина средних лет, указывая своему спутнику на здание «BakuCrystalhall», сверкающее под солнечными лучами как алмаз, сказал:

– Смотри… Говорят, на 25 тысяч мест. Для «Eurovision» построили…

– Да… За последние годы азербайджанцы очень возвысились…

Плотный блондин в едва сходящемся на животе пиджаке, то ли от злобы, то ли от зависти, желчно ответил:

– За счет нефти и газа…

Один из постоянных посетителей бульвара – Гасанага – зажал в кулаке игральные кости и, так и не бросив их, сказал, глядя им вслед:

– Слыхал, Бейбала?

– Слыхал… – расстроенно буркнул Бейбала, глядя на доску. Его положение в игре было незавидным. «Ну, завелся… – подумал он. – Теперь ни за что не бросит кости, пока не выскажет все, что накопилось».

– Схватить бы их за шкирку или одолжить пятнадцатисантиметровые «шпильки» у этой крали, что рядом с ними, в крайнем случае, купить, и стукнуть этому лысому по башке, да сказать: «Ах ты, такой-сякой! Когда главы Европы собрались всыпать вам по первое число, ваш падишах так застращал их…»

Теряя терпение, Бейбала перебил Гасанагу:

– Ну, а что же со шпилькой?

– Погоди… Припугнул, мол, перекрою вам нефть, газ, передохнете все зимой! Так все тотчас разбежались по своим странам, сверкая пятками. Мы тратим дарованные нам богом природные богатства на благоустройство, дороги, на свой город… Вам-то что с того?!. Вот бы на вашу долю, вместо тучных недр Сибирской тайги, выпали бесплодные, безводные монгольские степи, посмотрел бы я на вас…

– Шпилька… – Бейбала, потерявший всякое терпение, расстегнул ворот.

– Да погоди ты! Зла на них не хватает! У себя в глазу бревна не видят, а в нашем соринку ищут. Мы, в отличие от вас, не стращаем другие народы и дулей у них под носом не крутим.

– Шпилька…

– Ну поди, сними!

– Почему я?!

…Девушка словно задремала, прильнув к груди парня. Свежий воздух, легкий ветерок – все располагало к умиротворению. Она снова потянулась к нему и поцеловала сначала в щеку, затем в краешек губ. Осмелев, хотела было продолжить, но парень мягко отстранил ее, давая понять, что не стоит переходить границы…

– Ты что, не видишь, мы не одни …

– Офф…

Девушка зло взглянула на «статую». Старик по-прежнему неподвижно сидел, уставившись вдаль неморгающим взглядом. «Ну что за человек?! Нет бы встать, уйти…Эй, советский гражданин! Места, что ли, мало? Или ты сам не был молодым? Я слышала от подруг, что в советское время пожилые люди, увидев приближающуюся

парочку, вставали и уходили. У этого, кажется, проблемы с понятливостью…», – с раздражением подумала она.

– Надо иметь понятливость. И возраст тут ни при чем… – сказала вдруг девушка, раздосадованная тем, что пришлось унять порыв страсти. Парень взглянул на старика и иронично усмехнулся, затем снова прижал голову девушки к груди, взъерошил и погладил ее волосы и шепнул на ухо:

– Наверняка скоро уйдет. Успокойся.

– Что-то незаметно… Зря я заупрямилась! Надо было послушаться тебя и пройтись до той скамейки!

– Ну, мне не привыкать ни к твоему упрямству, ни к запоздалому сожалению... – ответил парень спокойно и сдержанно, словно умудренный возрастом мужчина.

Слова девушки услышал и старик. Впервые «статуя» зашевелилась. Девушка заметила это. Старик явно был смущен – руки тряслись, по лицу было заметно, что он переживает смешанные чувства. Девушка смотрела на него с неприкрытой неприязнью. Он тоже смотрел в их сторону, но было сложно понять, куда именно – на нее или поверх ее головы. На всякий случай, проследив взгляд старика, она повернулась в том направлении.

Чуть поодаль, на фоне зеленой аллеи, как огромный красный мак, стоял киоск с рекламой «Кока-колы». Продавец развалился в ветхом, обитом юфтью кресле, сиденье которого просело чуть ли не до земли так, что сидящий в нем смотрелся, как увязнувший в грязи. Продавец тоже смотрел, насколько ему позволяло окно киоска, на море и синее небо. Погода стояла прохладная, и потому никто не покупал прохладительных напитков. Продавец с надеждой смотрел на прохожих и как только замечал, что кто-то смотрит в его сторону или направляется к нему, порывался встать, но, поняв, что это был случайный взгляд или движение, снова утопал в потёртом кресле. Вокруг не было ничего, привлекающего особое внимание – не было даже парашютистов на башне с часами. Много лет назад прыжок с башни обернулся трагедией –парашютист погиб, и с тех пор власти запретили прыжки.

В таком случае куда так упорно глядит старик?

Самые разные люди шли по набережной: кто размашистым шагом, кто бегом, кто торопливо, а кто – неспешно прогуливаясь.

– Ты пересдала тот экзамен? – спросил парень, чтобы нарушить молчание.

– Уф, будь он проклят, этот препод! Натуральный Езид![1] «Хоть тресни, – говорит, – не выучишь – оценку не получишь!»

– Других вариантов нет?

– Каких еще вариантов? – захлопала глазами девушка.

– Ну, кто мог бы повлиять на него… Или, может, уважим…

– Эх! С ним такие шутки плохи. Говорят, он из старых, «истинных коммунистов». Родной отец с того света попросит, все одно – не поставит оценку, и денег не возьмет.

– Ну, выучи, раз так. Иначе придется еще год протирать штаны на студенческой скамье.

– Не получается у меня выучить! Хоть убей, ничего не могу запомнить. Какую страницу ни открою – вижу тебя. Уфф! Ты и спасение мое, и погибель! – воскликнула девушка и застучала маленькими кулачками по его груди. Но через мгновенье, вновь обвив его шею руками, начала страстно целовать, совершенно не заботясь о свидетелях. Из этой сладкой неги ее снова вывел сдержанный голос парня:

– Успокойся, неудобно ведь. Наберись терпения.

– Не буду! – запротестовала девушка и, обернувшись, взглянула на старика полным ненависти взглядом.

[1] Язид I (645-683) арабский халиф из династии Омейядов с 680, сын Муавии I. Посланные Язидом войска разбили при Кербеле сторонников Хусейна — сына Али и внука пророка Мухаммада — и жестоко убили самого Хусейна.

«Как ты не понимаешь, что нужно встать и уйти отсюда! Пристал, как репей!» – читалось в ее взгляде. И старик «услышал» это, прочел в ее глазах. На сей раз «статуя» даже немного заерзала на месте. Парень тоже смотрел в его сторону. Заметив, что старик завозился, они решили, что он собирается уходить, однако он продолжал сидеть, глядя поверх головы девушки куда-то вдаль, и беспокойно ерзать на месте. Непохоже, чтобы старик устраивался удобней, напротив, он казался крайне взволнованным. Грудь его порывисто вздымалась, он что-то искал трясущимися руками в карманах – видимо, таблетки. Наконец он нашел лекарство, взял пластиковую бутылку, лежащую рядом с ним на скамейке, открыл крышку, положил таблетку на язык и выпил три глотка воды.

– Ладно, оставь его, отвернись… Как нам быть с твоим срезом? Если педагог и в самом деле упрямец, как ты говоришь, то что ты будешь делать? И что ты скажешь домашним?

Впервые с тех пор, как они пришли, она отвлеклась от переполняющей ее страсти и всерьез задумалась о своем положении. При желании она могла бы подготовиться к экзамену и получить оценку. Ребята курсом старше говорили, что не такой уж он и изверг, этот преподаватель. Чтобы получить удовлетворительную оценку, достаточно иметь хоть какое-то представление о его предмете, а для этого придется запереться в комнате на несколько дней и учить, учить, учить… А это, на ее взгляд, означало временно лишится обуревающей ее любви и выпасть из жизни, на что у нее просто не было сил. А впереди – длительные каникулы… Как только она вспоминала о предстоящей разлуке с любимым, мир стремительно терял краски. Нет! Нет! Она снова прижалась к парню, крепко обвила его шею руками, словно его собирались отнять у нее, и глубоко вдохнула его запах. Парень, ожидающий обычного возгорания страсти и шквала горячих поцелуев, почувствовал в своих объятьях постепенно успокаивающееся, утихающее тело. Поначалу не он придал этому значения, списав это на стресс из-за проваленного экзамена. Взяв ее за подбородок, он мягко поднял ее лицо, чтобы понять, в чем дело.

Девушка смотрела на старика. На ее лице не осталось и следа от ненависти и злобы, вместо этого в ее глазах сквозило сожаление и раскаяние… Парень взглянул на старика.

«Статуя» плакала. Старик, как и прежде, сидел совершенно неподвижно. Из-под покрытых испариной стекол очков по лицу струились слезы, исчезая в седой бороде. Время от времени его плечи вздрагивали. Он уже не смотрел вдаль поверх ее головы – просто плакал, глядя на море… Без сомнения, эти слезы были вызваны не слепяще-яркими лучами солнца. Старик плакал…

Девушка была сконфужена. Не меньше нее был растерян и опечален парень. Они переглянулись: «Пора уходить».

От звонкого детского голоска, расколовшего гнетущую тишину, вздрогнули не только парень с девушкой, но и трава, цветы и все живое вокруг.

– Деда, дедушка!

Мальчишка лет четырех-пяти бросился к старику, распахнул полы его пиджака и, уткнувшись ему в грудь, спрятался в его объятьях. Старик, отчего-то с превеликой осторожностью, бережно, словно что-то очень хрупкое, обнял внука. Заметив направляющуюся к ним супружескую пару, старик унял переполнявшую его нежность. Было видно, что он трепетно любит внука, но сдерживает проявления этой любви: в какой-то момент ребенок, выскользнув из его рук, упал, но старик не бросился его поднимать, – просто протянул ему руку, мол, поднимайся, не пачкайся.

Сначала к нему подошел мужчина средних лет.

– Как ты, отец? Не утомился?

Внук не дал ему договорить, выпалил:

– А дедушка плакал.

– Что?! – мужчина расширенными от удивления глазами смотрел на старика. – Что случилось, отец? Тебя кто-то обидел? – взволнованно спросил он, оглядываясь по сторонам. Поблизости не было никого, кроме сидящей в обнимку парочки. Он грозно посмотрел на них. Девушка прижалась к парню – сын старика был высоким, широкоплечим мужчиной, при надобности вправил бы пареньку мозги.

– Глаза от ветра заслезились.

– Может, тебя огорчил кто-то?.. – спросил сын, кивнув в сторону молодых.

– Нет, что ты?! Что им до меня? Говорю же, солнце бьет прямо в глаза, не видишь?

Мужчина обернулся к морю и, ослепленный солнечным светом, на несколько мгновений инстинктивно зажмурил глаза. В это время подошла сноха, обняла и поцеловала старика, справилась о его самочувствии.

– Я в порядке, – ответил старик.

Затем она прикатила инвалидную коляску, оставленную за кустами, и прислонила к скамейке. Парень с девушкой только сейчас увидели коляску.

Они приехали на бульвар всей семьей. Два-три раза в неделю они вывозили старика подышать свежим воздухом, и каждый раз после того, как его усаживали на скамейку, старик, желая побыть наедине с собой и привести в порядок мысли, говорил им: «Пойдите, погуляйте, на обратном пути заберете меня». Живому и непоседливому мальчугану не сиделось на одном месте. Он тянул родителей за руки и все время твердил: «Пойдемте гулять вон туда!» Старик, предпочитающий тишину и покой, всякий раз поддерживал его: «Ребенок прав, ступайте, погуляйте, а я тут посижу».

Старик был парализован, но надежда на то, что он снова начнет ходить, все же была. Врач порекомендовал ему не сидеть в четырех стенах, почаще бывать на свежем воздухе и постепенно разрабатывать ноги, каждый день увеличивая число шагов.

Сын осторожно поднял отца на ноги и старик, опираясь на него, робко задвигал ногами. Внук держал его за руку и, шагая рядом с ним, сопровождал каждый шаг деда звонкими криками: «Вот так, дедушка! Молодец!» Сделав десять-двенадцать неуверенных шагов, старик сказал: «На сегодня хватит, больше не могу». Сын, приобняв, усадил его в инвалидное кресло. Внук воскликнул: «Я сам повезу дедушку!» – и, взявшись за ручки коляски, покатил коляску вперед.

Девушка, словно остерегаясь, что ее узнают, все это время сидела, уткнувшись в грудь парня и прикрыв лицо руками. Оба молчали. Казалось, все слова мира в одночасье иссякли.

Первой пришла в себя девушка и, подняв голову, взглянула парню в лицо.

Парень, устремив задумчивый взгляд вдаль, сидел бледный, с побелевшими и пересохшими губами. Его отец был примерно одних лет с этим стариком. Глядя на старика, он вспомнил, как точно так же искал свои таблетки его отец; как перед сном клал на прикроватную тумбочку воду и сердечные капли; как точно так же ласкал внуков.

Он давно не звонил отцу. И денег давно не высылал – то забывал, то был занят. После смерти матери отец стал совсем как ребенок – расстраивался по мелочам, обижался на всех, порой даже плакал, как малое дитя, уединившись на заднем дворе. Правда, его дочери жили в том же селе и часто навещали отца, прибирались в доме, стирали, готовили. Мужья их – в конечном счете, чужие люди – наверняка были недовольны всем этим… Он каждый раз наказывал сестрам, мол, если ваши мужья выразят недовольство, наймите сиделку, я все оплачу и буду ежемесячно высылать деньги на нужды отца…

Господи!.. Сколько месяцев прошло с тех пор, как он в последний раз звонил отцу…

Девушка, взяв парня за подбородок, слегка потрясла.

– Что с тобой? Расстроился из-за старика? Откуда же нам было знать?..

– Пойдем, я провожу тебя.

– Мы увидимся завтра?..

– Нет… У меня дела.

– А послезавтра?

– Пока не знаю. Всю эту неделю я буду занят. Заказы компании задерживаются. Возможно, меня командируют за границу.

–Это ж сколько мы не увидимся! Я так умру!

– А ты в это время как раз подготовишься и пересдашь экзамен! – улыбнулся парень и чуть ли не силой поднял девушку со скамьи.

Бросив десятку на переднее сиденье такси, стоящее у обочины, парень сказал:

– Аксакал, отвезешь девушку к станции метро «Нариманов»?

– Не вопрос, братец! – ответил пожилой водитель.

Девушка неохотно села в машину. Хотела сказать что-то, но, увидев выражение его лица, смолчала.

Их офис был на противоположной стороне улицы, позади Музея ковра. Чувствовалось, что он спешит – сегодня «перекур» затянулся.

Водитель по привычке взглянул на пассажирку в зеркало заднего вида. Повидавший за долгие годы работы таксистом самых разных людей, он сразу почувствовал что-то неладное, но не стал лезть в душу. «Какое мне дело до чужих проблем? Так можно и нарваться – скажут: «Смотри-ка вперед, да крути свою баранку!» И то верно – еще загремишь, чего доброго, в «лоток» и получишь на ровном месте заморочку с ремонтом».

Знать-то он все это знал, да только привычку не пересилишь. Глаза невольно смотрели в зеркало заднего вида – на девушку. «Молодая. Молодость и есть красота», – подумал он. Глубоко вздохнул… Из зеркала на него смотрел немолодой мужчина с уставшим лицом.

Что это? В зеркало заднего вида он увидел, как кто-то упал на том месте, где девушка села в машину. Вмиг собралась толпа. Водитель хотел было сказать девушке, мол, посмотри, не твой ли это паренек, но передумал. И, словно уговаривая самого себя, начал мысленно оправдываться: «На что мне сдались лишние неприятности? Мое дело – отвезти и привезти. А вдруг окажется, что это тот самый парень, девушка поднимет крик, потеряет сознание, – беды не оберешься. Ходи потом целый год в полицейский участок, давай показания: «Как себя чувствовал парень, когда ты его видел? В какое время суток это произошло: ночью или днем? Что девушка сказала парню? Что парень сказал девушке? Начнется катавасия. Жми-ка на газ, и езжай от греха подальше, своей дорогой!»

Белый «мерседес» скользил по черному асфальту, как лебедь по глади вод.

Была середина дня.

Холод…

– Слушайте, вы уж не обессудьте… но это уже никуда не годится! Клянусь Аллахом, он скоро сведет домочадцев в могилу! Все ходят белые, как полотно. Спрашиваю у них, как он? Говорят, никак… не ест, не пьет. Слово спросишь, только вздыхает и охает. Говорю ему: ай, Джафар, дай возьму тебя под руку, выйдем потихонечку на свежий воздух, пойдем на наше местечко, пройдемся, поболтаем, ноги-то у тебя, слава Богу, не парализованы…А он все рукой машет. Ну разве ж так можно? Что с ним такое произошло ни с того, ни с сего?

Никто не обронил ни слова. Старики, расположившиеся на пятидюймовой, лежащей на двух больших булыжниках доске длиной в три метра, словно почувство-

вали, о чем пойдет речь, еще до того, как Агарза подошел к ним. Услышав эти новости, они расстроились еще больше. Старики съежились, поникли – значит, нет у него сил подняться с постели.

Несмотря на нарочито бодрую речь Агарзы, на его тщетные попытки подбодрить и себя, и их, они поняли: видимо, Джафар при смерти. Боже, упаси! Спаси и сохрани!

Новоприбывшему негде было пристроиться, оттого никто из сидящих и не шевельнулся. Он осмотрелся вокруг, придвинул ногой плоский и гладкий булыжник, закатившийся в арык, застелил его газетой, которую достал из кармана, и осторожно присел. Примерно так использовали большие речные булыжники, оброненные водителями гравийно-песчаного завода Бахрамтепе, время от времени следующими по этой зеркально гладкой – шучу, простите, ради Бога – безнадежно ухабистой дороге.

Все четверо задумчиво смотрели перед собой в неопределенную точку. Стараясь не встречаться взглядами, они продолжали оцепенело сидеть, изредка вздыхая, но не нарушая всеобщего молчания. Джавад сидел, неестественно подавшись вперед левым плечом. Причиной тому была не старость или болезнь, вовсе нет. Одна из досок забора за его спиной сильно выдавалась вперед: либо скотина задела, либо дети-озорники нашкодили. Попытки Джавада плечом задвинуть доску на место оказались тщетными, и он, смирившись с безвыходностью положения, сидел несколько косовато, чтобы не натереть плечо.

В дневные часы в этом месте, где сидели старики, гуляли сквозняки. Раскидистый тополь создавал в радиусе десяти метров чуть ли не студеную тень. Как только старики вставали со своего места, скамейку моментально занимали молодые, и сразу же начинали играть в домино – и так до самой полуночи. А ночью здесь собирались желающие попировать. Дело в том, что позади этой импровизированной скамейки проходил предназначенный для орошения садов и огородов села небольшой арык, проведенный от канала Хубъярлы. Молодые взгромоздили друг на друга несколько больших булыжников в верхней части арыка, чтобы вода звонко журчала и создавалось впечатление, что они отдыхают у ручья. А что им еще оставалось? Место низменное, с жарким климатом… Как говорится, чем богаты...

Старики ждали доброй весточки о Джафаре, но вести были неутешительные. У всех четверых в горле пересохло, дыхание участилось. Уж очень они надеялись на добрую новость, верили, что на сей раз Агарза хоть силком, но приведет Джафара. Значит, у него опять не было сил, чтобы выбраться на свежий воздух, поболтать, развеяться, хоть на время забыть о своих хворях.

Старики, сидящие у арыка, были самыми пожилыми жителями деревни, давно перевалившими семидесятилетний рубеж. Между ними была незначительная разница в возрасте – по два-три года. Самым молодым среди них был 74-летний Агарза – деревенский вестник; больной Джафар был чуть старше него, затем шел Джавад, тот самый, которому в спину упиралась выступающая доска забора, за ним шел особенно уважаемый всеми жителями села Мирали, который 20 лет проработал председателем, и с годами односельчане все больше оценивали по достоинству его добросовестную работу и радение за людей; и, наконец, знакомый всем с самого рождения «самосвальщик» Гусейнага, который уже лет десять не садился за баранку, а в последнее время мучился от сильных головокружений.

… Все были крайне насторожены. Если с одним из них случалось неладное, всех остальных охватывало беспокойство. Все тотчас начинали думать, что такой же недуг точит их самих, начинали чутко вслушиваться в свой организм и искать у себя тревожные симптомы. Они моментально выясняли все изменения в состоянии товарища до самых мелочей, а затем анализировали свое состояние, изо дня в день уменьшали порции еды, все больше отдавали предпочтение диетическому питанию, кисломолочным продуктам, и даже если умирали от голода, ни за что не соглашались

поужинать поздно вечером.

– Вчера выпил маленькую чашечку кефира и так легко уснул…

– И я опрокинул тарелку айрана. Хоть голода не утолил, зато уснул как младенец.

– А помнишь, как в молодости объедались на свадьбах, на ночь глядя, в десять, одиннадцать, двенадцать часов ночи? Ни водкой не насыщались, ни шашлыком. Ни от плова не отказывались, ни от долмы. Как будто силос утрамбовывали. И как только желудки выдерживали…

При этих словах они возмущенно хлопали ладонями по коленям так, что было слышно в соседнем дворе.

– Вот поэтому сейчас и неразлучен с тонометром… – двусмысленно сказал «Самосвал» Гусейнага сокрушающемуся о былом безрассудстве председателю. Бывший председатель еле заметно улыбнулся и обратился к Джаваду:

– Видишь, согрешил один раз в сто лет, а он при любой возможности и припоминает мне это.

Некогда, еще будучи председателем, он не смог пристроить Гусейнагу на работу. Правда, от него ничего не зависело – не было ни штатной единицы, ни новой машины. Разгневавшийся «Самосвал» Гусейнага ночью отвел в хлев начальника дорожного управления буйволицу с приплодом. Ровно через три дня он проехал прямо под окнами председателя, подняв клубы пыли, на новеньком самосвале. Тогда все усмехнулись, но отнеслись с пониманием к неотесанности Гусейнаги. Что ж было делать? В селе все свои, все близкие, всякое бывает. Образумится, зелен еще. Глядишь, и сам повинится.

Стрелки часов, хоть и медленно, но двигались. А медлительный ход времени старики списывали на отсутствие новостей, что заставляло их еще пуще тревожиться, не случилась ли беда с Джафаром (ни у кого не поворачивался язык сказать то страшное слово). Все задавались вопросом – интересно, кто же следующий? Все задумывались о своем возрасте и сравнивали себя с Джафаром. Эх, на все воля Божья.

Юный кучерявый парнишка на сильной скорости промчался мимо них на велосипеде и поднял пыль. Эта выходка неприятно удивила их. Ах, вот в чем дело… Вот и причина – впереди шагала девочка 12-13 лет.

– Кто этот негодник? – сердито спросил бывший председатель.

Джавад, словно лениво потягиваясь, а на деле пытаясь подтолкнуть на место вновь свалившуюся ему на плечо доску, осторожно предположил:

– Плосконосый. Похож на отпрысков Гулама...

Все стали вспоминать поголовно весь род Гулама. «И в самом деле, что за наглость? Поколения меняются, а эти как были неотёсанными, такими и остались. Что за племя такое?!»

Старики не стали углубляться в эту тему, иначе до глубокого вечера обсуждали бы только это. Все были напряжены, встревожены, не до того было...

И вновь все задумались, замкнулись в себе, устремив невидящие взоры вдаль. Они и без того в последнее время были немногословны. А мысль о том, что их сверстник лежит при смерти, внесла смятение в их души. Они даже не могли найти тем для разговоров, будто обо всем на свете уже поговорили, обсудили. Новшества их не интересовали, да и темы эти были не для них – все эти, как их там… интернеты, вотсапы, ноутбуки, планшеты, телефоны всякие…

Правда, у них тоже были телефоны, но все, что они умели делать, это нажать, как их учили, на кнопку и ответить на звонок, либо набрать номер, вот и все…

Их спокойствие было нарушено, пропал аппетит и интерес ко всему. Болезнь и постельный режим Джафара обескуражили их. Словно оборвалась нитка четок, словно все было половинчатым, неоконченным. Темы, цели, желания – все оборвалось на середине. Они с замиранием сердца думали: «Значит, скоро наступит моя

очередь…» Но тотчас же утешали себя: «Хвала Аллаху, мне грех жаловаться. В свое время и наелся, и напился, и нагулялся вдоволь. Пожил в свое удовольствие, и детей вырастил, поставил на ноги, устроил их жизнь. Всем рано или поздно придется собираться в путь. Эх, бренный мир, никто в нем не задержится… Ну и пусть… Все равно… Однако больно хочется дотянуть до восьмидесяти… Нет, нет, о Аллах, грешен, прости! На все Твоя воля, Господи!»

Близился полдень. Вот-вот все разом зазвонят телефоны: позовут на обед. Конечно, в основном, внуки. Сыновья и невестки, Бог знает, почему, препоручили это дело внукам: то ли самим неохота, то ли решив, что дедам будет по душе, если позвонят внуки…

… Неожиданно раздался азан. На самом деле он прозвучал вовсе не неожиданно, а в положенное время. Но почему это так напугало их? Это единственное, чего они не ожидали услышать в этот час. Они были настроены на весточку, словечко, новость о Джафаре. И тут раздался азан… Да смилостивится Аллах…Фразы из Корана, протяжные звуки азана напомнили им отпевание покойника. Но ведь ежедневно – утром, днем и вечером они слышали азан, и сразу все спешили – кто на омовение, кто за четками, а кто-то, уединившись в дальних комнатах, совершал намаз. Ведь они не в первый раз его слышат, тогда откуда эта дрожь?

Старики поглядывали друг на друга. Интересно, к кому из них пятерых первым постучится смерть? К Джафару, много дней не встающему с постели или…? О Аллах, только не я… Знаю, знаю, все мы гости в этом мире. Но почему именно я?..

Все они думали об одном и том же, и каждый из них был уверен, что мысли всех остальных занимает то же самое. Однако никто не говорил об этом, ведь каждого можно было уличить в тех же мыслях …

«Если Джафар уйдет, значит, и нам скоро собираться в путь, – думали они. – Никто из нас не пышет здоровьем – кому-то лучше, кому-то хуже. Выходит, это и есть вся жизнь: рождение, школа, институт, брак, дети, женитьба детей, внуки, – всю жизнь трудись в поте лица и на старости лет проводи дни в пустых беседах да жди своего конца. Знали бы, не родились. Покойся с миром, поэт, это ты верно сказал».

Никто и не думал вставать, хотя пора было идти на обед. Чуть поодаль от них двое молодых парнишек с коробкой домино подмышками удивленно смотрели на стариков, не понимая, почему они не уходят. И телефоны трезвонят хором, а им хоть бы что. Нет, здесь что-то не так.

«Господи, интересно, что для нас уготовано на том свете? Знаем, что в потустороннем мире придется ответить за все, содеянное в жизни земной. О Аллах, прости нам наши ошибки и прегрешения!»

Все были очень удручены. Заслышав азан, содрогнулись, съежились, как никогда. Прижались друг к дружке и, как малые дети, взялись за руки. В это время ни с того, ни с сего, Джавад киши почувствовал небывалую легкость, словно сняли с души тяжелый камень. Оттого, что они сидели, прижавшись друг к другу, балка упиралась уже не в плечо, а в бок Джавада. Агарза пододвинул к ним булыжник, на котором сидел, и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, прикрыл глаза и положил голову на колени «Самосвала» Гусейнаги. А Гусейнага положил руку ему на плечо и погладил как ребенка.

Внезапно все четверо почувствовали жуткий мороз, пронимающий до костей.

К дому Джафара тянулась вереница женщин в черных одеяниях и черных келагаи.

Все четверо, съежившись, безмолвно дрожали под палящим солнцем.

ПОЛАДУ БЮЛЬ-БЮЛЬ ОГЛУ – 75

СИМФОНИЯ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

«Полад Бюль-Бюль оглу талантлив во всем – в музыке, дипломатии, в дружбе».

Михаил Швыдкой, спецпредставитель Президента России по международному культурному сотрудничеству.

Жизнь каждого человека – уникальная симфония, и партитура ее заранее неизвестна. Она складывается постепенно, по мере ответа на непредсказуемые вызовы времени. Красота и гармоничность жизненной симфонии зависит от творческих качеств индивида, степени его креативности. Прекрасное подтверждение тому – жизнь Полада Бюль-Бюль оглу. Непредвиденные повороты судьбы определяли новые направления его деятельности, в каждом из которых он оставил неизгладимый след.

Полад с детства любил петь, мечтал сочинять музыку. К счастью, мечте суждено было сбыться. На всем евразийском пространстве он запомнился как талантливый композитор и великолепный исполнитель своих песен. В память врезались и его неординарные роли в художественных фильмах.

Казалось, с этого пути, сулящего безграничные возможности, он никогда не свернет. Но как фонарь не может осветить всю дорогу, так и человек не может видеть, что за горизонтом. В 1987 году Полад меняет сферу деятельности, становится директором и художественным руководителем Азербайджанской государственной филармонии. В этой должности раскрылись неожиданные для многих административные способности Полада. Он за короткое время возродил любимый бакинцами Центр музыки.

Расцвет филармонии происходил на фоне обнищания и общего упадка культурных учреждений Азербайджана. Справиться с ситуацией мог лишь волевой, харизматичный руководитель. Выбор пал на Полада. В 1988 году он стал министром культуры.

Следующий поворот в биографии Полада – его назначение в 2006 году Чрезвычайным и Полномочным Послом Азербайджана в России.

Творение музыки, управление культурными процессами, дипломатия – разные направления деятельности, но их пронизывает многогранное мышление Полада, предпосылки которого, безусловно, были даны ему на генетическом уровне, но развивалось в результате целенаправленного воспитания и образования.

У истоков

«Полад родился в год Победы. И словно проникся духом победителя – всегда уверенно преодолевает возникающие препятствия».

Фархад Бадалбейли, композитор, народный артист СССР

Родился Полад в 1945 году, 4 февраля, в музыкальной семье. Его отец, Бюль-Бюль – выдающийся оперный певец, обладавший уникальным лирико-драматическим тенором, учился в Италии, стажировался в миланском театре «Ла Скала», прекрасно

освоил стиль итальянского бельканто, благодаря чему ему удалось соединить восточную манеру пения с европейской. Став профессором консерватории, Бюль-Бюль создал оригинальную вокальную школу, которая сформировала не одно поколение вокалистов Азербайджана.

В доме Бюль-Бюля царила дружелюбная, интеллектуальная атмосфера. Традиционными были совместные просмотры спектаклей, фильмов и их обсуждение. Каникулы семья часто проводила в автопутешествиях по Закавказью, Северному Кавказу, Черноморскому побережью и другим краям Советского Союза. Путешествия сочетались с посещением музеев, знакомством с народными традициями этих краев.

Семья отличалась удивительным гостеприимством. Квартира Бюль-Бюля была негласным клубом бакинской интеллигенции. Здесь радушно принимали поэтов, композиторов, артистов, ученых. Гости делились новостями, обсуждали культурную жизнь, творческие планы. Полад помнит, как их дом посещали Фикрет Амиров, Самед Вургун, Кара Караев, Джовдет Гаджиев, Рашид Бейбутов, Юсиф Мамедалиев, Тофик Кулиев, Шамси Бадалбейли. Запросто, по-соседски, заходили Мирасадулла Миркасимов, Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Петр Сабсай, Ниязи, Гамар Алмасзаде, которые жили в этом же доме. Полад с замиранием сердца слушал этих корифеев азербайджанской культуры.

Еще более интересными становились эти вечера, когда в них принимали участие деятели искусства и литературы, приезжавшие в Баку из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. В целом в доме господствовал мир искусства, литературы и музыки. Все это оказывало огромное влияние на впечатлительного Полада, на его мировосприятие. Музыкальные данные Поладу, скорее всего, передались от отца. Полад очень уважал его и любил. Бюль-Бюль не наказывал детей, не повышал на них голос. Если дети совершали проступок, это огорчало его. И дети воспринимали это как наказание, старались не расстраивать отца. Бюль-Бюль считал, что в любой ситуации необходимо выслушивать детей, ведь они могут говорить весьма интересные вещи...

К сожалению, Полад рано потерял отца, но его заветы и установки хорошо запомнил и всю жизнь старался им соответствовать. Вот как он сам об этом говорит: «У нас с отцом была большая разница в возрасте, я был поздним ребенком. Но, словно предчувствуя свой ранний уход, он вел себя со мной как с равным, стараясь, чтобы я побыстрее взрослел. Конечно, многих вещей, о которых он говорил, я тогда не понимал, но они откладывались в памяти и потом оказались мне очень полезны – но папы уже не было».

Особую роль в становлении личностных качеств Полада сыграла мать – Аделаида-ханым. Она непосредственно занималась воспитанием детей. В одном из интервью Аделаида-ханым отмечала, что «по упорству Полад похож скорее на меня, чем на отца…В Поладе с детства чувствовался характер…он был лидером и не случайно был избран секретарем комсомольской организации школы».

Еще ребенком Полад выделялся своими незаурядными способностями. Аделаида-ханым вспоминала: «Когда дети были маленькими, я им читала стихи, старший сын Чингиз, их учил, а Полад почти сразу все запоминал... Если слушали пластинки со сказками, то Полад мог повторить целые фрагменты из них».

К счастью, Аделаида-ханым, выявив способности Полада, сумела их развить и всегда гордилась сыном. Полад в свою очередь старался оберегать ее от волнений: о радостных событиях сообщал ей сразу, а о печальных старался умалчивать. Сегодня Полад по праву может гордиться не только замечательными родителями, но и результатами собственного труда, которые сделали его достойным продолжателем дела и традиций семьи.

Особенности музыкального творчества

«Когда начинается дождь или туман, стоит серая беспросветная мгла, я ставлю диск Полада. И тучи расходятся, солнце, спрятанное в его песнях, изгоняет из сердца туман и дождь, жизнь становится светлее…»

Дмитрий Григорьев, писатель

Музыкальное творчество Полада разнообразно. В его активе – симфонические произведения, камерно-инструментальная музыка, вокальные циклы, мюзиклы, балеты, музыка к кинофильмам и драматическим спектаклям. Произведения Полада – светлый, неповторимый мир. Оптимистический настрой пронизывает все творчество Полада, особенно его начальный, советский период. Представляется, что радостный, жизнеутверждающий лейтмотив его произведений – следствие счастливого детства, бережного воспитания и веры в будущее. Этому, несомненно, способствовали беспрепятственная реализация замыслов и признание их музыковедами и широкими слоями населения огромной страны.

Полад стал сочинять песни рано, будучи учеником музыкальной школы. Уровень их был таков, что потом они вошли в его первый сборник. Однако настоящим композитором, по его мнению, он стал в период учебы в консерватории под руководством великого Кара Караева. Требовательность Караева, его ответственное отношение к образованию общеизвестны. И он, к удивлению Полада, в первые консерваторские годы посоветовал ему воздержаться от сочинения песен. И только на третьем курсе, когда послушал песни, сочиненные Поладом на слова народных баяты, дал добро на свободное сочинительство. И появились «Долалай», «Шейк», «Позвони», «Мой Азербайджан», «Диалог о любви», «Город мой Баку» и целый ряд других песен. Всесоюзный успех был молниеносным и ошеломляющим. Достаточно сказать, что первая пластинка с записями этих песен разошлась десятимиллионным(!) тиражом.

Новым этапом в творчестве Полада стало то, что он начал сам исполнять свои песни. Многие песни были уже известны в исполнении Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Людмилы Сенчиной, Вахтанга Кикабидзе, Шовкет Алекперовой, Зейнаб Ханларовой, ансамблей «Гая», «Самоцветы» и других. Но искреннее, эмоциональное пение Полада и достойная сценическая культура сделали его еще более популярным.

Голос Полада отличается легкостью звучания, звонкими верхними нотами. Это ультравысокий вид тенора, близкий к тенору-альтино. Поет Полад свободно, виртуозно, мастерски использует фиоритуры.

В композиторской деятельности Полада существенное место занимает музыка, написанная им более чем к 30 кинофильмам и драматическим спектаклям. Ясность, доступность мелодий определяют приятный, запоминающийся контекст этих фильмов и спектаклей. Многие фильмы уже сошли с экрана, но музыка из них живет своей жизнью и, судя по всему, еще долго будет жить. Так, песня «Позвони», которую можно часто услышать, написана к фильму «Следствие продолжается» более полувека назад. Музыкальным шедевром остается песня «Твоя дорога», написанная к фильму «Последняя ночь детства», до сих пор популярна песня из фильма «Не бойся, я с тобой!». Особо следует отметить музыку, по существу, симфоническую поэму, написанную к фильму «Бабек».

Соединив современные ритмы и гармонии с ярким национальным мелодизмом, Полад создал новое направление в музыке, что послужило примером для подражания последующим поколениям азербайджанских музыкантов.

В конце 1970-х годов Полад возглавил эстрадный ансамбль. Объездил с концертами весь Советский Союз, побывал более чем в 70 странах мира. Завершил активную музыкальную деятельность он, когда стал директором и художественным руководителем Азербайджанской государственной филармонии.

Министр культуры

«Мне очень помогло, что я несколько лет перед этим назначением поработал директором филармонии. А до этого руководил эстрадными коллективами. Разница же в управлении двадцатью пятью людьми или двадцатью пятью тысячами не очень большая».

Полад Бюль-Бюль оглу

Когда Полада назначали на эту должность, он хорошо представлял себе всю сложность и многогранность будущей работы, понимал, что здесь придется трудиться с полной отдачей сил и времени. Министерство культуры охватывало тысячи различных просветительских организаций, разбросанных по всей территории республики. Трудились в них за символическую зарплату десятки тысяч человек. Было необходимо не только решать насущные организационные, экономические, финансовые проблемы, но и переосмыслить цели, задачи министерства, обновить их в соответствии с веяниями времени.

Следует учесть, что это время было переломным: в обществе наметились разброд и шатания, усилились сепаратистские движения, зарождался гарабахский конфликт. Вскоре распался Советский Союз, Армения оккупировала одну пятую часть территории Азербайджана. В этих условиях требовалось не просто поддерживать сложившиеся структуры культуры, но и думать о ее развитии, о культурной политике независимого Азербайджана, определять эффективные пути ее реализации.

Небезынтересно, что тогда и в России, и в некоторых бывших республиках Союза на должность министров культуры стали выдвигать известных музыкантов, артистов, писателей. Однако почти все они скоро покинули свои посты, ссылаясь на то, что государственная служба противоречит их творческому духу.

Полад блестяще справился со сложной миссией, успешно руководил Министерством культуры 18 лет. За это время возникли новые музеи, театры, концертные залы, проводились международные фестивали современной и классической музыки, организовывались выступления талантливых музыкантов на сценах Большого и Мариинского театров, Метрополитен-опера, Венской оперы и на других известных сценах. Благодаря масштабным международным симпозиумам и конференциям, проходящим в Баку, Азербайджан стал своего рода «законодателем мод» в сфере анализа и разрешения гуманитарных проблем, в частности, в сфере обоснования политики мультикультурализма.

На Полада, по его словам, произвели сильное впечатление и нашли отражение в его научной и практической деятельности следующие фундаментальные факторы: концепция «азербайджанства», обоснованная национальным лидером Гейдаром Алиевым, и Декларации, принятые на конференциях ООН по культурной политике в Мехико в 1982 году и в Стокгольме в 1998 году. Именно они стали методологической основой разработки под руководством Полада фундаментального коллективного труда «Культурная политика Азербайджана». Для его создания он привлек 27 национальных и 5 европейских экспертов. Труд получил высокое международное признание и до сих пор служит основой управления культурными процессами в республике.

Полад уверен, что понимание значения концепции «азербайджанства» всеми этническими группами страны способно обеспечить гармоничное социокультурное развитие. Ведь эта концепция учитывает объективное единство и вместе с тем многообразие азербайджанской нации. Историческая память азербайджанского народа, хранящего в своем сознании этапы прохождения через три религии – зороастризм, христианство и ислам – является немаловажным фактором для построения сбалансированных межкультурных коммуникаций как внутри страны, так и на международной арене.

А декларации, принятые в Мехико и Стокгольме, действительно революционны. В них впервые обозначен отход от традиционной концепции развития, ориентированной на экономический рост, целью развития провозглашены благосостояние и расцвет каждого человека. Культура определена в качестве системообразующего фактора развития.

Впечатляет обобщенная трактовка культуры в данных документах, согласно которой культуру следует рассматривать в самом широком смысле, как совокупность многообразных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих сообщество.

Как следствие этих идей, в указанном коллективном труде, созданном под руководством Полада, культурная политика предстала не в качестве автономной, абстрактной деятельности, а как главный регулятивный фактор достижения высоких социальных целей.

Другим важным достижением Полада на посту министра стало обоснование необходимости и решающая инициатива в создании международной культурной организации «Тюрксой». Распад Советского Союза и усиление национальных идеологий в бывших республиках сделали судьбу великой советской культуры, создававшейся десятилетиями, неоднозначной. Советское культурное пространство на глазах уходило в историю. На уровне стран СНГ была сделана попытка сохранить его. Полад, как человек, внесший большой личный вклад в советскую музыкальную культуру, был избран председателем Совета по культурному сотрудничеству министров культуры стран СНГ.

Эта культурная коммуникация показалась Поладу необходимой, но явно недостаточной. И он обратил внимание на другие возможные основания культурного сотрудничества. Так, он стал продвигать идею «Тюрксоя» как регионального партнера ЮНЕСКО. И вот уже четверть века «Тюрксой» поддерживает культурные процессы в двенадцати странах, близких по этническим, языковым и духовным качествам; знакомит мир с тюркской культурой, ее историей и современными достижениями.

Тюркский фактор в развитии мировой культуры, по мнению Полада, остается во многих отношениях недооцененным. В европейском общественном сознании «тюркские страницы» истории зачастую ассоциируются только с жестокими завоеваниями. Абсолютизация негативных сторон данного процесса оставляет в тени его позитивные последствия, повлиявшие на ход мирового развития.

В целом Полад глубоко вник в понимание исторического смысла и значения культуры, стал признанным специалистом в области теории культуры. Ему в 2000 году было присвоено звание профессора, а Азербайджанский университет культуры и искусства избрал его почетным профессором. С тех пор он желанный участник различных международных культурологических форумов.

В последние годы стали традиционными выступления Полада с докладами на международных Лихачевских чтениях в Санкт-Петербурге. В этих докладах он акцентирует внимание на вопросах сохранения национальных культур в эпоху глобализации, на значении мультикультурализма в современных условиях, социальных аспектах культурной политики. По его мнению, вопрос сохранения национальных культур, помимо исторической, социальной, этнокультурной значимости, затрагивает

вопросы соблюдения прав человека. Ибо национальная культура есть обобщенное проявление прав человека на свой особый мир.

Рассуждая о диалектике культурного процесса, Полад любит цитировать Махатма Ганди, который образно писал: «Я не хочу жить в доме, обнесенном глухой стеной, с забитыми окнами. Хочу, чтобы культуры всех стран свободно веяли вокруг моего дома, как ветры. Но я не желаю, чтобы какой-либо из них сбивал меня с ног».

Следует отметить популярность актовых лекций Полада об истории развития азербайджанской культуры, ее синкретичном характере, с которыми он с успехом выступает в университетах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России.

Чрезвычайный и Полномочный Посол

«Это счастье для азербайджанского народа, что его в России представляет Полад. Люди именно такой культуры, такого ума и такого профессионализма и должны быть послами своего государства».

Леонид Якубович, народный артист России

Да, это было неожиданное для Полада назначение. Руководство республики решило, что Азербайджан в Москве должен представлять авторитетный, известный человек, пользующийся доверием и уважением в России. При выборе кандидатуры Полада на должность посла имел, конечно, значение и его опыт работы министром, сотрудничества с Министерством культуры России, с ЮНЕСКО и другими международными организациями.

Полад осознавал, что послу недостаточно общей эрудиции и наличия различных связей, необходимо знание тонкостей дипломатии, понимание тенденций современной геополитики, владение искусством политической коммуникации. За весьма короткое время он стал профессионалом в области международных отношений. И вот уже 15 лет умело отстаивает политику Азербайджана, его интересы в непростых условиях российской действительности.

В беспрецедентном усилении и умножении в последнее десятилетие политических, экономических, гуманитарных и иных связей между Азербайджаном и Россией – немалая заслуга Полада. По мнению главы Комитета Совета Федерации России по международным делам Константина Косачева, «Полад Бюль-Бюль оглу сделал для наших двух стран больше, чем любой другой дипломат». С этим полностью согласен и заместитель министра иностранных дел РФ Андрей Руденко: «Полад Бюль-Бюль оглу внес громадный вклад в развитие наших двусторонних отношений и продолжает вносить. Уважение к нему испытываем не только мы, но и все остальные его коллеги по дипломатическому корпусу. Не случайно он – дуайен (старейшина) дипломатического корпуса в Москве».

Работа посольства охватывает разные сферы. Это и анализ изменений политического климата в России, и подготовка предпосылок и условий для сотрудничества в разных сферах, и поддержка соотечественников, и определение эффективных путей и средств знакомства широкой общественности России с достижениями Азербайджана в социальной сфере, в области науки, образования, культуры.

Все эти годы на деятельности посольства отражалась нерешенность гарабахской проблемы. Посольство постоянно распространяло информацию о причинах данного конфликта, соответствующих международному праву путях его разрешения, вскрывало двойные стандарты в позициях отдельных политических деятелей и организаций при оценке гарабахского конфликта.

Гарабах – историческая родина Полада, и он не понаслышке знает, что этот благодатный край во многих отношениях определял музыкальную культуру Азербайджана. Решение гарабахской проблемы значительно ускорило бы развитие Азербайджана, переориентировав вынужденные военные расходы на гармонизацию социально-экономической, культурной сферы.

Непредвзятого человека удивляет, что, несмотря на четыре резолюции по освобождению оккупированного Нагорного Гарабаха и прилегающих к нему территорий, принятые Советом Безопасности ООН за период с 1994 года, ведущие страны не могут заставить Армению выполнить решения ООН. Вместо надлежащих санкций страна-агрессор получает от этих стран всестороннюю помощь.

Полад оправданно считает, что гарабахская проблема не должна замалчиваться, ее нельзя снять с повестки дня. Наивно уповать на то, что историческое время работает на нас, поскольку Азербайджан в ближайшие годы по всем показателям на порядок опередит Армению и ей придется установить адекватные отношения с нами. Реальная политика Армении не дает оснований для такого оптимизма. Более того, идеологи Армении считают, что время, напротив, работает на них, поскольку растет новое поколение, которое будет индифферентно к гарабахской проблеме. Чтобы этого не произошло, надо внимательно относиться к вопросам формирования нового поколения. Уроки истории, вопросы патриотизма должны найти должное выражение в информационной политике, в образовательной системе Азербайджана.

Будет ли музыкальный ренессанс в жизни Полада?

«Полад – постоянно в пути, вряд ли остановится. Так что – продолжение следует…»

Эльчин, народный писатель Азербайджана

Древние греки считали, что философы, политики и люди искусства могут увековечить себя, если их дела, творения победят индивидуальное время. Полад – философ по жизни, признанный политик и известный композитор. Во всех трех ипостасях он выполнил условия древних греков и уже вошел в историю.

И по восточным канонам он счастлив: «построил дом, посадил дерево и вырастил достойных детей». Полад гордится сыновьями – Теймуром (уже заслуженным артистом России) и талантливым Муртузом, будущим дирижером, дочерью Лейлой, делающей удачные шаги в сфере киноискусства, музыкально одаренной внучкой Анной…

Но создается впечатление, что Полад еще полностью не выразил себя, многое не досказал. Если учесть его неиссякаемую энергию, огромный творческий потенциал и накопившиеся за эти годы идеи, зарисовки, жизненные наблюдения, то в ближайшее время мы можем стать слушателями принципиально новых сочинений. В них, конечно, сохранится «солнечный дух Полада», но они будут навеяны осмыслением прожитых лет, жизненных перипетий и видениями будущего...

Низами МАМЕДОВ,
доктор философских наук,
профессор, член Международной ассоциации писателей и публицистов

От всей души поздравляем Полада Бюль-Бюль оглу!
С наилучшими пожеланиями – редакция «Литературного Азербайджана».

ЮЛИЯ РАГИМОВА

ПЛАЧ ТИШИНЫ

* * *

В синем море лодка тонет.
В лодке двое: я и я.
Ночь не вздрогнет, не застонет,
Бьет холодная струя.

Вот глаза мне расцелует
Пробежавший ветерок –
Старый друг меня балу́ет,
Задувая огонек.

Тяжелы мои ресницы,
Подпирая облака.
То ли рыба, то ли птица...
Рыба – я,
и птица – я.

* * *

Где-то в глубине – боль,
На устах моих – рай,
Во крови горячей – соль,
А в стихах – щенячий лай.

* * *

Из зрачков льет холодный туман,
Я слижу его молча со щёк...
Но опять попадаю в капкан,
Что когда-то мне сердце рассёк.

Страх и боль превратились в скалу,
На которую ты снизойдешь.
Ты легко победишь высоту –
И легко же с нее упадешь.

Я укрою осенней листвой
У подножия горной цепи
Неразлучных –
меня с тобой,
От которых мы не спасены.

Памяти подруги

Джамиле Исмайловой

Я шагаю от той самой точки,
Где нас о́тняли друг у друга.
Я неловко стираю платочки,
Ты взираешь с небесного луга.

Я ловлю твои взгляды в сиянии
Ярких звезд
над балкончиком ветхим.
На расспросы мои – молчание...
Поразмысли, ответы не к спеху.

Ты мне снишься так редко, так скупо,
Я ж молю каждый вечер о встрече.
Занята?..
Не пускают?..
Подруга-а!!!
Горько вздрогнув,
запрыгают плечи.

И прижавшись губами к подушке,
В тишине тебе тихо скажу:
– Все равно мы ведь вместе, подружка?..
За чертою,
во сне,
наяву.

*** * ***

Вновь кудахчут стрелки секундами
На плешивой кухонной стене.
Не дружу я, признаться, с занудами...
Белый ангел на правом плече.

Я гляжу в твои кроткие очи,
Тихий голос твой тянет ко сну.
Ты не любишь бессонные ночи,
Вечно хмурый, в десятом поту.

Но твои заунывные речи
Я все чаще не слышу, прости –
Устают мои хрупкие плечи
От твоей тяжеленной любви.

* * *

Я в забытьи, сквозь дни и ночи
Кручу педали –
вверх, в туман,
Признав, что мир не так порочен,
Как мой слепой самообман.
Не вижу лиц, лишь проблеск света
В дыму сигар всевышних сил.
Опять останусь без ответа –
Обдумал все, но не простил…
И в том, что вижу всё, виновна,
И в том, что видеть не хочу
Того, что вижу…
Слишком поздно –
Не извинюсь, а промолчу.
Не измениться, не прибавить
Себе материальных нужд,
От жизни тело не избавить –
Чужда я миру, мир мне чужд.
Сквозь дни и ночи, сквозь ошибки
Устало движусь я к Суду.
Но как услышу скрип калитки,
Так развернусь –
и убегу.

* * *

Слова скользят
с усталых губ в беспечность,
Гонимы вечным ветром в пустоту.
И этот мир нам дарит только млечность,
И я не понимаю, что не вру.

Ты будешь жить за линией границы,
Которую очертит нам земля,
Неразличимы за которой лица…
Я побоюсь вернуться навсегда.

* * *

За небом не видно ни врагов, ни друзей –
Так темно…
Я бросаю камни в родных людей –
Ни за что.
Чтоб почувствовали, что я жива,
Что я – здесь!..
Не призрак, не сон, не мираж –
Какая есть.

* * *

Замерла.
Воздух сглотнула,
пальцы разжала...
...Не утонула.
Вслед посмотрела
через оконце,
что-то напела
бледному солнцу.
Встала на край,
шагнула навстречу –
в собственный рай
бесчеловечный.
Птице на крылья
упала уставшей,
ставшая былью,
ставшая старше.
Очнулась, остыла,
стряхнула вечер.
И тихо завыла,
уткнувшись в вечность...

* * *

Не слышишь боль?
Я плачу – тишиной.
Упрямо ищешь свет,
О стены бьешься.
Я не скрываюсь,
Просто ты слепой,
(Хоть зрячий) –
и вот-вот
С пути собьешься.

Глубокий вздох,
Оставшийся в груди,
Нездешний свет –
Тогда,
на наших лицах...
И у тебя сейчас
Все позади,
И у меня –
Поломанные спицы.

Туда,
где предел беспредела,
туда,
где волна за волной,
душа
этой ночью
летела,
про сон позабыв
и покой.

*** * ***

Не летаю, не падаю –
иду.
Не держусь за перила –
совсем не страшно.
В длинной очереди –
в первом ряду.
А куда все идут –
неважно.

Обнимают, толкают,
смеются в лицо,
Превращаются
в тараканов.
А я прячу сердце
в чужом пальто
И жадно пью кровь
из грязных стаканов.

Оборачиваюсь –
никого.
Я дошла.
Но одна…
Но спокойна…
И дотронулась до руки Его –
Оказывается,
не больно.

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ТИТАНЕЦ

(Подборка впечатлений об этом лучшем из миров – автоинтервью в связи с шестидесятилетием)

Светлой памяти моей тети Шякярбану Хакимовой, полвека назад предсказавшей, что я стану писателем

Фрагмент фантастического интервью, взятого у известного азербайджанского писателя-фантаста Александра Хакимова осенью 2012 года:

– Многие ваши друзья шутят, что по своим моральным качествам вы заметно отличаетесь от современных людей, и называют вас человеком из будущего или пришельцем с другой планеты. Как вы к этому относитесь?

– Хорошо. Я вижу, настал момент мне кое в чем сознаться. Я на самом деле – не человек. В смысле, не землянин.

– А кто же?!

– Титанец. Разумное существо с одного из естественных спутников планеты Сатурн. Более полувека назад я случайно попал на вашу планету, и с той поры живу человеческой жизнью. То, что вы все время видите перед собой, – это биоскафандр, то, что вы слышите, – трансляционное устройство. Причем скафандр мой сделан настолько искусно, что многочисленные медкомиссии, которые я вынужден был проходить в своей жизни, так и не распознали во мне неземлянина. Впрочем, они особо и не старались.

– И каков же ваш истинный облик?

– Хотите знать, как я выгляжу? Пожалуйста. На самом деле я, как и все титанцы, похож на своеобразную помесь гусеницы и краба длиной в метр, у меня ноги-присоски и руки-клешни, восемь глаз разной величины и десяток сердец, расположенных цепочкой вдоль тела. Моя кровь – не водный раствор, а раствор метана. Вообще моя биохимия сильно отличается от вашей. Если бы не защитная человекообразная оболочка, на Земле я бы давно уже вскипел, испаряя высокотоксичные соединения серы и фосфора, так что находиться рядом со мной было бы весьма небезопасно... Впрочем, и землянам не выжить без скафандров, когда вы прибудете к нам, на Титан. Ведь обычная температура на его поверхности – минус 140 градусов по Цельсию, небо покрыто едкими оранжевыми облаками из азота, на экваторе Титана плещутся огромные озера жидкого метана. Жидкость находится в постоянной циркуляции – все время испаряется, а потом выпадает в виде осадков. И дождь у нас – это жидкий метан, а снег – замерзший аммиак... По сравнению с жителями Земли, привыкшими к яркому солнцу, мы постоянно живем в полутьме, не видя ни солнца, ни звезд... Неуютный мир, скажете? Но это, может, для вас. А для нас он вполне привычен.

– Да... И чем же вы занимались там, на Титане? Какая у вас была, так сказать, профессия?

– Одни племена титанцев живут на равнинах, другие – возле озер. Первые занимаются коллективной охотой на диких тварей, или пасут стада домашнего скота, или фермерствуют, разводя грибницы… вторые заняты рыболовством – тоже коллективным. В метановых озерах водятся громадные панцирные рыбы. Хотя на Титане

есть и растительные формы жизни, мы предпочитаем все-таки мясо. Белок, знаете ли. Так что я – из рыбаков.

– А вы, извините, самец или самка? То есть мужчина или женщина?

– И то, и другое. Гермафродит.

– И как вам у нас, на Земле? Нравится? Не трудно среди людей?

– Земля – прекраснейшая планета, но я так и не привык к вашей жаре и вашему яркому солнцу. И в общении порой бывает очень трудно. У нас там, на Титане, все отличаются исключительными моральными качествами. Мы все великодушны, отзывчивы, честны, веселы, добропорядочны, вежливы, исполнительны, аккуратны, всегда держим свое слово. Мы очень дружны и спаянны. Иначе нам не выжить было бы в нелегких наших условиях. И, кардинально изменив внешность, я сохранил, тем не менее, душевные качества титанца. Они часто входят в противоречие с менталитетом землян, и тогда я испытываю сильный стресс. Хорошо еще, что у титанцев устойчивая нервная система…

– Титановая?

– Отличный каламбур! Кстати, многие из нас – прекрасные поэты, художники, музыканты. Мы очень любим искусство.

…

– Я так и думала, что это – розыгрыш...

– Скорее, психологический этюд. Или легкий тест на ксенофобию в широком смысле этого слова. Действительно, к вам в редакцию частенько захаживает немолодой, грузный, добродушный Хакимов, галантный к дамам, знающий массу анекдотов, любящий кошек, рок-музыку и кинокомедии... Он вам, безусловно, нравится. А вот что будет, если тот же самый Хакимов вползет к вам огромной жирной двуполой гусеницей с восемью глазами и мощными клешнями, способными перекусить стальной прут? Я не спрашиваю даже, понравится ли он вам – будете ли вы с ним вообще разговаривать? Какова будет ваша реакция? Убежите с визгом, стукнете шваброй, прыснете на него из перцового баллончика? Или все-таки попытаетесь как-нибудь найти общий язык? При том, учтите, эта крабогусеница по-прежнему любит кошек и рок-музыку и знает массу анекдотов... Вот что меня очень волнует, вот над чем я мучительно размышляю во многих своих рассказах и эссе...

– Почему эта тема вас так волнует?

– Видите ли, мы живем в очень интересное время. Человечество вышло в космос, очень скоро оно достигнет других планет Солнечной системы. Существует большая вероятность того, что люди встретят разумных существ на других планетах, либо же разумные существа с других планет заявятся к нам в гости. Это неважно, кто к кому первым заявится. Важно – как пройдет встреча представителей двух разных миров. Особенно, если наши братья по разуму будут существенно отличаться от землян. Да не покажутся вам эти размышления праздными – они остро актуальны для нас, людей, и для нашей, реальной жизни. Мы с вами ежедневно видим массу примеров того, как люди калечат и убивают друг друга – по политическим, расовым или религиозным мотивам. Все они принадлежат к одному и тому же биологическому виду - Человек Разумный, что, впрочем, не мешает и никогда не мешало одним человекам сгонять других человеков в концлагеря, травить газом и сжигать в печах, обращать в рабство население целых континентов и просто-напросто истреблять целые народы... Что же будет, когда в нашей жизни появятся нечеловекообразные братья по разуму? Выросшие и развившиеся не только на Марсе или Титане (то есть под одним с нами Солнцем), а вообще под другими звездами? Представляете, какая вспышка ксенофобии может случиться, несмотря на то, что пришельцы могут быть и дружелюбны, и высокогуманны, и в чем-то полезны для нас?

– У меня создается такое впечатление, будто вы действительно скрытый инопланетянин и постепенно готовите почву для вторжения...

– Если бы я был инопланетянином и подготавливал вторжение, мне было бы глубоко наплевать на то, как к нам отнесутся люди. В том-то и дело, что я человек и готовлю почву для возможного контакта. Контакта, а не вторжения.

– А почему вы назвались титанцем? А не марсианином или венерианцем?

– Меня, как и многих других ученых, сейчас интересует именно Титан. После исследования этой сатурнианской «луны» автоматическими зондами «Кассини» и «Гюйгенс» мы узнали много нового и удивительного. Титан – единственная в нашей Солнечной системе «луна» с атмосферой. Это как бы своеобразная «капсула времени» – изучая Титан, можно составить представление о том, как выглядела Земля до появления на ней жизни. Есть вероятность того, что на Титане обитают какие-то организмы. В то время, как на Марсе или на Венере жизни, скорее всего, нет. В своих статьях я часто упоминаю Титан... вот я и решил назваться титанцем. В фантастике это пока не так избито и банально, как «марсианин» или «венерианец». Будете у нас на Титане – милости прошу к нам на большое экваториальное озеро, на рыбалку...

– Вы опять?!

– Ну просто не могу удержаться. Ведь фантасту очень интересно представлять себя кем-либо иным, особенно внеземным существом. Хотя представить себе это очень и очень непросто.

– В заключение – что вы хотели бы сказать как нашим читателям, так и, может быть, человечеству в целом?

– Пригласить всех желающих на воскресную рыбалку к нам, на одно из громадных озер Титана. Знаете, какая там водится рыба? Шучу, шучу…

(осень 2019) …Шучу, шучу. Не титанец я, а самый обыкновенный человек, рожденный земной матерью от земного отца. И тем я счастлив, хотя и титанцем иногда хотелось бы побыть; ведь главное – РАЗУМ, а то, в каком теле он находится, – дело второстепенное… Но, хотя я и землянин, от этого не легче.

Вот, например, меня часто спрашивают, кем я себя считаю – биологом? писателем? журналистом? рок-музыкантом, автором песен? педагогом? Правильнее всего будет ответить: «Я – человек, которому все в этом мире интересно, который размышляет над всеми проявлениями мира, а плодами своих размышлений делится с другими, и плоды эти имеют вид рассказов, стихов, статей, песен, ролей, бесед, даже рисунков…»

Лучше, по-моему, и не скажешь. Разве нет?

Ну а насчет титанца…

Я биолог, я знаю… и уж если я побывал когда-то амебой в молодом океане;

– если я побывал когда-то гигантской хищной креветкой, хватающей и пожирающей все, что шевелилось на дне доисторического моря;

– если я побывал когда-то рыбиной в крупной чешуе и с плавниками, похожими на звериные лапы;

– если я побывал когда-то мезозойской рептилией с перепончатым парусом на спине;

– если я побывал когда-то полуптицей-полуящерицей, покрытой редкими перьями;

– если я побывал когда-то нахальной древесной обезьянкой;

и еще кем только не (это все плотно спрессовано и хранится где-то в глубинах моей генетической памяти) –

– то, черт подери, отчего мне не побыть жирной клешнястой гусеницей со спутника Сатурна?! Хотя бы в воображении своем?!

Да и как не хотеть представить себя титанцем, если научная фантастика буквально въелась в меня с самого детства? С раннего детства? Давайте-ка расскажу…

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ МОМЕНТ… Я, шестилетний малыш, жил с бабушкой, двумя дядями и тетей (все – со стороны отца) на третьем этаже трехэтажного дома, неподалеку от гостиницы «Мугань»; это в Баку; а родители мои в ту пору пребывали на Украине. Кроме нас, в квартире проживало еще две семьи, и коридор, и туалет были общими… Детский сад, в который я ходил, часто закрывался на карантин. И тогда утром взрослые убегали на работу, оставляя меня на весь день совершенно одного. Чтобы мне не было страшно и скучно, оставляли включенным радиоприемник. Но мне не было ни скучно, ни страшно. Меня выручали журналы и книги. Я очень рано выучился читать и в шестилетнем возрасте, нечувствительно перешагнув через сказки, принялся совать свой любопытный нос-курнос во «взрослую» литературу.

В нашей комнате стояла высокая узкая этажерка. На ней хранились пожитки членов нашей семьи: бабушкины нитки-иголки-ножницы-наперстки; нехитрая тетина косметика; коробочки со всякой скобяной мелочью, хозяйство дядей; толстый семейный фотоальбом в сафьяновом переплете; разные канцелярские принадлежности (карандаши, линейки, ластики, ручки, чернила), принадлежащие в равной степени всем; и еще на этажерке располагалась скудная семейная библиотека – два десятка разных журналов (от «Работницы» и «Здоровья» до «Вокруг света» и «Техники-молодежи») и десяток потрепанных книжек, приобретенных членами нашей семьи в разное время и по разному поводу. И в их числе – книжка, некогда купленная моим отцом. Она была выпущена в 1953 году московско-ленинградским издательством «Детгиз» и называлась «Звездные корабли». Сборник рассказов, автором которых был некий Иван Ефремов. На обложке едва можно было разглядеть рисунок: какой-то человечек стреляет из ружья в нависшего над ним динозавра…

До этого я читал книжки хаотично, либо перескакивая с главы на главу, либо вообще бросая чтение на середине. И первой книжкой, которую я самостоятельно одолел от начала и до конца, были именно ***«Звездные корабли»***. Плохонькая бумага, бледный шрифт, бледные иллюстрации художника Таубера (которые я с упоением раскрашивал цветными карандашами)... Но книга захватила меня целиком и полностью, я упорно читал текст, не понимая, естественно, многих слов но, тем не менее, осознавая смысл… Ах, какие рассказы были в этом сборнике! И «Звездные корабли», и «Тень минувшего», и «Олгой-хорхой», и «Голец Подлунный», и «Озеро Горных Духов», и «Белый Рог», и «Обсерватория «Нур-и-Дешт»… Но перед тем, как приступить к чтению, я всегда подолгу разглядывал форзац книжки. На нем были изображены два динозавра посреди сумрачной болотистой равнины; изогнув длинные шеи, они с изумлением провожали взглядами падающий с неба метеор… Этот рисунок оказывал на меня какое-то волшебное, чуть ли не гипнотическое воздействие! Я словно заглядывал в далекое прошлое нашей планеты через какое-то чудесное окно!

Этот момент в моей жизни я бы назвал ***«определяющим»***. Мое детское нутро ***«срезонировало»*** на фантастику.

Позднее я заинтересовался жизнью, научной и литературной деятельностью Ивана Антоновича Ефремова всерьез. А тогда, в 66-м, я был настолько очарован его ***«рассказами о необыкновенном»*** (именно так автор называл свое раннее творчество), что стащил с вышеупомянутой этажерки чистую тетрадку и карандаш и, обуянный вдохновением, принялся сочинять вещь «под Ефремова» (писать я тоже выучился рано). Я на ходу придумывал какую-то дико фантастическую историю о геологах-палеонтологах, которые пробираются через дремучие заросли, плывут по бурным рекам, увязают в болотах и вдруг находят где-то, в самом сердце джунглей, живых динозавров... И происходило все это у меня почему-то на острове Суматра (уже и не помню, почему, наверное, какой-нибудь статьей из «Вокруг света» было навеяно...). Я еще тогда и понятия не имел, что похожая история уже давным-давно написана и даже экранизирована, и что называется она «Кинг-Конг», и что страшный

остров Горы-Череп, на котором обитают кровожадные дикари, гигантская горилла и дожившие до наших времен динозавры, был помещен автором «Кинг-Конга» как раз где-то юго-западнее Суматры...

Повзрослев, я понял: книги Ивана Антоновича Ефремова всегда предназначались тем, кто внутренне настроен на восприятие ***необыкновенного***. Во мне он нашел как раз такого читателя.

И еще. «Звездные корабли» были выпущены, напомню, издательством «Детгиз», позднее переименованным в «Детскую литературу». Да, в те времена издатели были весьма высокого мнения об умственных способностях детей…

Став взрослым и сделавшись прозаиком, я часто пытался описать свое детство и юность, прошедшие в самом прекрасном из всех городов мира – Баку… Я старался отобразить как можно подробней и ярче особую атмосферу тех лет, специфику бакинской жизни, знакомых мне людей, их дела, их увлечения; пожалуй, самым удачным получился рассказ «Медаль с козлом», законченный в марте 2010 года. Одна моя знакомая, прочитав его, сказала, что мне удалось втиснуть в небольшую по объему новеллу целых три эпохи… Впрочем, судите сами:

МЕДАЛЬ С КОЗЛОМ, рассказ

Когда мне было двенадцать лет, я больше всего на свете любил две вещи: в летний день лежать пузом на широком подоконнике и читать какую-нибудь фантастическую книжку.

Окно моей комнаты выходило в уютный бакинский двор. Прямо под окном рос могучий тутовник с густой кроной, солнечный свет проникал сквозь нее неяркими пятнами, и когда листву пошевеливал ветерок, пятна елозили по подоконнику. Ветви дерева располагались так близко к окну, что можно было просто протянуть руку, сорвать несколько ягод хар-тута и отправить их в рот – на секундочку оторвавшись от чтения. Рай, да и только! И, хотя было это почти сорок лет назад, в прошлом уже веке, я помню все до самых мельчайших подробностей...

Разумеется, для двенадцатилетнего мальчишки летом всегда найдется масса более увлекательных занятий, нежели чтение книг, – это и футбол, и пляж, и катание на самодельных подшипниковых «санках», и прогулки по паркам, и игра в войнушку... Но к пятому классу я всерьез заболел фантастикой и часто отказывался от игр и прогулок в пользу чтения, чем сильно огорчал своих дворовых друзей. Они не понимали – как это можно уткнуться носом в книжку летом, на каникулах, когда никто не заставляет тебя читать – и не пойти попинать мяч? А я не понимал, как это можно оторваться от книжки, в которой описаны приключения человека-невидимки? Или от книжки про экспедицию в «затерянный мир», где сохранились динозавры и первобытные дикари-каннибалы? Или от путешествия двоих землян на Марс – красная пустыня, кактусы, гигантские пауки, угасающая марсианская цивилизация, красавица Аэлита? Или от погружения подлодки «Наутилус» в океанскую бездну, населенную кошмарными спрутами?.. В конце концов друзья, безрезультатно поорав под окном, уходили пинать мяч или играть в ловитки без меня, а я жадно листал потрепанные страницы, упиваясь невероятными историями...

Иногда, когда глаза уставали, я отрывался от книжки и рассеянно смотрел во двор с высоты третьего этажа. Залитый смягченным солнечным светом прямоугольник двора буквально кипел жизнью. Резвились дети – девочки прыгали через веревочку или играли в «классы», расчертив мелом асфальт на квадратики; мальчишки носились, как угорелые. Бабушки – одни сидели на лавочке, обсуждая все и всех вокруг, другие были заняты делом, развешивали, например, белье, или сушили подушки, или чесали шерсть... Дедушки степенно пили чай за самодельными столиками, или играли в нарды, или мастерили что-то по мелочи... Молодежь катила коляски, во-

зилась с велосипедами, а кое-кто и с мотоциклом... Из раскрытых окон доносились чьи-то голоса, звучало радио, треньбренькало пианино – некий несчастный ребенок уныло разучивал гаммы... Чирикали воробьи... Налетающий ветерок шелестел листвой... Я слушал этот многосложный шум летнего бакинского двора, и это было как массаж для нервов.

А по выходным дням в одном из углов двора собирались игроки в лото. На длинных скамьях у длинного стола.

О вы, побывавшие в казино Монте-Карло и Лас-Вегаса! Вам никогда не подняться до вершины страстей бакинских дворовых игроков в лото! Что там карты и рулетка против оцифрованных деревянных бочонков! Что там проигранные или выигранные тысячи и миллионы долларов по сравнению с двадцатикопеечными монетами, закрывающими «очки» на разлинованных карточках! Настоящий мужской спорт (а в дворовое лото играли исключительно мужчины, самого разного возраста, самых разных профессий, самых разных национальностей, самого разного социального положения – их всех братски объединяла одна, но пламенная страсть!) И этот незабываемый специфический звук – постукивание игральных бочонков, вслепую перемешиваемых в мешочке! И голос человека, который наугад вытаскивал бочонки и оглашал их номинал (это называлось **«кричать»**)! И эти специфические возгласы – игровые термины, со стороны напоминающие бред сумасшедшего (**«барабанные палочки!», «Семен Семеныч!», «бабушка!», «лебеди!», «кочерга!», «дедушка!»**), а на самом деле обозначающие ту или иную цифру или число на бочонке... В субботние и воскресные дни заядлые игроки прямо с раннего утра садились за большой стол в углу двора и резались в режиме нон-стоп дотемна, при хилом свете лампочки, позабыв про еду, про отдых, про семьи, про все на свете. Иногда засидевшихся далеко за полночь лотоманов утаскивали домой преисполненные гнева жены... Бывало, что лотоманов разгоняли жильцы, которым игра мешала спать...

Игроки отмечали имеющиеся очки на карточках монетками по десять и двадцать копеек (их называли **«гривенники»** и **«двугривенные»**, а еще десятикопеечная монета носила странное название **«дикон»**, а двадцатикопеечная – **«лабазник»**); этими же монетами расплачивались по завершении партии. Одни проигравшие занимали денежку у тех, кому в игре подфартило. Другие проигравшие вскакивали и убегали домой – клянчить у домашних мелочь для продолжения игры или вытряхивать оную мелочь из копилок. Все это сопровождалось скандалами, но игрок, заполучив тем или иным путем деньги, возвращался к игровому столу, ибо, повторяю, в груди лотоманов бушевал азарт, ни в коей мере не сравнимый с азартом посетителей самых крутых казино мира.

Частенько на эти «турниры» заглядывал участковый милиционер. Игроки теснились, уважительно освобождая ему место на скамье. Участковый присаживался, снимал фуражку, неспешно утирал лысую макушку платком. По долгу службы ему полагалось пресекать азартные игры, тем более на деньги, тем более публичные... Но участковый был старым бакинцем и мудрым человеком. Убедившись, что игра идет по мелочи, и что нет ни шума, ни драки, он сидел немного для внушительности, а потом удалялся, непременно сказав на прощанье: «Смотрите, чтобы все в порядке было!» Игроки шумно заверяли представителя власти, что все будет в полнейшем порядке, без шуму, так сказать, и без пыли, но – чего греха таить – с облегчением вздыхали, когда участковый уходил. И игра продолжалась дальше. И звуки, сопровождающие игру в лото, были неотъемлемой частью шумового фона большинства из бакинских дворов...

Отдельно от лотошников располагался **«козлодром»** – длинный дощатый стол для сражающихся в домино или, говоря на сленге, «забивающих «козла». В нынешнее время, густо и прочно пропитанное блатной «феней», любому малышу известно, что означает слово «козел» и что бывает за несанкционированное его

применение (неосторожно сказавши, за «козла» можно и ответить – базар надобно фильтровать, чуваки!). Во времена моего детства блатарей в бакинских дворах тоже хватало, но «козлом» чаще всего называли проигравшего партию в домино... Игра сопровождалась своим, не менее специфическим звуковым сопровождением – шуршанием перемешиваемых костяшек домино (их называли **«камнями»**), мощными ударами вышеупомянутых камней по столу, азартными возгласами, своей особой терминологией (так, например, камень «дубль-шесть» именовался, простите, **«ишаком»**, а «шесть-пять» – **«заместителем»**, ну и так далее). Время от времени от «козлодрома» доносились дикие вопли **«на базар!»**, **«дуплюсь!»**, **«рыба!»** и прочие в таком же духе.

Мой отец был заядлым лотоманом, однако – невероятно, но факт! – под нажимом мамы оставил Большое Лото, да и Малое, если можно так выразиться, тоже. Уж очень допоздна засиживался он за столом, не высыпался и в таком состоянии шел на работу, чаще проигрывал, чем выигрывал (по мелочи-то оно по мелочи, но иногда набегала приличная сумма), одалживал деньги у друзей, а то и потрошил с помощью кухонного ножа домашнюю копилку (красивая у нас была копилка, пластмассовая, в виде домика с окошками и трубой!)... В конце концов, после нескольких крупных разговоров, отец переключился на «козла». Совсем уж не играть он никак не мог: все ж-таки он был бакинцем, а практически у каждого бакинца страсть к играм – в крови. Кроме того, он был человеком общительным и очень нуждался в дружеской мужской компании (помню его, как сейчас – вот он сидит за столом, зажавши в углу рта сигарету и, щурясь от дыма, переводя взгляд с вытянувшейся по столу доминошной **«змейки»** на зажатые в пальцах камни и обратно, потом, выбрав нужный камень, с размаху обрушивает его на стол, отчего «змейка» нервно подпрыгивает, а удар этот, несомненно, фиксируется всеми сейсмостанциями Северного Кавказа и Закавказья... И щурится на остальных игроков – как сыграют они? В такие минуты отец выглядел не сорокалетним мужчиной, прошедшим огни и воды, и Крым, как говорится, и Надым, а совсем юным озорным пареньком...).

Как-то вечером, когда я читал «Трудно быть Богом», отец подозвал меня к себе. Мне страшно не хотелось отрываться от Стругацких, но Кавказ есть Кавказ – **слово отца** тут **закон**. Я с сожалением отложил книжку и босиком пошлепал к родителю. Отец протянул мне какой-то предмет.

– Глянь, – мрачно сказал он.

Я глянул. Это была самодельная медаль из бронзы, величиной чуть меньше чайного блюдца. На медали красовался выпуклый профиль козлиной головы – карикатурное такое изображение. В обрамлении лавровых веточек полукругом шла надпись: «**ЗНАТНОМУ КОЗЛУ**». Я взял медаль, покачал ее на ладони. Ого, тяжеленькая! И вон даже ушко есть для продевания сквозь него ленточки или веревочки...

– Переверни, – мрачно сказал отец.

На обратной стороне вытиснено было четверостишие:

«Носи ее на шее смело,
Не вешай голову свою,
И не печалься – что за дело?
Ты в честном выиграл бою!»

Я хихикнул и спросил:

– Это кто же такое сделал?

– Это? Это... – и отец назвал имя одного из наших дальних соседей, веселого мужика, мастера на все руки.

– А почему медаль у тебя? – неосторожно спросил я.

– Потому что сегодня «козлом» остался я! – гаркнул отец, испепелил меня взглядом и удалился, хлопнув дверью. Отыгрываться пошел, что ли? Впрочем, медаль

он оставил дома.

Я уже и не помню, как так получилось, что эта замечательная медаль насовсем осталась в нашем доме. Я хранил ее в коробке со всякими **диковинками** – тропическими морскими раковинами, сувенирами, курительными трубками, всякими фигурками... Став взрослым, часто показывал медаль знакомым и гостям. Каждая такая демонстрация сопровождалась взрывом веселья и бурей восторга. Со временем я привык к этой забавной медали и думал, что она будет лежать у меня в коробке вечно... Вот только не учел я тогда, что ничего вечного в этой жизни практически не бывает.

...Прошло два десятка лет, и открылся ящик Пандоры, и несчастья и испытания посыпались на головы людей. Наша семья не стала исключением.

Развалилась огромная страна, в которой мы все родились и выросли. Но появилась наша, независимая страна. У нее не все заладилось с самого начала. Политическая неразбериха, война, рухнувшая экономика. **Хаос.**

Тяжело, неизлечимо заболела мама. Сильно сдал отец. Я крепился как мог, хотя на работе не платили жалованья по многу месяцев. Банк, в который мы вложили наши небольшие средства, оказался жульнической «пирамидой». Позарез нужны были деньги. Не **шиковать** – элементарно **выжить**. И мы с отцом принялись распродавать вещи из дому. Чтобы хоть как-то прокормиться. Надо было кормить маму. О лечении и речи не шло – просто кормить...

Тогда-то я и понял весь ужас людей, в революцию или в блокаду распродававших свои вещи ради куска хлеба.

Я распродал свою библиотеку фантастики, которую терпеливо собирал более пятнадцати лет – странно, но в эту дикую годину еще покупали книги, и слава Богу... Я продал свою небольшую коллекцию марок. Я продал японский двухкассетный магнитофон – подарок мамы к окончанию мною университета. Из моей коробки-кунсткамеры ушли в чужие руки и шариковая ручка в виде кинжала (тюремная работа), и большая курительная трубка с чашечкой в виде головы негра (тюремная работа), и зажигалка-пистолет (тоже тюремная работа; вообще у меня было немало таких вещиц, сработанных зэками, надарили в свое время)...

Пришла очередь медали. К этому времени и мама, и отец ушли в мир иной, и я остался один.

В тот день – а было это поздней осенью – моросил нескончаемый дождь. Было зябко, я дрожал мелкой дрожью и никак не мог согреться. Договорившись по-хорошему с местным полицейским, я устроился на автобусной остановке, под дырявым навесом, и разложил на скамеечке свой жалкий товар – двухтомник Стругацких, сборник Лема (от сердца отрывал, с кровянкой, клянусь вам!) и самодельную бронзовую медаль с профилем козла...

Тут из ближайшего кабака вывалилась группа молодых мужиков весьма специфической наружности. В спортивных костюмах, кожаных куртках, накачанные, коротко стриженные и очень в себе уверенные. Это были натуральные **братки**, причем не наши, азербайджанские, а приехавшие из России по каким-то своим лихим делам. Проходя мимо остановки, они случайно глянули на мои «товары».

На книги, естественно, они не обратили никакого внимания, а вот медаль сразу их заинтересовала. Они взяли ее со скамейки и принялись разглядывать, возбужденно переговариваясь и не обращая на меня ровно никакого внимания. Словно меня и не было тут вовсе.

Я поджался. Но братки явно не замышляли зла – они по-детски смеялись, разглядывая медаль и повторяя «козел, не, ну, слышь, козел!» и тому подобное. Потом один из них, со шрамом в углу рта, спросил:

– За сколько отдаешь, брателло?

Я сказал, за сколько. Сумма была вполне приемлемой. Впрочем, браток со шрамом торговаться не стал. Он извлек из бумажника смятую купюру и небрежно сунул мне в нагрудный карман. Я видел, что это за купюра. На нее можно было купить хлеба, пачку чая, пакет макарон, немного картошки и прожить несколько дней – при условии максимальной экономии. Слава Богу.

Братки удалялись, вырывая друг у друга медаль и гогоча. Потом они погрузились в **«мерс»** и укатили. Я молча смотрел им вслед. На секунду мне показалось, будто я только что предал свое детство, предал своего отца. Но потом это чувство прошло.

С тех пор минуло еще два десятка лет. Мне удалось выжить.

Понемногу я возвращаю себе библиотеку – хожу по книжным развалам и покупаю те же самые книги, которые когда-то продавал. У меня появилась коробка с новыми сувенирами – авторучки с самыми разными логотипами, монеты несуществующих уже стран, всякие игрушки-безделушки из-за рубежа, брелоки, необычные зажигалки, курительная трубка с чашечкой в виде головы лукавого Мефистофеля... Я думаю, со временем я смогу восстановить практически все, что утерял.

Кроме одной вещи. Самодельной бронзовой медали с профилем козла и незатейливым стишком. Это была штучная работа. И где она сейчас, у кого – ведомо одному лишь Богу...

Как вы уже, наверное, поняли, к книгам я испытываю священный трепет и отношусь к ним почти как к людям. Тем больнее мне видеть, как варварски порой обходятся с книгами… В ноябре 2010-го я написал своих «Бумажных сирот». Информационным поводом стала новость из Санкт-Петербурга, увиденная мною по телевизору. На мусорной свалке обнаружили множество книг из личной библиотеки известного петербургского поэта и прозаика Вадима Шефнера, ныне покойного. Вадим Сергеевич, потомок древнего аристократического рода, работал в самых разных жанрах, в том числе и в жанре фантастики (повести «Скромный гений», «Запоздалый стрелок», «Девушка у обрыва», «Круглая тайна» и другие). А стихи его были просто бесподобны. Как выяснилось, книги были выброшены рабочими, проводившими ремонт на бывшей квартире Шефнера. На помойке оказались редчайшие издания, а также книги известных советских и российских писателей и поэтов, многие – с дарственными надписями...

БУМАЖНЫЕ СИРОТЫ

«...В 52 году по Вооруженным Силам вышел приказ списать и уничтожить всю печатную продукцию идеологически вредного содержания. А в книгохранилище наших курсов свалена была трофейная библиотека, принадлежавшая, видимо, какому-то придворному маньчжоугоского императора Пу И. И, конечно же, ни у кого не было ни желания, ни возможности разобраться, где среди тысяч томов на японском, китайском, корейском, английском и немецком языках, где в этой уже приплесневевшей груде агнцы, а где козлища, и приказано было списать все целиком.

*...Был разгар лета, и жара стояла, и корчились переплеты в жарких черно-кровавых кучах, и чумазые, как черти в аду, курсанты суетились, и летали над всем расположением невесомые клочья пепла, а по ночам, невзирая на строжайший запрет, мы, офицеры-преподаватели, пробирались к заготовленным на завтра штабелям, хищно бросались, хватали, что попадало под руку, и уносили домой. Мне досталась превосходная «История Японии» на английском языке, «История сыска в эпоху Мэйдзи»...» (**А.и Б. Стругацкие, «Хромая судьба»**).*

Нет, мне не приходилось, как молодому лейтенанту-переводчику Аркадию Стругацкому, спасать книги таким образом – тайком выхватывая из штабелей, приговоренных к сожжению. Все выглядело гораздо прозаичнее. Мои штабеля валялись, как правило, на мусорных свалках. Попадали они туда по самым разным причинам. Вот тут одна из библиотек решила избавиться от «лишнего хлама». Вон там новый хозяин, въехав в купленную квартиру, решил выбросить книжки, принадлежавшие старому хозяину. А это вот – молодое поколение вышвырнуло из собственного дома груду томов, которые так дороги были их дедушкам и бабушкам. Вон, вон из дома – хлам, именуемый книгами!

Они напоминали беспризорных детей или раненых животных – с ободранными и оторванными обложками, с мятыми и разорванными страницами, неаппетитно заляпанные грязью и мусором, оскверненные бродячими собаками и кошками. Книги страдали молча, не взывая о помощи. И не только потому, что не умели говорить. Обладай книги даром речи, они бы все равно молчали. Ибо книги мудры и отлично понимают, что умолять о спасении бесполезно. Их время прошло. Они больше никому не нужны. И их будущее – Большая Городская Свалка и тлен. Или, в лучшем случае, раздерут на листы и свернут из них кулечки для семечек.

И тут появлялся я. Увы, я спасал не все подряд книги. У меня свои вкусы, свои пристрастия. Я подбирал томики научной фантастики, научно-популярные издания, познавательную литературу для детей, книжки с детства любимых мною авторов. И мысленно извинялся перед теми книгами, которым предстояло и дальше гнить на помойке. Особенно неприятно было видеть выброшенные толстые тома классиков научного коммунизма. Идеи, воспламенившие некогда миллионы и миллионы людей, проникшие в миллиарды голов, разделившие мир на два противоборствующих лагеря и влиявшие на историю человечества, лежали вперемешку с картофельными очистками и рваной обувью... Я пихал все подобранное в спортивную сумку и нес домой. Дома я приступал к многочасовой, кропотливой работе. Очищал обложки, скреплял полосками прозрачной бумаги разорванные страницы, подклеивал, сшивал и обрезал. Протирал спиртом. Эта работа для очень и очень терпеливых. Странно, но починка изуродованных книг ассоциировалась у меня с моей работой в военном госпитале (в далекой молодости я трудился санитаром). Точно так же там чинили, сшивали, скрепляли, чистили человеческие тела, пострадавшие при тех или иных обстоятельствах. Или это грешно – сравнивать книги с людьми? Но, так или иначе, после всех затраченных трудов подобранные на мусорке бумажные сироты приобретали довольно приличный вид.

Для чего я это делал? Уж не с коммерческой целью, можете поверить. Ибо безвозвратно ушла в прошлое эпоха, когда отдельно взятые дефицитные книги продавали из-под полы по тройному или даже пятикратному номиналу. Минули и те времена, когда покупатели приглядывались к книгам, разложенным на развале, или на каменном барьере, или просто на газоне, и, случалось, покупали что-нибудь. Когда-то за книгами охотились в буквальном смысле этого слова, из-за них дрались, ради них выстаивали длиннющие очереди, их, в конце концов, бесстыдно воровали из библиотек и частных коллекций. Все это стало историей, такой же отвлеченной, как история Древнего Египта или Империи инков. Нынешние дети не поверят, что подобные страсти могли разгораться из-за книг. Молодые просто не поймут этого. И в результате место книг – на свалках. В обнимку, так сказать, с бытовым мусором. Больно видеть.

Молодые опять же могут спросить с недоумением – а чего это я вожусь с загаженными книжками, когда стоит только войти в любой современный книжный магазин, и – опа! Вот они, роскошно изданные тома в глянце и акриле, все, что душе угодно, классики известные и классики неизвестные, авторы всегда разрешенные и авторы некогда запрещенные, литература для детей, для взрослых и просто для

блондинок, все, буквально все! И зачем, спрашивается, при таком богатом выборе копаться в антисанитарии и разводить дома лазарет и реставрационную мастерскую в одном флаконе?

Эхе-хе, – отвечу я с грустью, – но ведь те, прежние книги несут на себе печать **времени**! Это печать моего детства, юности моей, это утраченные цвета и запахи моих давних надежд и чаяний! Вот старенькая фантастическая книжка о полете космонавтов на Венеру; я читал ее тайком, держа под партой, вместо того, чтобы читать учебник по алгебре, был пойман училкой на месте преступления и с позором выдворен из класса! Вот старенький Конан-Дойль – в шестом, помнится, классе точно такой же томик я засунул за пояс, когда выходил драться с каким-то кентом на задний двор школы; я не хотел расставаться с Конан-Дойлем даже в бою, и та книжка окрасилась кровью, хлынувшей из моего расквашенного носа... А вот точно такого же Брэдбери я с трудом добыл (вы не представляете, чего это стоило тогда – добыть Брэдбери!) и подарил на день рождения пятнадцатилетней однокласснице, в благодарность за что был поцелован ею в щеку и потом не мыл эту щеку целый месяц... А вот точно такая же книжка поддержала меня в трудную минуту, я выпрямился и обрел второе дыхание... А вот эти научно-популярные книжки – о рыбах, о насекомых, о динозаврах – сделали так, что я в дальнейшем выбрал профессию биолога... Понимаете? Теперь понимаете? Нет? Это не просто книжки. Это слепок эпохи. Это консервированное время. Это как палеозойский муравей, замурованный в кусочке янтаря...

В культовом романе уже упомянутого Рэя Брэдбери **«Фаренгейт 451»** описывается будущее Америки. Тоталитарный режим, при котором художественная литература признана вредной и сжигается из огнеметов. Каждый, кто хранит дома уцелевший томик стихов или старинный роман, объявляется преступником и подлежит аресту и суду. В кошмарном будущем «Фаренгейта» книги не нужны. Их заменили бесконечные сериалы, «мыльные оперы», пошлые юмористические шоу. Книги сжигаются специальными командами пожарных (о, ирония судьбы!). 451 градус по Фаренгейту – это температура воспламенения бумаги.

И вот настало то самое будущее, которого так ждали и в то же самое время так боялись все фантасты мира. Когда я, надевши резиновые перчатки, роюсь в грудах выброшенных на мусорку книг, мне часто приходит в голову: а ведь брэдбериевские злодеи, сжигавшие книги, проявляли тем самым **уважение** к ним, как к опасному, достойному противнику! А в нашей реальности книги такого уважения, увы, не удостоились. Их просто вышвыривают на свалку – бездумно, пренебрежительно. К крысам. Зачем они нужны, эти книги? Телеэкраны полны разборками звезд шоу-бизнеса, бесконечной серой лентой текут сериалы и «мыльные оперы», и бодро кричит реклама, и идут нескончаемые придурковатые «юмористические» передачи, и нас постоянно учат, как надо готовить то или иное блюдо или лечить геморрой народными средствами... Как хотите, а это показатель. Культура заметно изменилась (я не говорю «упала» или что-то в этом роде, просто – **изменилась**). Книг больше не читают. Они перестали быть необходимостью. Есть Интернет, есть плееры и мобильники с закачанными мелодиями, есть 4D-кинотеатры...

Но я в очередной раз вешаю на плечо сумку, запихиваю в карман резиновые перчатки и иду спасать выброшенные книги. А однажды мне даже пришлось выхватывать хорошие старые книжки из огня – детвора, забавляясь, швыряла их в костер... Мне удивляются, надо мной подшучивают... но я ведь не один такой! Я знаю нескольких человек, которые также заняты спасением отверженных книг. Все они примерно одного со мной возраста или чуть постарше. Возможно, мы и чудаки. Возможно, мы просто чокнутые. Ведь на свалках встречаются на только выброшенные книги, там нередко ютятся и беспризорные дети, так не лучше ли помочь беспризорникам? Но я помогаю, чем могу, и детям – подкармливаю, даю одежду, обувку... И не могу понять, чего тут больше – то ли врожденной доброты, то ли за-

щитной реакции психики на окружающую действительность... Однако уверен в одном твердо: тот, кто не пройдет мимо выброшенной книги, не пройдет и мимо брошенного ребенка. Одно, знаете ли, тесно связано с другим.

…Мне могут возразить: зачем так возиться с бумажными книгами, когда существуют книги электронные? Но все дело в том, что я упрямо не признаю электронных книг и все время ратую за бумажные. Почему – это отдельный разговор.

Никак не могу понять: любовь к книгам – она врожденная или приобретается?

Да так ли это важно? Наверное, гораздо важнее, чтобы ребенок с детства был окружен хорошими книгами; коли любовь к чтению в нем запрограммирована генетически, то она проявится обязательно. Были бы книги. Разные, чтобы имелся выбор.

Детство… Мне в детстве, как вы уже поняли, повезло с книгами. Во многом повезло и с людьми, которые меня окружали. Да, вы можете спросить: а кто она, эта тетя, которой я посвятил данный опус? Сейчас я вам расскажу…

МИЛАЯ, МИЛАЯ ТЕТЯ…

Тетя по отцу, женщина с экзотическим, но так понятным любому татарину и вообще тюрку именем Шякярбану (правда, ее чаще называли упрощенно – Шани и, почему-то, Лида). Несмотря на «сладкое» имя (**Шякяр** – сахар), жизнь моей тети была горше некуда. Редко мне приходилось встречать в своей жизни женщин, на которых обрушивалось бы столько несчастий и неудач, как на мою бедную тетю… Она пережила трудные военные и послевоенные годы (Великая Отечественная не коснулась Баку прямо, но все же сильно затронула); при Сталине мотала срок; единственная попытка создать семью длилась недолго и закончилась крахом – ей попался редкостный **муфлон**…

За что срок? Окончив среднюю школу в голодные послевоенные годы, она устроилась швеей на фабрику имени Володарского и попыталась стащить оттуда две катушки ниток – чтобы продать и купить чего-нибудь съестного. На проходной ее задержали, обыскали, изъяли «вынос», завели дело, передали его в суд, впаяли пять лет и отправили в один из мордовских лагерей – тогда с этим было строго. Весь срок ей отбывать не пришлось, выпустили по амнистии через три года. От нее услышал я массу лагерных баек, поговорок и песенок, разумеется, таких, которые не содержали мата и годились для подростковых ушей.

Несмотря на все это, тетя Шякярбану держалась стойко и отличалась оптимизмом. Боролась с жизнью, пока ее саму не поборол рак.

Нет, правда – когда у нее спрашивали «Неджясян?» (в переводе с азербайджанского «Ну, как ты?», тетя неизменно отвечала «**Мых кими**!» (в переводе на русский – «Как гвоздь!»). Могла ответить и по-русски: «**Шик, блеск, красота**!». Бодрилась, как бы ни было паршиво у нее на душе.

Не скрою, время от времени тетя срывалась, становилась раздражительной и неприветливой, огрызалась на замечания, бывало, замыкалась в себе… но вскоре оптимизм брал верх, и она становилась прежней. Сейчас, многие годы спустя, я просто поражаюсь, насколько редкими были эти срывы; я знавал женщин, которые пережили куда меньше бедствий, но, тем не менее, постоянно вели себя, как цепные собаки…

Тетя Шякярбану была самой «**продвинутой**» в нашей семье, очень много читала, была записана в несколько бакинских библиотек, постоянно приносила с работы всякие интересные журналы, например, «Смену» и «Иностранную литературу»…

Она всячески поддерживала во мне любовь к чтению, в отличие от отца, который не особо любил читать сам и не одобрял мою тягу к книжкам. Правда, тетя Шякярбану не жаловала фантастику, предпочитая классику, исторические романы, книги об искусстве, о животных (помню, как она читала вслух мне, малышу, **«Нгоньяму Желтогривого»** – чудесную повесть о жизни дикого льва в африканской саванне); но на меня тетя не давила никоим образом – фантастика так фантастика. Когда я в подростковом возрасте серьезно **заболел** Рэем Брэдбери, тетя искала и находила для меня его публикации в разных газетах и журналах. Не имея своих детей, она всю свою нерастраченную нежность и любовь обратила на меня (по воле судеб отца и мать в детстве я видел время от времени, а вот с тетей жил постоянно). Кстати, тетя Шякярбяну часто **«ванговала»** с улыбкой, что я стану-де известным писателем. Почему-то (сейчас я уже не помню, почему) она просила, чтобы я взял себе в будущем псевдоним **«Волчий Хвост»** (прямо индейское имя какое-то)…

Рак догрыз тетю жарким летом 1979-го. Обиднее всего, что я тогда служил в армии, и на похороны меня не отпустили: тети-дяди не относятся, мол, к той категории родственников, по смерти которых солдату дают отпуск… Так и погребли ее без меня.

…Есть люди, от которых при жизни нет никакой пользы. Тетя Шякярбану оказалась из тех, кто приносит пользу даже после смерти. Оказалось, что она застраховала жизнь на мое имя, и после ее кончины я получил энную сумму. Оказалось, что при жизни она встала в очередь на телефон, и после ее кончины нам установили дома аппарат. И еще после нее осталась старая пишущая машинка «Москва» (тетя трудилась секретарь-машинисткой, подрабатывала печатанием статей, диссертаций, документов и прочее и часто брала работу на дом); на этой машинке я самостоятельно научился печатать…

Я ее часто вспоминаю. И часто молю Всевышнего, в которого верю: эта женщина порядком натерпелась при жизни: награди же ее раем после смерти! Это было бы в высшей степени **справедливо**.

Ну а я – много работаю для того, чтобы стать известным писателем. Чтобы сбылось то шутливое (а может, и не шутливое) пророчество из далекого моего детства…

…Не один я сызмальства тянулся к сочинительству и усердно марал бумагу, стремясь к совершенству в письме; у меня есть точно такие же друзья; об одном из друзей и о нашем с ним творческом союзе я написал в декабре 2017-го:

В ДРУГОЙ ЖИЗНИ, НО В ЭТОЙ…

…Тридцать с небольшим лет назад, когда писательский зуд сделался совершенно невыносимым и требовал немедленной реализации, у меня появился первый в жизни соавтор, **Фарид Алекперли** – вам, безусловно, известно это имя.

Крупный ученый, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, исследователь, переводчик, автор многих научных монографий и научно-популярных книг и статей… А в первой половине 80-х он, как и я, был студентом биофака Азгосуниверситета, мы не просто учились в одной группе, но и просидели все пять лет за одной партой, вместе ездили в экспедиции, взахлеб читали фантастику, интересовались всем на свете и помаленьку пробовали писать… Это было этакое литературное **баловство**, которое, тем не менее, очень помогло нам обоим наработать стиль и воспитало у нас **«чувство слова»**…

Осень 1986 года выдалась памятной для советских людей. Это был не просто разгар перестройки, внушившей многим (особенно интеллектуалам) мысль, что вот именно сейчас-то мы сможем достичь чего-либо значительного своим собственным умом... Осенью 86-го мы с Фаридом только-только получили дипломы и были распределены: он – в Рукописный фонд нашей Академии наук, я – в Институт ботаники при той же академии. В общем, это было время крупных перемен и еще более крупных надежд.

И у Фарида, и у меня в головах крутилось множество смелых творческих проектов. Один такой проект и сделал нас соавторами. Мы всерьез засели за фантастико-приключенческий роман под условным названием **«Своими глазами»**. Сюжет его был незатейлив, но весьма, весьма занимателен. Судите сами: домой к главному герою, известному азербайджанскому историку и археологу, вдруг является незнакомец, молодой человек, и начинает говорить странные вещи. Ни много ни мало, гость уверяет, что построил машину времени и предлагает профессору отправиться вместе с ним в прошлое, в древний Азербайджан, во времена царя Атропата… Разумеется, профессор принимает гостя за сумасшедшего и намеревается выставить его из дома. Но молодой человек демонстрирует профессору уникальные старинные рукописи, а затем – странный аппарат с телеобъективом и клешней-манипулятором. По словам гостя, именно с помощью данного аппарата (зонда), запущенного в IV век до нашей эры, он и добыл эти рукописи – в одной из древних библиотек… Постепенно молодой человек убеждает ученого в своей правоте. Дальше – больше. Уже вдвоем они монтируют компактную машину времени в кузове автомобиля марки «Москвич» (помните, были такие легковушки, называемые в народе **«Москвич»-«будка»**?) и с ее помощью переносятся на две тысячи лет назад, в древнюю Габалу! Нашим героям предстояло испытать множество приключений, как опасных, так и забавных, и вернуться в наше время с грузом разнообразных впечатлений и с богатым научным материалом… Учтите, в то время мы и не подозревали о существовании фантастического фильма Роберта Земекиса «Назад, в будущее», вышедшего двумя годами ранее!

Будь роман дописан и опубликован, он стал бы первым фантастическим романом, герои которого отправляются в прошлое Азербайджана! Но роман закончен не был. Жаль…

Писать вместе было нелегко, поскольку каждый из нас хотел наравне с другим участвовать в создании общего **«ребенка»**. Хотя Фарид, блестяще знавший историю, больше отвечал за историческую часть, а я – за литературную, желание участвовать **«на равных»** было присуще обоим соавторам…

В конце концов, порешили так: каждый из нас напишет собственную версию романа, а потом мы намеревались создать своеобразный **«сплав»** из двух текстов. Так работали, например, братья Стругацкие. Это напоминает смешивание двух сортов хорошего чая – в результате получается великолепный **букет**, ведь каждый из сортов отдает чаю лучшие качества, какие у него есть.

Закончить столь увлекательный роман нам помешала жизнь. Вернее, жизненные обстоятельства. Со временем мы оба охладели к нашей затее, встречались все реже и реже. В конце концов, роман был законсервирован. Фарид с упоением включился в работу в Рукописном фонде, меня в моем институте нагрузили «черной» работой, потом я женился… В общем, «о быт» разбиваются не только семейные лодки, но и творческие. Но до этого были месяцы, густо насыщенные креативом, неугомонным желанием работать, стремлением как-то проявить себя, создать что-то эдакое, интересное, необычное… До сих пор стоят перед глазами картины нашей совместной работы. Или дома у Фарида, в Ичери-шехер (мы азартно спорим у раскрытого окна, а с моря дует свежий бриз, вздымая занавески, в стаканах-армудах стынет крепкий чай, на столе между толстенными справочниками притулилась оранжевая пишущая машинка марки «Оптима» с заправленным в нее листом бумаги), либо у меня дома,

неподалеку от больницы Семашко (мы азартно спорим у раскрытого окна, в которое лезут ветви здоровенного тутовника, на плитке подпрыгивает, исходя паром, чайник, везде разбросаны исчерканные блокноты, эскизы и наброски старинного оружия и людей в старинных одеяниях, на столе стоит кремового цвета машинка «Любава» с заправленным в нее листом бумаги, и в комнате пахнет болгарским трубочным табаком, поскольку мы с Фаридом в то время увлекались курением трубок)… Что ни говори, это была хорошая школа. Кстати, Фарид дальше продолжил работать «сольно». Писал биологические сказки для детей, научно-популярные книги для взрослых. Сейчас он очень известный ученый и уважаемый человек.

(Недавно я напомнил Фариду о тех днях и даже показал ему черновики и рисунки нашего совместного романа, хранящиеся в моем домашнем архиве. Он долго молчал, затем произнес:

– Все это как будто в другой жизни было…

Я слабо усмехнулся и ответил:

– В другой, но в этой…)

…А ведь я занимаюсь также и журналистикой. Путь мой в этом направлении был труден и тернист; об одном из его этапов я сейчас вам расскажу:

ЗАПАДНЯ ДЛЯ НОСОРОГА

…В азербайджанскую журналистику я пришел в 1990 году с твердым намерением писать о Природе и обо всем, что с нею связано, стать популяризатором науки; я полагал, что имею на это полное право, обладая дипломом биолога и даром легкого, складного письма. Будучи всецело предан науке о Жизни (в широком смысле – о Природе), я поставил себе целью знакомить массового читателя с чудесами окружающего мира и доходчиво объяснять сложные для восприятия вещи. Однако в начале 90-х я столкнулся с серьезными трудностями: мало того, что я был не сын чей-нибудь, и даже не племянник, а сам по себе мальчик, свой собственный, и в карманах у меня гулял ветер, так еще и тема Природы не шибко котировалась тогда у редакторов газет. Но я, когда доходит до любимого дела, становлюсь непоколебим. Вот и тогда я методически настукивал свои статьи и заметки на пишущей машинке «Украина», укладывал листки в картонную канцелярскую папку и принимался обивать пороги редакций.

Точно так, с папкой под мышкой, я заявился в редакцию бакинской русскоязычной газеты «Эконом-Экспресс» в конце июля 1995 года. Редакция располагалась в полуподвальном помещении старого каменного дома, а дом стоял в одном из чудесных переулочков в окрестностях улицы Лермонтова, переулочков, круто забирающих вверх, переулочков, по которым так здорово было скатываться на самодельных подшипниковых «санках»… Гигантские деревья с густой листвой давали такую тень, что в переулочках этих даже в самые жаркие дни стояла прохлада…

Не помню, кто именно содержал газету «Эконом-Экспресс», какая партия, организация или отдельно взятый нувориш; по простоте душевной я тогда абсолютно не интересовался такими вещами. Меня прежде всего волновал вопрос: будут ли печатать? За ним другой: сколько будут за это платить?

Что? Как я их нашел? Да очень просто! Купил в киоске номер «Эконом-Экспресса», узнал из выходных данных адрес редакции и пошел туда предлагать свои услуги. Говорю же, в те времена я поступал именно так. Впрочем, и в последующие годы – в основном так же.

Приняли меня в редакции довольно приветливо, взяли материалы, просмотрели, пообещали публиковать с незначительными правками и заплатить пообещали, но не за каждую статью сдельно, а за все чохом – в следующем месяце…

Что ж, неплохо, подумал я. Я помаленьку нарабатывал себе **имя**, но это – процесс длительный, а деньги нужны всегда. Прошло почти полгода, как я похоронил маму (доконала-таки ее опухоль мозга…), сдавившие меня в начале 90-х беспощадные тиски судьбы чуток ослабили хватку; проблем, тем не менее, оставалась куча…

…но я продолжал писать. Не останавливаясь. И продолжал ходить по редакциям.

Так вот, с «Эконом-Экспрессом» я сотрудничал весь август 1995-го; газета выходила раз в неделю, кажется, по пятницам; стало быть, в ней опубликовали четыре мои статьи. Самой удачной из них я до сих пор считаю **«Западню для носорога»**.

Идея статьи возникла в Музее естественной истории имени Зардаби. Там в одном из залов и стоял он, мощный костяк доисторического носорога, найденного у поселка Бинагады, что севернее Баку, и посему названного **«бинагадинским»**. Впрочем, не один он там был найден – битумное озеро сохранило целую плейстоценовую флору и фауну, также названную «бинагадинской». Из пластов тягучего асфальта и суглинков, пропитанных нефтью, ученые-палеонтологи извлекли остатки древесины, побегов и плодов граната, тамарикса, можжевельника, тростника – всего двадцать два вида растений. Там же обнаружили огромное скопление ископаемых костей животных, ныне считающихся вымершими. Около сотни видов птиц, сорок видов зверей – пещерного льва, первобытного быка, дикой лошади, оленя, медведя, гиены, лисицы, антилопы-сайгака, волка, гепарда, дикобраза… Два вида пресмыкающихся и более ста двадцати видов членистоногих...

Это кладбище доисторических растений и животных свидетельствовало о том, что в эпоху плейстоцена, то есть семьдесят-восемьдесят тысяч лет назад, Абшеронский полуостров являлся подобием африканской саванны.

Я приходил в музей несколько дней кряду и подолгу топтался у носорожьего скелета, укрепленного на специальных металлических подставках. Страсть как хотелось написать о плейстоценовой эпохе вообще и о доисторическом носороге в частности. Годом раньше, в газете «Гюнай», я опубликовал статью о том, что 12 миллионов лет назад Азербайджан был дном обширного **Сарматского моря**, в котором водились разнообразные морские твари, в том числе китообразные… Но разве саванна, по которой 70 тысяч лет назад бродили дикие лошади, гепарды, гиены, носороги, первобытные люди, – менее интересна?! К тому же, был уверен я, массовый читатель в большинстве своем имеет слабое представление о Бинагадинском битумном озере и еще более слабое – о плейстоцене; имелись, конечно, скучные специальные труды на эту тему, так кто ж из обычных людей их читал….

Нет, я непременно должен был написать про это! И я ходил и ходил вокруг скелета; наверное, со стороны я выглядел полусумасшедшим музейным воришкой, который тщательно высматривает, какую из костей лучше всего отломить и дать деру, пока не заметили… На самом же деле я думал совсем о другом.

Большинство статей, написанных рядовыми журналистами на подобные темы, отличалось шаблонностью и сухостью; они, конечно, давали определенную информацию, но совсем не волновали душу. Проще всего и мне было написать стандартную заметку, укомплектованную цифрами и фактами, заметку для рубрики «Это интересно». Однако профессионализм биолога и воображение фантаста восставали против всяких шаблонов и любой казенщины. Мне хотелось нарисовать живую картину давней трагедии. Меня не устраивало перо журналиста Ухудшанского; мне необходимо было перо, как минимум, писателя Рони-старшего! Для этого следовало напрячь воображение. И я его напряг.

«…Семьдесят пять тысяч лет назад он тяжело топал по абшеронской земле, срывая губами пучки трав и листья кустарников и пожирая их в огромном количестве. У доисторического носорога практически не было врагов. В самом деле, кто решился бы напасть на такую махину, на этот живой броневик? Даже пещерные львы и мед-

веди обходили носорога стороной, предпочитая более легкую добычу – оленей или антилоп. Человек в ту пору был слаб и неопытен, он бродил по саванне, охотясь на мелких тварей, собирая плоды и выкапывая коренья; лишь много позже люди научатся сообща загонять крупных зверей в ловушки. Ну разве что пятнистые гиены, сбившись в стаю, могли одолеть больного или умирающего носорога… Однако этот гигант не был больным, да и умирать вроде не собирался. Нет, ему решительно некого было опасаться.

Но как-то раз он забрел в небольшое озеро напиться воды. У берега вода была загрязнена густым слоем того, что люди потом назовут нефтью. Носорог заковылял к середине озера, туда, где вода, по его мнению, была почище, – и провалился в яму, полную густой, липкой нефти. Тяжело ворочаясь, он пытался выбраться, но вместо этого лишь все больше и больше увязал.

Выбраться ему так и не удалось.

Позже к погибшему гиганту сбежались волки и гиены – и тоже влипли в нефтяную лужу. На трупы слетелись стервятники – и их постигла та же участь…

Со дна озера била нефть. Она густела у берегов, скапливалась в ямах и впадинах, тонким слоем покрывала поверхность воды. Озеро, ставшее своеобразной западнёй, в течение тысячелетий собирало свою страшную дань. В нем увязали крупные травоядные звери, пришедшие на водопой, – и последовавшие за ними пожиратели падали. В озере пытались спастись олени, лошади и антилопы, удирающие от хищников, – и увязали вместе с преследовавшими их хищниками. Стаи перелетных птиц, коих называют водоплавающими, садились на поверхность озера, покрытую тончайшей нефтяной плёнкой, – и неминуемо погибали…

Озеро неутомимо собирало свою «коллекцию».

Так начиналась моя «Западня для носорога». Ну а далее шла вся необходимая информация: о первооткрывателе бинагадинской плейстоценовой фауны, геологе Мастанзаде, о кропотливой работе советских и зарубежных палеонтологов, о том, что таких уникальных явлений Природы, как битумное озеро, в мире всего два, и второе – ранчо Ла-Бреа Тар Питс – находится в Калифорнии, и что американцы вокруг своего битумного озера воздвигли целый специальный научно-исследовательский комплекс, в котором работают ученые, и который посещают туристы и экскурсанты, а у нас уникальное явление окружено кучами мусора и никому, кроме горстки специалистов, не известно… ну и так далее.

Моей целью было, во-первых, заинтересовать массового читателя картинами далекого прошлого настолько, чтобы он захотел посетить Музей имени Зардаби (желательно – с детишками) и поподробнее разузнать о доисторической эпохе (в музее всегда готовы были всем все разъяснить, прочитать лекцию и даже прокрутить необходимые фильмы в маленьком кинозале); во-вторых, я надеялся привлечь внимание власть предержащих к захудалому состоянию Бинагадинского битумного озера настолько, чтобы они захотели построить вокруг него специальный комплекс, подобный калифорнийскому…

…Тогда не скачивали иллюстрации из Интернета, каждый автор приносил нужные фотографии и рисунки сам. Я расстарался, добыл картинку, изображающую доисторического носорога (нарисованную советским ученым-палеонтологом и художником, профессором Константином Флеровым); картинка смотрелась очень эффектно. Но в вышедшей статье под заголовком «Западня для носорога» красовалась фотография… лисички. Я опешил, потом возмутился. Но мне на голубом глазу было заявлено, что мою картинку с носорогом потеряли, вот и сделали замену… какая разница, ведь останки лис тоже находили в битумном озере, не так ли?..

Раздолбайство и неаккуратность в редакциях тогдашних газет встречались сплошь и рядом, я даже начал постепенно к ним привыкать.

…Итак, в августе я опубликовал в «Эконом-Экспрессе» четыре статьи. А в сентябре газета внезапно прекратила свое существование, не выплатив авторам причитающийся гонорар… И в этом ничего экстраординарного не было: в те годы масса газет открывалась и, просуществовав некоторое время, закрывалась; огорчало, что **«кинули»** с деньгами. Они как никогда были мне нужны: я в то время порядком отощал, страдал авитаминозом, на ногах открылись незаживающие язвы, друзья советовали собирать хвою и пить отвар из нее; правда, добавляли они, хвою нужно рвать подальше от автострад, такую, на которой не осела гарь от автомобильных выхлопов… Бывало, я ослабевал настолько, что, как говорят киргизы, **«дерни его за ресничку – и он упадет»**…

Впрочем, не об этом сейчас речь.

Гордясь «Западней для носорога», я отлично понимал: поскольку газета ушла в небытие вместе со своим бумажным архивом, а Интернет-версии у «Эконом-Экспресса» отродясь не было, то мои публикации в сей газете оказались как бы и вовсе несуществующими… Это было обидно, но зато давало мне моральное право в будущем использовать «Западню…» где-нибудь еще – с необходимыми, естественно, поправками и дополнениями.

Так оно и случилось. В 2011-м я решил предложить «Западню…» бакинской газете «Эхо», с которой к тому времени успешно сотрудничал вот уже пару лет. Но мне не хотелось тупо копировать первый вариант. Я взялся доработать статью. И подумал о нашумевшей техногенной катастрофе, случившейся годом ранее, а именно: об аварии на буровой платформе в Мексиканском заливе, аварии, вследствие которой со дна принялась бурно извергаться нефть, загрязняя воды залива… Я смотрел по телевизору, как люди спасают ворочающихся в нефтяной каше тюленей, морских черепах, морских птиц… и в эту минуту решил срастить две темы, подобно тому, как электрики сращивают концы проводов. Ну ладно, подумал я, что случилось в эпоху плейстоцена, когда со дна озера начала сочиться нефть – ясно: получилась великолепно сохранившаяся коллекция ископаемой флоры и фауны. А вот чем грозит современной цивилизации непрекращающийся выброс нефти с морского дна? Вопрос отнюдь не праздный…

«…В статье пятнадцатилетней давности я выразил обеспокоенность по поводу того, что загрязнение нефтью может привести к катастрофическим последствиям, пытался нарисовать апокалипсические картины – море, покрытое черной пленкой, и берег, покрытый черной коркой, морских тварей, умирающих медленной и мучительной смертью... Некое подобие такого техногенного Апокалипсиса мы могли видеть в Мексиканском заливе в прошлом году, когда из дыры в морском дне забила мощная струя нефти, и эту дыру долгое время никак не удавалось заткнуть. Ущерб Природе, горе людям, убытки компаниям... Но вот он, тот поразительный научный факт, ради которого, собственно, я и засел за эту, новую статью. В результате исследований в рамках Census of Marine Life именно в Мексиканском заливе (подчеркиваю – именно в Мексиканском заливе) были обнаружены глубоководные трубчатые черви, зарывающиеся в дно в поисках нефти, которая служит им питанием!

Я далек от мысли о том, что какой-то человек, будь он даже трижды «зеленый», устроил аварию на буровой платформе исключительно из теплых чувств к нефтелюбивым червям. Совершенно фантастическую гипотезу о том, что масштабную утечку нефти в Мексиканском заливе организовали сами трубчатые черви, дабы комфортней себя чувствовать, я тоже отвергаю, хотя из этого мог бы выйти неплохой фантастический рассказ и даже голливудский блокбастер (представляете картину: черви злодейски прогрызают металлические конструкции и потом буквально тащатся от обилия нефти, фонтанирующей со дна морского?!). Я это к тому, что после прочтения статьи о новооткрытых червях мне пришла в голову странная и не очень уют-

ная мысль: если даже в результате какой-нибудь страшной техногенной катастрофы вся наша планета покроется слоем нефти, жизнь на Земле, видимо, не иссякнет. Выживут, по крайней мере, вышеупомянутые трубчатые черви...»

И сформировался материал под названием ***«Западня для носорога, или мысли по одному и тому же поводу, но с интервалом в пятнадцать лет»***. Он был опубликован в газете «Эхо» в ноябре 2011 года.

…В конце прошлого века я часто водил в Музей естественной истории школьников, преимущественно средних классов (в обоих смыслах). Надо сказать, что больше всего времени мы с ребятами проводили именно у скелета бинагадинского носорога, он у нас был своеобразным «памятником», у которого люди собираются и ведут беседы. Из общения с ребятами я узнавал, что некоторые из них с интересом смотрят по телевизору научно-познавательные передачи (BBC «Живая Природа», например, или Animal Planet) и буквально бредят Африкой, Южной Америкой, Австралией. Но когда я рассказывал им, что в свое время Абшеронский полуостров, тот, на котором мы живем, был очень похож на Африку, у детей от удивления расширялись глаза…

И я очень рад, что смог донести до них эту информацию. И что смог их удивить.

Конечно же, я писал не только о вымерших животных. Мои старые блокноты и тетради полны набросками рассказов о том, как я охотился на насекомых, как ловил змей и ящериц, как работал служителем в бакинском городском зоопарке, как общался с аквариумистами, с коллекционерами кактусов, раковин, бабочек, брал интервью у криптозоолога (специалиста по животным, не известным науке), у таксидермиста (проще говоря – чучельщика), у фотографа, снимающего дикую Природу… и так далее. Описывал я и свою работу на научно-исследовательском судне «Элм» («Наука») в середине 80-х… Вот, например, эскиз статьи, из потрепанной записной книжки:

ГОЛЛАНДСКИЙ КРАБ С ГЛУБИНЫ СТО МЕТРОВ

…Железный ковш со скрежетом раскрылся, и из него хлынула вода и захваченные со дна морского камни и песок – прямо в подставленный таз.

Мой напарник, гидробиолог Вагиф Гасанов присел на корточки и стал раскачивать перед собой таз круговыми движениями. Одетый в потрепанную телогрейку, резиновые сапоги и старенькую шапку-ушанку, он совершенно не походил на ученого, да еще и крупного, а словно бы сошел со страниц «Архипелага ГУЛАГ». Действия же его напоминали действия старателя, промывающего в лотке золотоносную породу. Но вместо крупинок золота в мятом жестяном тазу обнаружилось несколько мелких, похожих на ногти ракушек, приросшая к одной из них нитевидная водоросль и маленький краб, которого принято называть **«голландским»**. Бросив якорь где-то в самом центре Каспийского моря, наше научно-исследовательское судно покачивалось на тяжелых волнах. С низко нависшего серого неба на море и на палубу сыпал снег. У всех судовых лебедок трудились сосредоточенные гидрографы, ботаники, микробиологи; моторы завывали, опуская за борт специальные приборы на стальных тросах и извлекая их обратно. А ковш-дночерпатель **«Океан»**, главный инструмент гидробиолога, принес улов с глубины сто метров, о чем свидетельствовали показания датчиков. Смахнув с ресниц налипшие снежинки, я извлек шевелящегося крабика из таза, посадил его на ладонь и поднес к глазам. Краб ошалело приподнимался и опускался на ножках, раскрывая и смыкая маленькие клещи-щипчики. Панцирь его был величиной с трехкопеечную монетку. Собственно, и голландским-то его можно назвать с большой натяжкой, ибо историческая родина этих крабов – прибрежные

воды Американского континента. Там они обитали в устьях рек. Потом в балластных цистернах многочисленных судов эти крабы были завезены в Голландию, а оттуда попали в Балтийское, Азовское и Каспийское моря. У нас на Каспии этот эмигрант прижился, расплодился и стал пищей для рыб… Любой из вас встречал таких крабиков, их вместе с мочалами водорослей часто выбрасывает на берег штормом... В молодости я подбирал таких высушенных солнцем крабиков и прикалывал их булавкой к своему берету, в виде своеобразной кокарды... Да, но то были неживые крабики, а этот был живой, без спросу выхваченный из естественной своей среды обитания. Крабик угрожающе размахивал клешнями, и ясно было, что он не собирается дешево продавать свою жизнь и намерен показать мне, **где раки зимуют**..

Естественная среда обитания... Я попытался представить себе, как он бродит там, на стометровой глубине, в холоднючей – всего плюс три градуса – воде, и меня передернуло. Не очень уютным вырисовывался мир, в котором обитал крабик, прежде чем его безжалостно схватил и вырвал на поверхность зубастый ковш… Но все же это был **его** мир.

– Видишь, голландские крабы попадаются и на стометровой глубине. Но самая богатая донная фауна – на глубине пятьдесят метров, – неторопливо объяснял Вагиф Гасанов. – Правда, когда-то самым населенным уровнем была глубина в двадцать метров; но постепенно, спасаясь от нефтяного загрязнения, организмы переместились чуть пониже..

Я киваю.

Так, гидробиолог определил, что за последние двадцать лет донная фауна западной части Южного Каспия заметно обеднела, причем обеднела за счет коренных, исконно каспийских форм. Пришельцы из Черного и Азовского морей – крабы, креветки, многощетинковые черви, «морские желуди» – оказались гораздо более живучими и сейчас преобладают в биомассе. Далее ученому удалось установить, что нефтяное загрязнение сильно влияет на расселение донных животных. Загрязнение вынудило донную фауну переместиться вглубь, на 25 – 40 метров ниже прежнего уровня. Опыты, поставленные Гасановым, позволили выяснить, как действуют нефть и нефтепродукты, взятые в различных концентрациях, на различных животных морского дна, и где проходит граница загрязнения, после которой животных ожидает неминуемая гибель…

…Извлеченный из воды ковш тяжело закачался над палубой, как гигантский маятник на стальном тросе. Скользя по мокрой палубе, мы с Вагифом Мирвагабовичем кинулись ловить его. Я придержал дночерпатель, а ученый подставил под него таз и нажал кнопку на пульте управления. Ковш распахнул зубастую пасть, извергая воду с песком. И вновь Вагиф Гасанов качает таз, промывая песок. И вот на жестяном дне виден очередной **«улов»**: белеют все те же вездесущие ракушки и извивается морской червь нереис, похожий на сороконожку, – тоже, между прочим, вселенец из Черного моря, чувствующий себя здесь, как дома… «Элм» стоит на якоре у берегов Лянкярани, а датчик на лебедке показывает, что пленники захвачены ковшом на глубине пятидесяти метров…

Вот так вот, в разных точках Каспия, из месяца в месяц, из года в год, осенью и зимой, весной и летом – ученые исследуют море, методично и скрупулезно создавая из разрозненных деталей целостную картину колоссального организма, имя которому – Каспийское море.

Крабик… Путешественник – добровольный ли, или невольный, но путешественник. Попал и приспособился. Многим людям, которых жестокая судьба вырвала из привычного уклада жизни и зашвырнула в недобрую даль, и прессует, и испытывает по-всякому, я пожелал бы быть таким же стойким, как и этот крабик. Заброшенный в Каспий из других морей, он приспособился и выжил; поливаемый нефтепродуктами, он ушел в глубину – и выжил; поедамый рыбами – он выжил,

выжил, выжил! Он обитает там, в сумрачной бездне, холодной и неприветливой, являясь как бы маленьким символом всепобеждающей стойкости.

Как видите, и здесь присутствует тема нефтяного загрязнения; так ведь где живем-то! Нефть, нефть… А несколько позже, назвавшись титанцем и описывая журналистке физические условия на Титане – жуткий мороз, метановые дожди и снег из замершего аммиака, и прочие «прелести», – я мельком вспомнил выловленного голландского крабика. На Земле некоторые организмы обитают в условиях, которые человеку кажутся невыносимыми; но это их привычная среда, в которой они чувствуют себя прекрасно. Так отчего же не предположить, что и в азотно-метановом мире Титана существует жизнь? Во всяком случае, за многие годы разные писатели-фантасты приучили меня к мысли, что во Вселенной нет ничего невозможного…

Но не одни лишь фантасты оказали на меня огромное влияние. Когда 24 декабря 2016-го в Беэр-Шева (Израиль) умер Феликс Кривин, я испытал настоящее потрясение. И, конечно, не мог не откликнуться – разместил на Фейсбуке своеобразный некролог…

ЧЕЛОВЕК-ВСЁ

На свете не было и нет писателя и философа, столь близкого мне по духу, как Феликс Кривин. Потому его уход для меня – подлинная трагедия. Да и не только для меня. Его смерть оставила в культуре человечества глубочайший кратер, подобный следу от удара Чискулубского метеорита, осознаЁт человечество это или не осознаЁт… Феликс Кривин был знаком мне с самого детства – его отдельные небольшие притчи, стихи, афоризмы включались в различные альманахи и печатались в журналах. Они меня страшно заинтересовали, и я принялся искать книги Кривина. Книги заинтересовали меня еще больше, и я начал восхищаться творчеством этого неординарного писателя, а заодно и учиться у него не только искусству смотреть на мир и обдумывать увиденное, но и искусству отображать увиденное и осмысленное на бумаге. Про себя я называл его **«Человек-Всё»**. Феликс Кривин способен был видеть большое в малом и малое в большом, его в равной степени интересовали тайны Вселенной и мелочи быта. У него разговаривали планеты, кометы, твари вымершие и твари, ныне существующие, у него разговаривали вещи и предметы домашнего обихода, а также буквы и цифры… В изящных миниатюрах Кривин умел популярно и очень доступно объяснить практически все, включая возникновение Универсума, эволюционную теорию, загадки Жизни и Смерти; в стихах Кривина, изящных и легких на вид, всегда крылся глубочайший смысл, и они в то же самое время умели быть веселыми (а порой и горькими). Феликс Кривин долгие десятилетия меня поражал и будет поражать еще долго; еще бы, все это время в Ужгороде, в Западной Украине, жил Гений, который не особо разъезжал по миру, но знал об этом мире все. Ибо был наделен свыше даром максимально полноценно использовать силу своего мышления, мощь воображения и талант художника. Тот самый случай, когда в черепе человека, в комке серого вещества величиной с мячик вмещалась Вселенная с ее Макрокосмом и Микрокосмом…

Не могу отвечать за других, но лично на меня Феликс Кривин оказал огромнейшее влияние и побудил искать в себе такие же **«производственные мощности»**, как и в нем самом. Удалось ли мне хоть на несколько сантиметров приблизиться к «Человеку-Всё»? Время покажет… А сейчас – я почтительнейше снимаю шляпу и низко склоняю голову. Прощайте, Гений, прощайте, Человек-Всё! Мироздание Вам пухом! А я пойду перечитывать Ваши книги…

Но как можно уйти, не процитировав из Феликса Кривина хоть что-нибудь? Вот, навскидку:

Добродушная пчела
Жалит не со зла:
Яд последний отдает,
Защищая мёд.
Гибнет пчёлка ни за грош –
Так устроен свет,
Что без мёда проживешь,
А без яда – нет…

Светлая память Феликсу Давыдовичу...

…Наш мир устроен так, что наряду с восхищением по поводу Чуда из Чудес, человеческого мозга, способного вместить целую Вселенную, приходится иногда испытывать и шок – при виде того, как обращаются с этим Чудом из Чудес… Не прошло и трех месяцев после смерти Кривина, как… Впрочем, читайте:

«ПО ВКУСУ – КАК ДРЕВЕСНЫЙ УГОЛЬ...»

Боже мой, что только не приходится есть ведущим разных программ на зарубежном телевидении, причем иногда в прямом эфире! И не только привычные блюда, но и…

В декабре 2016-го корреспондент BBC Грег Фут, телеведущий, решил попробовать, каково на вкус человеческое мясо, – чтобы стать первым в мире журналистом, который провел этот эксперимент. В его рамках Грег Фут вознамерился попробовать кусочек… самого себя! Знакомый хирург по просьбе журналиста срезал с его ноги квадратик мышечной ткани… но вслед за тем на пути отчаянного экспериментатора встал закон: в Великобритании за каннибализм предусмотрена уголовная ответственность, и неважно, чье человеческое мясо ты ешь, чужое или свое… Тогда несостоявшийся «самоед» отнес кусочек собственной ткани в лабораторию, изучившую профиль приготовленной пробы. Ему по результатам экспертизы приготовили смесь из свинины и баранины, по вкусу максимально близкую к человеческому мясу. Грег Фут понюхал смесь и заметил, что **«запах намного богаче, чем у просто свинины или курятины»**. Потом из полученного квазичеловеческого мяса приготовили бургер; съевши его, телеведущий остался доволен сочностью и вкусом…

Но это ладно. В 2012-м на голландском телевидении Деннис Сторм и Валерио Зено, ведущие телешоу «Подопытные свинки», в прямом эфире попробовали по кусочку мяса друг друга – не квазимяса, как в предыдущем случае, а самого настоящего! Перед эфиром ведущие перенесли небольшую хирургическую операцию: у Сторма хирург вырезал маленький фрагмент ягодицы, а у Зено – живота. После этого оба кусочка были тщательно поджарены профессиональным кулинаром, причем без всяких специй и приправ, чтобы ничем не исказить естественный вкус человеческого мяса. А потом ведущие съели оба кусочка в студии, в прямом эфире. Сторм и Зено заявили, что в человечине нет ничего особенного; еще они утверждали, что ничего противозаконного в их действиях нет, поскольку они добровольно согласились на этот каннибализм. Но приглашенный специально по этому случаю адвокат предупредил, что у ведущих и у оперировавшего их хирурга могут возникнуть проблемы с законом: оказывается, в Нидерландах запрещено удаление каких-либо кусочков человеческой плоти без медицинской на то необходимости.

А в марте 2017-го американский журналист Реза Аслан, ведущий программы «Верующий» на CNN, в ходе съемок в Индии попробовал кусочек мозга умершего человека; на своей страничке в Facebook Аслан уточнил, что предварительно мозг был поджарен на костре и по вкусу напомнил ему **древесный уголь**…

Столь необычным блюдом Аслана попотчевал представитель индуистской религиозной секты **«агхори»**, практикующей ритуальный каннибализм. Ведущий CNN снимал репортаж об этой секте; в ходе передачи Аслана обтерли прахом умершего, надели ему на голову венец из костей и нижней челюсти, ну и – угостили, как уже говорилось, кусочком поджаренного на костре **мозга** покойного. Кроме того, в программе было показано, как один из агхори обгладывает останки мертвеца…

Выпуск вызвал шквал критики со стороны индуистов – Реза Аслана обвинили в **«ошибочном понимании индуизма, представлении его в искаженном свете и осквернении индуистской культуры»**. Возмущенные пользователи социальных сетей обвинили Аслана в каннибализме; досталось и каналу CNN, который критиковали за **«желание сделать рейтинг за счет шокирующих кадров»**.

Ну, рейтинг – это святое, ради него на что только не пойдешь… Но индуизм, индуизм! Жалко ведь… Это одна из индийских религий, которую часто описывают как совокупность религиозных традиций и философских школ, возникших на Индостанском полуострове, том самом колоссальном треугольнике к югу от Гималаев, треугольнике, на котором расположены ныне государства Пакистан, Индия и Бангладеш.

На древнем языке-санскрите индуизм звучит как **«санатана-дхарма»**, что в переводе означает **«вечная религия»**, **«вечный путь»** или **«вечный закон»**. Поскольку корнями своими индуизм уходит в ведийскую, хараппскую и дравидийскую цивилизации, его называют «древнейшей в мире религией». В отличие от авраамических религий (иудаизма, христианства, ислама) у индуизма не было своего основателя, в нем отсутствуют единая система верований и общая доктрина; но существует большое количество священных писаний (Веды, Упанишады, Пураны, эпосы «Рамаяна», «Махабхарата», «Агамы»).

Ныне индуизм исповедуют около одного миллиарда человек – это третья по числу последователей религия в мире после христианства и ислама. Большинство населения Индии и Непала – индуисты. Много их в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке, Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Маврикии. Во второй половине XX века индуизм распространился далеко за пределы Индии, сейчас его приверженцев полно и в Канаде, и в США, в странах Южной Америки, в Великобритании… Широко распространились и стали привычными такие характерные для индуизма идеи, как карма, йога, вегетарианство. Однако индуизм нещадно критикуют, например, за дискриминацию, основанную на кастовой принадлежности, и за обряд самосожжения вдов…

Вышеупомянутая же «агхори» – аскетическая религиозная секта, некогда отколовшаяся от одной из ветвей индуизма. В переводе с санскрита «агхори» означает «бесстрашие». Многие индуисты клеймят агхори как неиндуистское учение, из-за практикуемых ими табуированных ритуалов (они употребляют алкогольные напитки, используют человеческие черепа в различных ритуалах, медитируют на местах захоронений и местах сожжения трупов и практикуют ритуальный каннибализм; во всем этом нет ничего криминального, поскольку все эти обряды и ритуалы совершаются с позволения родственников покойного).

К слову сказать, Реза Аслан далеко не первый не-индус, которого агхори угостили жареным человеческим мозгом. Есть такой Роберт Эдвин Свобода – американский писатель и доктор **аюрведы**, постоянно путешествующий по свету, читающий лекции по аюрведе (древней науке о здоровой, долгой жизни) и религиям Востока; Свобода 15 лет прожил в Индии. Вот что он пишет в своей книге «Агхори. По левую руку Бога»:

«Агхори принимают в пищу человеческое мясо, – но не потому, что они стали каннибалами, а потому, что это стало частью ритуала. Я ел человеческое мясо много раз, даже мой сын ел его. Я ожидал на кладбище у погребального костра, когда череп от жара лопнет – а он разрывается с чудесным звуком «хлоп!» – а затем быстро, чтобы не обжечь пальцы, вынимал все части мозга – липкую массу, частично под-

жарившуюся к этому времени, – и съедал ее. От этого начинало сильно тошнить, но в тот момент нужно было забыть о своей тошноте и обо всем прочем: это **«сад-хана»**, а не обед в дорогом ресторане».

Ритуальный каннибализм, в частности – поедание мозга умершего человека, лично для меня не новость. Я встречал упоминание о нем в книге известного датского путешественника и писателя Арне Фальк-Рённе «Путешествие в каменный век». В 60-х годах прошлого столетия он побывал на острове Новая Гвинея и добрался до самых отдаленных и отрезанных от цивилизации папуасских племен, провел среди них какое-то время и описал их нравы и обычаи. Он стал свидетелем шокирующего обряда. Как-то раз вместе с отрядом воинов папуасского племени куку-куку Фальк-Рённе поднимался на гребень горы по скользкой тропе, сквозь бамбуковую рощу. Неожиданно у одного из пожилых мужчин случился сердечный приступ. Старик упал на землю, тяжело дыша. И тут молодой воин по имени Сиу-кун, сын упавшего старика, сильным ударом каменного топора разбил отцу череп. В ответ на возмущение датчанина Джон, переводчик, сказал: **«Сын должен помочь отцу уйти из жизни. Настоящему мужчине уготовано умереть в бою. Если же духам так неугодно, сын должен прийти отцу на помощь и убить его. Это акт любви».** Далее переводчик предостерег Фальк-Ренне, чтобы тот не вздумал подходить ближе, иначе его ожидает смерть. Оказалось, что сейчас должно начаться самое важное (для папуаса) и ошеломляющее (для европейца) действие: согласно местным традициям, сын съест мозг убитого им отца, чтобы тем самым почтить его память и вобрать в себя частичку его мудрости и духовной силы… При этом не должен присутствовать ни один человек. Таковы обычаи племени куку-куку.

…Я стараюсь никогда не критиковать чужие обряды и обычаи, понимая, что каждый из них базируется на традициях, коим не одна тысяча лет. Все на свете относительно, и то, что кажется естественным индусу, бушмену или папуасу, для европейца может показаться вопиющей дикостью – и наоборот. В то же самое время мне просто обидно, что чудо из чудес Природы, человеческий мозг, способный вместить в себя целую Вселенную, по вкусу напоминает древесный уголь, если его предварительно поджарить на костре… Древесный уголь – и никакой тебе Вселенной. Никакого вкуса **мыслей**…

Уголь. Зола. Огонь. Пожар. Шок. Глобальный шок. Очередная годовщина глобального шока.

Вот, нашел в блокноте запись, сделанную 11 сентября 2018-го:

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РЕКВИЕМ

«…Елена Захарова помнит, должно быть, то время… В составе популярного бакинского рок-секстета The Score Лена была вокалисткой и писала тексты песен на английском; я же был бассистом. Мы кочевали с базы на базу, но в те времена репетировали во Дворце Культуры завода имени лейтенанта Шмидта. И вот где-то за два-три дня до трагедии 11 сентября… Не сказать, что прямо уж так уж нами владели какие-то смутные предчувствия, но… Короче, на репетициях мы часто импровизировали, сочиняя что-то на ходу. И вот накануне трагедии Миша Алтухов вдруг начал наигрывать на гитаре только что пришедшую ему в голову мелодию – красивую, но очень печальную. Мелодия действовала завораживающе; постепенно ее подхватил электроорган, потом ее поддержали ударные, вступил бас, мощно вплыл синтезатор… Мелодия была, повторяю, красивой, но очень грустной. Лена на ходу принялась сочинять текст к ней – довольно мистического содержания, о каких-то трех ведьмах, подобно шекспировским, из «Макбета», ведьмах, ворожащих на какую-то грандиозную беду и летающих верхом на метлах над городом…

Всего не помню, но было что-то в этом духе. А потом, когда **это** случилось, – мы просто охнули. По ходу, наша группа, сама того не подозревая, загодя написала своеобразный реквием по погибшим в тот страшный день.

Я уже не помню, по какой причине эта песня не была доработана. Что-то помешало, не помню уже точно, что именно. Но уверен: доработай мы ее до конца и исполни, песня запомнилась бы людям надолго…

…Хотите верьте, хотите – нет, но в ночь с 10-го на 11-е сентября я, помимо воли, бездумно, в общем, решил пересмотреть «Голый пистолет». И ржал над началом фильма – там, где показывали секретную сходку окарикатуренных диктаторов и первых лиц государств, в которых узнавались Кастро, Каддафи, аятолла Хомейни, Горбачев… Ну там еще потом Ларс Нильсен дает им всем люлей… Странно: кассета пылилась у меня на полке длительное время, почему именно в ту ночь я решил ее пересмотреть?..

…Мне бесконечно жаль всех тех, кто погиб тогда в обрушивающихся башнях-близнецах и самолетах-смертниках, кто спасал других ценою собственной жизни. Я не люблю, когда говорят: **«Америке прилетело за ее грехи»**. Оно, может, и так, но почему прилетело, как всегда, **не тем**? Я знаю не один десяток, а может, и сотню американских вояк из числа **«Большой Бронзы»** и политиканов из числа **«ястребов»**, которым не мешало бы хорошенько надрать задницу за их кровавые дела… но помилуйте, причем здесь невинные люди, которые погибли ужасной смертью не за понюх, как говорится, табаку?! Доколе за грехи одних будут расплачиваться другие, умножая тем самым зло и несправедливость в этом мире?..

…И еще. Когда вся планета вопила от ужаса и билась в истерике, я каким-то образом пробил всю эту мутно-дымно-кровавую пелену и ненадолго заглянул на годы вперед, узрев дальнейшую судьбу человечества. Ничего хорошего я, увы, не увидел. За эти несколько мгновений я отчетливо понял, что отныне мир перешел некий **рубикон** и вступил в новую, качественно иную фазу – как это было, например, после Хиросимы и Нагасаки или после запуска первого искусственного спутника Земли. После 11 сентября всему тому, что было **до**, можно было сказать: **«Прощай. Прощай навсегда»**.

…Всевышний, молю: упокой души всех погибших в тот страшный день, поддержи физически и морально искалеченных и всыпь по первое число виновникам трагедии. Истинным виновникам, разумеется; уж Ты-то их точно знаешь, в отличие от нас…

R.I.P., леди и джентльмены.

…И все-таки жаль, что мы тогда не доделали реквием».

Ленин когда-то сказал: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Это так. Мне, любителю фантастики, натуралисту, гуманисту и прочая, и прочая, никак не обойти было политику в своем творчестве. Газеты, телевидение, Интернет, уличные беседы насыщены политикой. Ее невозможно игнорировать, о ней невозможно не думать. О ней невозможно не писать – хотя бы иногда… Вот, например, одна из работ, датированная сентябрем 2014 года; привожу ее с небольшими сокращениями:

ОСЕННИЙ ЭКИНОКТИК

Экиноктики – от aquinokticum (лат.) – время весеннего и осеннего равноденствия, с которыми связан период бурь

В наступающий период бурь, связанный со временем осеннего равноденствия, сидел я и перечитывал сборник средневековых итальянских новелл.

Среди них попалась мне новелла писателя XIV века Франко Сакетти. В ней мессир Ридольфо ди Дженитиле да Варано, правитель города Камерино, доказывает племяннику, вернувшемуся из Болоньи, где он обучался праву, что он даром потерял время.

«*Юноша, которому слова эти показались весьма странными, отвечал:*

– Почему же, господин мой?

И мессир Ридольфо сказал:

– Потому, что тебе следовало обучаться там силе, и это было бы вдвое выгодней».

То же самое мессир Ридольфо повторил позднее нескольким студентам, обучавшимся праву:

«*– Чему вы обучаетесь?*

А они:

– Мы обучаемся праву.

На что я сказал им:

– Что вы будете с ним делать, раз им не пользуются?

Действительно, оно не очень-то в ходу. Кто бы ни был прав, но, если на другой стороне немного больше силы, право остается бессильным. Поэтому-то мы в наше время и видим, что бедным и бессильным почем зря присуждаются телесные и денежные наказания, богатым же и сильным очень редко, ибо жалок тот, кто не имеет достаточной силы».

Семь столетий минуло с тех пор, как написаны были эти строки, но кто осмелится утверждать, будто они утратили свою актуальность?

…На канале NatGeoWild состоялся премьерный показ свежего – 2014 года выпуска – американского документального фильма **«Королевство обезьян»** (Wild Kingdom Of The Apes). У меня, биолога, он вызвал живейший интерес; я смотрел его так, как в иные времена домохозяйки не смотрели и «Просто Марию»! Судите сами: киногруппа из National Geographic Television долгое время занималась наблюдениями и киносъемкой на территории вулканического национального парка в Руанде (Африка). Все это время киногруппа держалась практически вплотную к стае «черных» горных горилл, благодаря чему смогла во всех подробностях запечатлеть на пленке жизнь каждого индивида в отдельности и всей стаи в целом. Но главная интрига фильма заключалась в следующем: стаей вот уже много лет правил вожак – громадный самец с серебристой от седины поясницей (таких называют **«сильвербек»**, что можно соотнести с человеческим, например, **«аксакал»**). Властвовал он жестко, но очень умело – судя по тому, что стая выжила в не простые для горилл времена (между Руандой и соседним Заиром долгое время тянулся вооруженный конфликт, в результате которого пострадали не только люди, но и животные). Время, однако, шло, у вожака (буду называть его Королем) подрастали два сынка, и вот настал момент, когда старший из сыновей заявил претензии на власть: мол, папа, покомандовал – и хватит, уступи место молодому, сильному, и не то чтобы там **«Акела промахнулся»**, просто время твое, папа, ушло, что поделать, такова **се ля ви**, все течет, все меняется, и молодым везде у нас дорога, а старикам везде у нас почет……

Как это принято не только у горилл, вожак свою корону просто так, за здорово живешь, уступать не собирался и всякий раз отбивал наглые наскоки сынка. Но настал день, когда вопрос стал ребром: или – или. Старый Король и молодой претендент на трон забрались на высокий холм с плоской верхушкой; именно тут и должен был состояться поединок между отцом и сыном; выигравший становился (или оставался) Королем.

Все подданные – зрелые особи, молодежь, самки с детенышами – расположились пониже по склону в ожидании исхода схватки…

Насколько мне известно, гориллы дерутся очень жестоко: поглядите-ка на их клыки, да и силищей они обладают неимоверной, запросто могут вырвать бицепс у противника… Черные горные гориллы – самые большие обезьяны на свете: рост крупных самцов достигает двух метров, а иногда даже 2 метров 30 сантиметров, а весят они от 200 до 350 килограммов! Обхват груди у старого самца – 1 метр 70 сантиметров, обхват бицепса – 65 сантиметров, а размах рук достигает 2 метров 70 сантиметров! И в борьбе за власть сын не пощадит отца, а отец не пожалеет сына, так что вниз сойдет только один из них – ему-то и достанется **корона**…

Фильм снят просто бесподобно: впечатление такое, будто сам присутствуешь в руандийских джунглях, густых, зеленых, сочных. Операторская работа – выше всяких похвал; это нам смотреть легко и просто, а я представляю, как корячился оператор с камерой на плече! Кадры, в которых из зарослей неожиданно выскакивает мощная горилла и с ревом, бия себя кулачищами в грудь, несется прямо на камеру, впечатляют! Я сам не робкого десятка, но признаюсь честно – в этой ситуации точно надундолил бы в штаны…

Подумалось мне, что по этой же самой схеме когда-то боролись за власть и люди. И в первобытных племенах был свой вожак, и были у него сыновья, которые рано или поздно занимали его место, и частенько не обходилось без насилия и убийства… По мере развития человеческой цивилизации придуманы были всякие **хитрости**, простодушным обезьянам никак уж не свойственные: подкуп, обман, «черный пиар», война компроматов и тому подобное. Ну так на то мы и люди…

Контроль над миром? Сиречь, мировое господство?

Алексей Карташ, герой ряда произведений известного сибирского писателя Александра Бушкова, в романе **«Волк насторожился»** находит в глухой тайге могилу не кого-нибудь, а самого Чингисхана! И что же видит Карташ?

«Череп скалился застывшей на века бесшабашной улыбкой.

…Ничего не было. Чересчур много времени прошло с тех пор, как пылали города и катилась по полям визжащая конница, как спаянное железной дисциплиной азиатское войско все же дрогнуло на Легницком поле, сойдясь с польскими рыцарями, и повернуло прочь из Европы. Все прошло. Остался только череп, желтый и немой, мертвая кость, на которой бесполезно что-то вымещать. И нет для человека ни Вечности, ни славы. Он поднялся от паршивого пастуха с колодкой на ногах до вождя орды, прокатившейся огнем и кровью через полмира, разрушал государства и превращал в пепел старинные города, помнившие еще Александра Македонского, мечтал покорить Вселенную, наивно полагая под нею наш старый континент, и думал, должно быть, что за горизонтом вот-вот покажется прибой Последнего моря… И что осталось?

Да ничего. Несколько книг, написанных иноземными учеными. Затерявшиеся в степи каменные черепахи с дырами в спине, куда вставляли плиты с указами великого карокорумского кагана. Равнодушное, изначальное небо, тайга вокруг и желтый череп, едва не угодивший на каминную полку к какому-то набитому деньгами обормоту. Так какого же хрена мы суетимся, считая собственные ничтожные делишки самым важным на свете?»

Вот и все. Гамлет в свое время, бродя по кладбищу, также рассуждал о бренности всего земного, особливо же – непомерного властолюбия… Помните? Ну, что великий Цезарь после смерти превратился в глину, из которой потом сделали пробку для винной бочки… **«Пред кем весь мир лежал в пыли – торчит затычкою в щели!»** Одним словом, все – суета сует, и всяческая суета!

…Да, а чем кончилась история с гориллой-вожаком, которого вызвал на поединок собственный сын? А поединок так и не состоялся. Старик добровольно признал себя побежденным, и его сын торжествующе поскакал вниз, и подавляющее

большинство стаи последовало за новым Королем. Лишь небольшая часть верноподданных осталась со стариком... Экс-король же понуро сидел, глядя перед собой, и в глазах его читалось: **низложен**. Низложен…

Боже ты мой, подумал я устало, вот они – истоки многих человеческих поступков! Власть… трон… президентская лента… И драка подростков за право быть дворовым лидером, и викинги, рубящиеся за звание ярла, и **«черная метка»** пиратов Стивенсона, и воровской **сходняк**, собравшийся короновать очередного «законника», и импичмент президенту, и многое-многое другое… все это начиналось в незапамятные времена, в жарких густых джунглях, в разборках обезьян между собой, и тянется до сих пор, и доколе еще будет продолжаться – никому, кроме Бога, неведомо…

Думаете, лишь животные борются за власть или, в широком смысле, за место под солнцем? Подобная борьба идет и между растениями.

«*Когда-то я, живя в северных лесах, вообразил, что добро не в человеке, не в хищном мире животных и насекомых, а в молчаливом царстве деревьев. Но нет! Я увидел движение леса, его коварную битву за землю с травами и кустарниками. Миллиарды летучих семян, прорастая, убивают траву, вырезывают дружественный кустарник, миллионы ростков победившего самосева вступают в битву друг с другом. И лишь те, кто выживает, образуют единый полог молодого светолюбивого леса, вступают между собою в союз равных по силе. Ели и буки прозябают в сумеречной каторге под пологом светолюбивого леса. Но приходит для светолюбивых пора дряхлости, и из-под их полога к свету вырываются тяжеловесные ели, казнят ольху и березу. Так живет лес в вечной борьбе всех против всех. Лишь слепые мыслят мир добра в царстве деревьев и трав*». (**Василий Гроссман**)

Человек же, выделившись из мира животных и, благодаря своему Разуму, занявший на планете главенствующее положение, давно уже не сражается лапами и клыками; за прошедшие тысячелетия он создал множество всяких штуковин для ведения войны… иной раз посмотришь – красивая же штуковина, просто сказка, поэма в металле… а приспособлена для того, чтобы умертвить как можно больше людей за один раз. А потом еще раз, и еще много-много раз… Человеческий гений равно служит как созиданию, так и разрушению. Статья, написанная мною в декабре 2015-го, после известных событий, вмещает в себя весь ужас художника и все разочарование романтика…

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

ВАЛЬКИРИИ – в древнескандинавской мифологии воинственные девы-богини, которые помогали героям в битвах и уносили души убитых в Валгаллу, где прислуживали им на пирах… ВАЛГАЛЛА – в древнескандинавской мифологии дворец бога Одина, обиталище душ воинов, павших в бою (Словарь иностранных слов).

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ – общераспространенное название начала третьего действия оперы «Валькирия», второй из четырех опер Рихарда Вагнера, которые составляют цикл опер «Кольцо Нибелунгов»… «Полет валькирий», длящийся примерно 8 минут, начинается с прелюдии к действию, постепенно воздвигая следующие один за другим пласты сопровождения до тех пор, пока занавес не поднимется и не откроет горную вершину, где четыре из восьми валькирий собрались, чтобы отправить павших героев в Валгаллу. Когда они присоединяются к остальным четырем, проносится знакомая мелодия, в то время как над оркестром валькирии приветствуют друг друга и поют свой боевой клич… (Википедия)

…Я уже не помню, на каком из российских телеканалов это показывали (может, на нескольких сразу?). Признаюсь, в тот вечер я был под хмельком – отмечали день рождения моего однокашника по Универу… Принятого на грудь хватило, чтобы окружающий мир воспринимался сквозь призму приподнятого настроения и слегка искаженных пропорций. В понятие окружающего мира входил и работающий телевизор; так и случилось, что я, не прерывая легкого трепа, краем глаза стал наблюдать за происходящим на экране.

Это было зрелищно. И это было ужасно. Корреспондент телеканала вел репортаж из кабины одного из российских стратегических бомбардировщиков, направляющихся в Сирию бомбить ИГИЛовцев. Корреспондент возбужденно-радостным тоном, стараясь перекричать шум работающих моторов, рассказывал, что тут к чему, кто есть кто, кто чем занимается и как все происходит. Камера брала поочередно то самого ведущего в теплой куртке, то пилотов в костюмах, отдаленно напоминающих космические скафандры, то чрево гигантского самолета, то иллюминатор, в котором виднелись громадные пропеллеры, вращающиеся медленно, словно бы нехотя… Я, продолжая поддерживать разговор (может быть, отвечая невпопад), смотрел на экран. Мне даже не надо было слышать, что говорит ведущий? – я смотрел картинки…

Некоторые из них, надо сказать, были невероятно красивы. Оператор снимал сквозь стекла **«фонаря»** небо и летящие в нем бомбардировщики. В небесной синеве, светлой почти до прозрачности, в воздушном океане из разреженного и холодного воздуха, выше облаков, неподвижно висели серьезные боевые машины; одни напоминали длинных серебристых рыб с непропорционально большими плавниками и моторами под мышкой; другие походили на исполинских плоских птиц с высоким килем хвостового оперения и хищным силуэтом головы… Разумеется, это была оптическая иллюзия: бомбардировщики лишь казались неподвижными, на деле же - мчались с огромной скоростью к месту назначения. Фюзеляжи машин сверкали под маленьким, беспощадным, но холодным солнцем. Это было, повторяю, невероятно красиво. Но это все была, оказывается, преамбула.

Амбула, как выразились в свое время классики, началась потом. Когда самолеты вышли на цель и приступили к бомбометанию. Корреспондент взахлеб рассказывал, как оно происходит, камера добросовестно показывала, как пилоты нажимают на многочисленные кнопки на приборной доске, как распахиваются бомболюки, как расходятся держатели, освобождая бомбы и крылатые ракеты, и они падают, падают, падают… Итак, серебристые рыбы добрались до места своего страшного нереста и метали убийственную икру, а серебристые птицы на лету несли смертоносные яйца… На экранах приборов земля там, внизу, выглядела скучной картой, плоской и серой; на ней бесшумно вспухали волдыри разрывов, с виду незначительные; но я-то хорошо представлял себе, что происходит там, **внизу**! Я взирал на все это сквозь алкогольную дымку, не слыша и не слушая окружающих; я думал о том, что высокоточное оружие на деле оказывается не таким уж и высокоточным; если там, внизу, действительно беспощадные ИГИЛовцы, перерезающие глотки пленным и заложникам и живьем сжигающие в клетках детей, – то туда им, ИГИЛовцам, и дорога, поделом вору мука, как говорят в таких случаях… но если этот ад ненароком накрыл ни в чем не повинных людей – тогда я просто не знаю, что и сказать! Сильно надеюсь, что российские военные знают, что они делают…

Не хочу проводить никаких ассоциаций, но – так уж сложилось, что поделаешь! – с той поры, как я посмотрел Apocalypse Now Копполы, картина любого (любого!) авианалета в моем сознании непременно сопровождается вагнеровским «Полетом валькирий». Так было и в тот день – на телеэкране бомбардировщики опорожнялись над Сирией, а в ушах у меня беспрерывно звучал клич воинственных богинь…

Прощание с однокашником и другими гостями вышло скомканным. Оказывается, все смотрели телевизор, и на всех эта передача оказала гнетущее впечатление.

Бредя домой, я раз за разом прокручивал в памяти репортаж и с ужасом думал: Боже мой, чем мы **хвастаем**?! Совершенными машинами убийства, приберегаемыми на Самый Крайний Случай?! Бомбовозами, способными пролететь огромное расстояние, дозаправляясь в воздухе, и в нужной точке обрушить на землю геенну огненную?! А если тем же самым займутся **все** бомбовозы **всех** стран по **всей** планете – что от планеты останется?!

А ведь сорок лет назад, будучи юнцом, я верил, что в начале XXI века человечество навсегда покончит с войнами, сдаст все бомбовозы в переплавку и высадится на Марсе…

Одного я тогда не принял в расчет – валькирий. В широком смысле этого слова.

Дома я поводил пальцем по корешкам книг своей библиотеки, остановился на томике Брэдбери. Это была знаменитая антиутопия «Фаренгейт 451», увидевшая свет в 1953 году. История американского пожарного Монтэга, который вместе с коллегами в Америке будущего занят сожжением книг. Но я заглянул в самый конец романа – Монтэг, восставший против Системы, чудом ускользнувший от Механического Пса, бежит из мегаполиса в дикий лес и знакомится там с бездомными оборванцами, такими же изгоями, как и он сам. Роман Брэдбери насыщен ожиданием **Третьей** мировой войны; в финале Монтэг и его товарищи по несчастью издали видят, как вражеские (русские?) самолеты бомбят город, в котором все они когда-то жили:

«*Впоследствии никто из стоявших рядом с Монтэгом не мог сказать, что именно они видели и видели ли хоть что-нибудь. Мимолетная вспышка света на черном небе, чуть уловимое движение… за этот кратчайший миг там, наверху, на высоте десяти, пяти, одной мили пронеслись, должно быть, реактивные самолеты, словно горсть зерна, брошенная гигантской рукой сеятеля, и тотчас с ужасающей быстротой и, вместе с тем так медленно, бомбы стали падать на пробуждающийся от сна город. В сущности, бомбардировка закончилась, как только самолеты, мчась со скоростью пять тысяч миль в час, приблизились к цели и приборы предупредили о ней пилотов. И столь же молниеносно, как взмах серпа, окончилась война. Она окончилась в тот момент, когда пилоты нажали рычаги бомбосбрасывателей. А за последующие три секунды, всего три секунды, пока бомбы не упали на цель, вражеские самолеты уже прорезали все обозримое пространство и ушли за горизонт, невидимые, как невидима пуля в бешеной быстроте своего полета; и не знакомый с огнестрельным оружием дикарь не верит в нее, ибо ее не видит, но сердце его уже пробито, тело, как подкошенное, падает на землю, кровь вырвалась из жил, мозг тщетно пытается задержать последние обрывки дорогих воспоминаний и, не успев даже понять, что случилось, умирает.*

Да, в это трудно было поверить. То был один-единственный мгновенный жест. Но Монтэг видел этот взмах железного кулака, занесенного над далеким городом; он знал, что сейчас последует рев самолетов, который, когда уже все свершилось, внятно скажет: разрушай, не оставляй камня на камне, погибни. Умри.

…Упала первая бомба.

Быть может, – но узнает ли кто об этом? – быть может, огромные радио- и телевизионные станции с их бездной красок, света и пустой болтовни первыми исчезли с лица земли?

Монтэг, бросившись плашмя на землю, увидел, почувствовал – или ему почудилось, что он видит, чувствует, – как Милдред быстро взглянула на потолок, и в тот

же миг все здание отеля обрушилось на нее и вместе с сотнями тонн кирпича, металла, штукатурки, дерева увлекло ее вниз, на головы других людей, а потом все ниже и ниже по этажам, до самого подвала, и там, внизу, мощный взрыв бессмысленно и нелепо покончил с ними раз и навсегда.

Сильный взрыв потряс воздух. Воздушная волна прокатилась над рекой, опрокинула людей, словно костяшки от домино, водяным смерчем прошлась по реке, взметнула черный столб пыли и, застонав в деревьях, пронеслась дальше, на юг. Монтэг еще теснее прижался к земле, словно хотел врасти в нее, и плотно зажмурил глаза. Только раз он приоткрыл их и в это мгновение увидел, что город поднялся на воздух. Казалось, бомбы и город поменялись местами. Еще одно невероятное мгновенье – новый и неузнаваемый, с неправдоподобно высокими зданиями, о каких не мечтал ни один строитель, зданиями, сотканными из брызг раздробленного цемента, из блесток разорванного в клочки металла, в путанице обломков, с перtместившимися окнами и дверями, фундаментом и крышами, сверкая яркими красками, как водопад, который взметнулся вверх, вместо того, чтобы свергаться вниз, как фантастическая фреска, город замер в воздухе, а затем рассыпался и исчез.

Спустя несколько секунд грохот далекого взрыва принес Монтэгу весть о гибели города.

– Вот и все, – произнес кто-то.

Люди лежали, судорожно глотая воздух, словно выброшенные на берег рыбы. Они цеплялись за землю, как ребенок инстинктивно цепляется за знакомые предметы, пусть даже мертвые и холодные. Впившись пальцами в землю и широко разинув рты, люди кричали, чтобы уберечь свои барабанные перепонки от удара взрывов, чтобы не дать помутиться рассудку. И Монтэг тоже кричал, всеми силами сопротивляясь ветру, который резал ему лицо, рвал губы, заставлял кровь течь из носу.

Монтэг лежа видел, как мало-помалу оседало густое облако пыли; вместе с тем великое безмолвие опускалось на землю И ему казалось, что он видит каждую крупинку пыли, каждый стебелек травы, слышит каждый шорох, крик и шепот, рождавшийся в этом новом мире. Вместе с пылью на землю опускалась тишина, а с ней и спокойствие, столь нужное им для того, чтобы оглядеться, вслушаться и вдуматься, разумом и чувствами постигнуть действительность нового дня».

Я захлопнул книгу и посмотрел в темное ночное небо.

Боже, спаси нас, дураков! Мы слишком, похоже, заигрались (*Баку, декабрь 2015*).

Сказанное – чистая правда: я отлично помню времена моей юности; мысль тогда намного опережала реальность, и в воображении многих в начале XXI века человек виделся уже покорителем не то что ближней Луны – а и далеких Марса, Венеры, Юпитера, Сатурна… Войны забыты, народы живут в мире, наука кормит, лечит население планеты, обеспечивая людей всем необходимым; межконтинентальные баллистические ракеты и стратегические бомбардировщики отправлены на слом и в переплавку, вместо них строятся исследовательские космические корабли и колоссальные орбитальные станции… Таким представлялось ближайшее будущее, и мы жадно следили за достижениями космонавтики настоящего; я, например, сохранил этот интерес и по сию пору. Чтобы не быть голословным, расскажу-ка я вам вот о чем…

03. 09. 76. МАРС, РАВНИНА УТОПИИ

…Я уважаю Китай. Я увлекаюсь космонавтикой и астрономией. Я интересуюсь Луной. И потому весь январь 2019-го я внимательно следил за миссией **«Чанъэ-4»**.

Напомню, что **«Чанъэ-4»** – это китайская автоматическая межпланетная станция, 3 января 2019 года впервые в истории совершившая мягкую посадку на обратной стороне Луны и сгрузившая на ее поверхность луноход **«Юйту-2**».

Полуторатонный, на шести колесах ровер «Юйту-2» (**«Нефритовый заяц»**, существо из китайской мифологии, хранитель бессмертия), питаемый плутониевыми батареями, «глядящий» одновременно четырьмя панорамными камерами, оснащенный антенной связи и всевозможной научной аппаратурой, – развернул панели солнечных батарей и двинулся в путь по кратеру, названному в честь немецкого астронома Теодора фон Кармана.

Весь заинтересованный люд земной следил за перемещениями китайского лунохода. И рассматривал первые в истории снимки поверхности обратной стороны Луны, сделанные с близкого расстояния камерами «Чанъэ-4».

Ровер совершал своеобразные «перебежки», на время холодных лунных ночей как бы засыпая (впадая в **«спящий режим»**, по выражению техников), а с наступлением лунного дня возобновляя движение и работу. В общей сложности аппарат проехал по нашему естественному спутнику 271 метр – за девять месяцев функционирования.

Второй «Нефритовый заяц» (почему «второй»? Да потому? что первый «Юйту» прилунился в 2013-м и проработал до лета следующего года, правда, большей частью стоя на месте, из-за неисправности)… так вот, второй «Нефритовый заяц» сообщил об обратной стороне Луны немало интересного; но лично меня, как биолога и фантаста, заинтересовали два эпизода.

«Чанъэ», посадочный модуль, нес на себе контейнер, в котором, кроме почвы, воды и воздуха, имелись семена хлопчатника, рапса, картофеля, дрожжевые грибки и яйца плодовой мушки (как видите, китайцы запустили на Луну представителей трех царств земных организмов: растений, животных и грибов). За два месяца до запуска «Чанъэ» семена, дрожжи и яички были законсервированы, дабы перенести полет; 3 января, после посадки, автомат полил семена водой, специальная система контроля тепла установила и поддерживала в контейнере температуру 25 градусов по Цельсию. А 12 января камера зафиксировала прорастание одного из семян хлопка…

Я с небывалым волнением рассматривал переданный с Луны снимок нежного зеленого росточка, пробившегося сквозь предохранительную пластмассовую решетку. Ведь это было самое первое земное растение, проросшее на поверхности другого небесного тела! До сих пор различные растения проращивали лишь на орбитальных станциях, в условиях невесомости. Увы, это оказался единственный из земных организмов, «пробудившийся» к жизни на Луне; с наступлением первой лунной ночи модуль перешел в **«спящий режим»**, и эксперимент был завершен…

А в конце июля ученые разглядели на одном из снимков, переданных «Нефритовым зайцем», маленький кратер, заполненный неким веществом, имевшим необычный цвет и **«гелеобразную структуру»**. Находка так переполошила ученых, что они изменили планы: вместо выключения на время «сна» и последующего движения на запад роверу «велели» вплотную заняться исследованием **«гелеобразного вещества»** с помощью инфракрасного спектрометра. Однако никаких объяснений о природе необычного вещества от исследователей, занятых в миссии «Чанъэ», не поступило.

Разумеется, сидящий во мне мечтательный мальчуган, никак не желающий повзрослеть, увидел в этом веществе своеобразную форму лунной жизни… но сторонние исследователи предположили, что это – всего лишь навсего расплавленное стекло, образовавшееся при ударе метеорита о лунную поверхность. А правда это или нет – поди знай… Я больше чем уверен, что исследователи Космоса далеко не всегда делятся с широкими массами всей полученной информацией, и это, наверное, правильно…

Вот эти две вещи и взволновали меня: некий **«гель»** в ямке на лунной поверхности (я убежден, что Луна, слывущая мертвым миром, способна преподнести нам еще немало сюрпризов; ведь нашли же там воду, пусть даже и замерзшую!) и зеленый росток хлопчатника, высунувшийся из землицы, насыпанной в контейнер, каковой вмонтирован в космический аппарат, опустившийся на обратную сторону Луны… Пусть пока «своя» жизнь на Луне не обнаружена, но заброшенное с Земли семечко – проросло, пусть даже единственное и ненадолго, но проросло!

Жизнь вне Земли. Как давно я интересуюсь этим вопросом! Не будет преувеличением сказать – с самого детства. С самых первых прочитанных фантастических книжек и первых просмотренных фантастических фильмов… И не только фантастических, но и научно-популярных. С первых газетных сообщений о космических зондах, достигших Луны, Венеры, Марса. И я припомнил событие, произошедшее за сорок три года до первого проросшего в контейнере «Чанъэ» семечка…

Баку. 3 сентября 1976 года. Летние школьные каникулы закончились (тогда учебный год начинался 1 сентября), я и мои сверстники пошли в последний, десятый класс (тогда мы учились десять лет). Пришла пора серьезно задуматься о будущем. Я собирался поступать на биофак нашего университета и дополнительно занимался биологией и химией (сам, без репетиторов). Можно сказать, я тогда был весь в биологии. Но и фантастику свою любимую не забывал, особенно про космос и инопланетную жизнь. И вот в это самое время NASA преподнесло мне (а также всему человечеству) очередной подарок – на планету Марс успешно сел аппарат «Викинг-2». Первый «Викинг» опустился на Красную Планету несколько ранее – 20 июля, на западе равнины Хриса. Его брат-близнец сделал то же самое, но в районе равнины Утопия. Правда, я узнал об этом только на следующий день, 4 сентября, из газет.

В задачу обоих «Викингов» входило установить, есть ли жизнь на Марсе.

Доктор Гарольд Клейн из научно-исследовательского центра в Эймсе (Калифорния), сказал тогда, в 76-ом: **«Есть только один шанс из пятидесяти обнаружить на Марсе жизнь»**. Но при проведении голосования среди 17 научных сотрудников проекта «Викинг» 9 из них высказались за то, что жизнь на Марсе все же будет обнаружена.

Сев на поверхность Марса, посадочный модуль «Викинга-2» повел себя подобно своему «братцу». Пока две бортовые камеры обозревали окрестности и передавали на Землю снимки марсианского ландшафта, четыре самых сложных прибора, когда-либо построенных в США (40 тысяч электронных деталей, компактно смонтированных в кожухе размером с небольшой чемоданчик, в земных условиях подобная аппаратура заняла бы три большие комнаты!), исследовали марсианскую почву в поисках признаков жизни, будь то лишайник, мох на скалах или даже остатки какого-либо растения, существовавшего 25 тысяч лет назад, в те времена, когда воды на Марсе было много. Как и его предшественник, «Викинг-2» с помощью механической «руки» трижды выкопал пыль и гальку на расстоянии до трех метров от себя, просеял образцы через приборы-анализаторы. Для первого биологического анализа потребовалось 12 дней. Окажись в исследуемых образцах микроорганизмы – их присутствие можно было бы определить, скажем, по выделению углекислоты при росте на особых питательных средах, регистрации фотосинтеза и так далее. Эти и другие данные посадочный модуль передал бы на орбитальный модуль, который остался кружить вокруг Марса, а тот, в свою очередь, ретранслировал бы их на Землю.

Специалисты NASA были настолько уверены в существовании на Марсе биосферы, что предприняли все меры предосторожности, дабы не допустить загрязнения марсианской поверхности. Для стерилизации каждая деталь обоих посадочных модулей выдерживалась в течение 20 часов при температуре 112 градусов по Цельсию. Такой обработке подверглись батареи, записывающая аппаратура, бортовой компьютер и упомянутая биологическая камера с приборами.

Ну как, Марс, – **есть на тебе жизнь**? – спросили люди в 1976-м...

Вопросами возможной внеземной жизни занимается наука, называемая **экзобиологией** (напомню, в подростковом возрасте я и сам мечтал стать экзобиологом).

Но что есть жизнь? Простой, казалось бы, вопрос…

Отличительными признаками жизни – по крайней мере, на Земле – являются:

питание, то есть потребление химических продуктов для пополнения энергии, необходимой для продолжения функционирования организма;

дыхание, то есть процесс, посредством которого организм получает энергию в результате химических превращений внутри себя (у земных организмов включает в себя окисление в той или иной форме);

удаление токсических продуктов, образующихся в результате химических превращений при дыхании;

воспроизводство – поскольку земные организмы имеют короткий срок жизни, то необходимо их периодическое «самокопирование»;

рост, то есть не только увеличение организма в размерах, но и его усложнение;

движение – имеет разное значение для различных земных форм жизни. У высших форм является важным фактором в борьбе за пищу и для самозащиты;

чувствительность – включает реакцию организма на возбудители, которые вовсе не обязательно должны быть прямыми (как, например, боль для животных), а могут включать и силу тяжести, и свет, и химическое воздействие.

Важнейшие из химических соединений, на которых базируется земная жизнь, – белки и нуклеиновые кислоты. Белки состоят из вытянутых в длинные цепочки аминокислот. Способ организации аминокислот в цепочку и определяет тип белка и его функцию. Белки образуют основные структуры клеток, а также осуществляют такие специфические действия, как катализ биохимических реакций (в этой роли белки называются **«ферментами»**). Без ферментов жизнь в ее настоящей форме была бы попросту невозможной: обеспечивающие жизнь химические реакции протекали бы слишком, слишком медленно…

Нуклеиновые кислоты играют важную роль в воспроизводстве клеток. Рибонуклеиновая кислота (РНК) собирает белки в соответствии с «инструкциями», содержащимися в дезоксирибонуклеиновой кислоте (ДНК). Если внеземные организмы аналогичны земным, то обнаружение в полученных образцах белков и нуклеиновых кислот будет убедительно свидетельствовать в пользу жизни!

Еще одно ее подтверждение – обнаружение аденозинтрифосфата (АТФ). В ходе обмена веществ человеческому организму требуется «запасать» избыточную энергию для последующего ее использования при недостатке. Такое хранение химической энергии и обеспечивает АТФ, в котором энергия хранится в химических связях, соединяющих фосфаты.

В общем и целом понятно. Что верно для Земли – может оказаться верным и для Марса, почему бы и нет? – так считали тогда, в 1976-м.

Скептики из числа ученых напоминали, что Марс – это все-таки не Земля, условия несколько иные. Оптимисты хорохорились: степень облучения на поверхности Марса оценивается в 20 миллирад в день? Ну и что? Некоторые земные бактерии выдерживают до 5 000 рад! На Марсе мало воды? Ну и что? Вот в Южной Калифорнии водится кенгуровая крыса, которая вообще не пьет и может жить, питаясь только высушенным ячменем: вся вода в организме животного образуется в процессе окисления углеводов! Жизнь – она живуча, простите за каламбур!

Но и скептики, и оптимисты с одинаковым нетерпением ожидали результатов анализов.

Однако анализы марсианской почвы, проведенные бортовыми биокамерами обоих «Викингов» сорок лет назад, ситуацию нисколько не прояснили.

…Аппараты и роверы последующих миссий обнаружили на Марсе воду (в замерзшем состоянии), нафотографировали кучу причудливых камней, очертаниями напоминающих краба, зайца, рыбу, ящерицу, человека, – но ясного, однозначного ответа на сакраментальный вопрос **«Есть ли жизнь на Марсе?»** опять-таки не дали.

Все надежды были обращены на аппарат российско-европейской миссии «ЭкзоМарс-2016», который должен был достичь орбиты Марса 19 октября 2016 года.

Но в тот день десантный модуль «ЭкзоМарса» вместе с прикрепленным к нему ровером-марсоходом разбился вдребезги о марсианскую поверхность, где-то на плато Меридиана, неподалеку от марсианского экватора., разбился, несмотря на парашют, тормозной аэродинамический экран и включенные двигатели мягкой посадки…

Кто-то там, наверху, испытывает терпение экзобиологов…

Ну и как продолжение:

СЭР ЭКСТРАПОЛЯТОР И ЕГО ЧУДОВИЩА

Китай, экзобиология, научная фантастика…

Если представлять эти три понятия в виде световых лучей, то они у меня сейчас сошлись в фокусе, называемом **«2010: Одиссея Два»**. В этом романе, изданном в 1982 году и принадлежащем перу известнейшего британского астрофизика и писателя-фантаста Артура Кларка (Clarke A. 2010: Odyssey Two) описывается, помимо прочего, трагическая гибель китайского космического корабля «Цянь», который, по воле писателя, совершил посадку на Европе – одном из спутников Юпитера – в 2010 году… Европа в реальности представляет собой сплошной океан из самой настоящей воды, океан глубиной в 50 километров; поскольку на Европе нет атмосферы, верхний слой воды соприкасается с лютым космическим холодом и превращен в многокилометровую ледяную корку. Но, поскольку в глубинах европеанского океана кое-где происходят тепловые процессы, лед в некоторых местах трескается, образуя так называемые «каналы», затянутые тоненькой ледяной корочкой. Возле одного из таких реальных каналов и опустился вымышленный «Цянь», чтобы закачать в баки воду. На свою беду китайские астронавты зажгли множество прожекторов мощностью в пять киловатт, чтобы работать при их свете; по этой причине «Цянь» напоминал расцвеченную огнями новогоднюю елку; яркий свет легко проникал сквозь лед.

…Один из китайцев, астроном и экзобиолог Чанг, первым заметил, как из океанской бездны поднимается громадная темная масса; немногим погодя на край канала выползло, проломив тонкий лед, необыкновенное существо…

Вот как описывает его Чанг (русский текст дается в переводе М. Романченко и М. Шевелева):

«*…будто огромное поле водорослей двигалось по грунту… Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Мне казалось, я знаю, что это такое – я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался…*

…понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед – от него откалывались большие куски. Мне трудно было собраться с мыслями, и я не понимал, что оно собирается делать…»

Тем временем чудовище, поднявшееся из глубин европеанского океана, двинулось в сторону космического корабля и стало взбираться на него. «Цянь» не выдержал такого натиска, упал и разбился о лед. Никто не мог воспрепятствовать этому. Весь экипаж «Цяня» погиб.

В живых остался лишь Чанг, от лица которого и ведется повествование.

Свалив космический корабль, чудовище оборвало все кабеля, кроме одного; огни погасли, гореть остался лишь один прожектор, рядом с единственным уцелевшим китайским астронавтом. Чудовище поползло к нему. Стало очевидно, что европеанская тварь тянется к свету, и что корабль она разрушила, скорее всего, непреднамеренно.

Чанг, только что переживший страшную трагедию и понимающий, что жить ему осталось немного (пока не кончится воздух в баллонах скафандра), не потерял, тем не менее, присутствия духа и рассказывал по рации все, что видел, адресуя свое послание человечеству. Вот как он описывал приближающееся чудовище:

«*…Представьте себе дуб – нет, лучше баньян с его многочисленными стволами, – расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле… Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы – каждый величиной с человеческую голову. Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней в этом мире.*

…Зябнут слабые тычинки… Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее… Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок, – новорожденных бабочек с мягкими, еще не расправленными крыльями…

Но цветы замерзали – умирали, едва успев родиться. Один за другим отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я, наконец, понял, что они такое. Их лепестки – это плавники, а сами они – плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки… Я заметил, что каждая тычинка – как я их назвал – заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки».

Потом Чанг оборвал оставшийся кабель, и последний прожектор погас. И тогда «*…существо медленно двинулось, отступая к каналу. Света было достаточно – я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом…*

Я проводил его до самой воды… Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами… Казалось, приближаясь к каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести вновь…

…оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума…»

Доживая свои последние часы, Чанг методично продолжал передавать свое сообщение людям Земли. Радиосигналы несли его слова: «Самое главное: на Европе есть жизнь! На Европе есть жизнь!»

Потом китайский астронавт озвучил свою последнюю волю: назвать новооткрытое инопланетное чудовище его именем, а также попросил похоронить погибший экипаж на родине, в Китае…

Позднее выяснится, что в океане Европы обитают и другие виды организмов.

Правда, обитают они на самом дне; исходящее от ядра Европы тепло образует своеобразные **«оазисы»**, к которым и жмутся различные формы жизни. Описанный же Чангом **«баньян»**, занимающий своими **«ветвями»** пространство в сотни квадратных километров, являлся единственным живым существом, отваживающимся путешествовать по океанскому дну, переползая от одного «оазиса» к другому… А учуяв наверху свет – всплыл и ненароком погубил космический корабль…

2010-й уже миновал. Китайцы пока что не добрались до окрестностей Юпитера, да и никто из людей не добрался. В реальности китайцы высадили на обратной стороне Луны шестиколесный ровер и прорастили в специальной камере хлопковое семечко… Что ж, как гласит древняя китайская мудрость: **«Даже самая длинная дорога начинается с первого шага»**…

Чем вдохновлялась фантазия Кларка, придумавшего бродячий «баньян», я, кажется, догадываюсь. Знаменитый британец живо интересовался не только Космосом, но и Мировым океаном. Один из примеров тому – фантастический роман **«Большая глубина»** (Arthur C. Clarke. The Deep Rang, 1957). Его действие происходит в будущем. Человечество успешно осваивает Космос, исследует Марс, пытается изменить климат Венеры; но немало у человечества дел и на Земле, а точнее – в Мировом океане. И вот люди, установив контакт с дельфинами, изучают морские глубины, в океане действуют китовые фермы, и китовые пастухи (одна из профессий будущего) сопровождают стада финвалов и сейвалов, охраняя их от хищников, от касаток и гигантских кальмаров... Главный герой романа, Уолтер Франклин, – как раз такой вот смотритель подводного хозяйства. Опасные приключения начинаются для него с появлением гигантского кальмара, которому дали прозвище **Перси**, и который безжалостно истреблял китов. По мнению начальства, Перси подлежал уничтожению, но Франклину и его единомышленникам удалось настоять не на убийстве кальмара, а на его поимке. И вот на страницах романа Франклин и его напарник Дон Берли опускаются в глубины, оба на дозорных мини-субмаринах. Поиск происходит на глубине примерно тысячи ста метров. Кларк описывает величественные пейзажи морских глубин, открывающихся взору человека, все эти склоны подводных гор и чудовищной глубины провалы... жаль только, что видеть всю эту красоту можно лишь на экранах специальных аппаратов, ибо вокруг царит мрак – лучи солнца на такую глубину не проникают... Итак, мини-субмарина Франклина плывет, окруженная рыбами, словно своеобразной челядью, как вдруг человек замечает на экране гидролокатора какую-то неясную, расплывчатую цель. Далее – по тексту (в переводе Л. Жданова):

«...за триста футов до цели рыбья челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почуяла, что здесь небезопасно. Двести футов... Он включил световую приманку, и, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий Кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их не зримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет. В последний момент кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз (фут, напомню, равен примерно 30 сантиметрам – **А.Х.**). *Последовал мощный удар в корпус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти... Было слышно, как рвались провода иллюминации... Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности. То и дело лодку сильно встряхивало...*

– Ты не видишь, что он там творит? – жалобно спросил он Дона.

– Вижу, он держит тебя восемью щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо – не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет...»

Повторяю, герои романа вовсе не стремятся убить чудовище; напротив, в их планы входит пленить его и поднять на поверхность живьем. После продолжительной и опасной схватки Франклину и Берли удается оглушить чудовище с помощью специальных анестезирующих и наркотических бомб и всплыть вместе с ним к специально оборудованному плавучему доку. Уже там люди *«впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытащили из морской пучины. Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца тридцатиметровой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого превосходило все, что когда-либо видел свет»*.

Шагающий по дну лес… Не правда ли, есть некоторое сходство между гигантским головоногим моллюском из земного океана и громадной странной тварью из океана Европы, тварью, классифицировать которую не представляется возможным – животное это? растение? что-либо еще?

Мне кажется, о сэре Артуре Кларке следует рассказать поподробнее.

Этот удивительный человек родился 16 декабря 1917 года, в городке Майнхэд (Сомерсет, Англия). В 1936 году переехал в Лондон, работал в казначействе и в то же самое время стал активным членом Британского межпланетного общества (**BIS**). Во время Второй мировой войны Артур служил в Королевских военно-воздушных силах. После войны он окончил Королевский колледж в Лондоне с почестями первого класса в физике и математике. Стал известен и как ученый, и как фантаст, и как предсказатель, и, кроме того, активно занимался дайвингом... Правда, сам Кларк очень не любил, когда его называли «предсказателем» или «пророком».

«*Я бы предпочел другой термин – экстраполятор*, – говорил Кларк. – *Все, что я пытался сделать, – это представить веер возможных вариантов будущего. Я почти уверен в датах и сроках. События и технические свершения запланированы уже сегодня, и, если не произойдет ничего экстраординарного, все случится так и тогда, как я предсказываю. Интуиция меня не подводит, хотя по поводу многих прогнозов я сто раз предпочел бы ошибиться!*»

Уточню, что экстраполяция – это распространение каких-либо понятий или явлений, относящихся к какой-либо определенной области (или времени) на другую область (или время). В случае с Кларком экстраполяция, проще говоря, – это выведение будущего из настоящего и прошлого... В середине прошлого века Артур Кларк насовсем переехал жить на остров Шри-Ланка (бывший Цейлон). В 2000 году Кларка за многочисленные заслуги перед наукой и искусством возвели в рыцарское звание. И все бы хорошо, но... Но 19 марта 2008 года великий экстраполятор, предсказавший многие реалии будущего, жизнерадостный человек, рассчитывавший отметить свое столетие в Космосе, – умер у себя дома, умер от проблем с дыханием, возникших в результате давнего постполиомиелитного синдрома, и был похоронен по шриланкийским обычаям...

Артур Кларк и вправду прославился своими довольно точными прогнозами будущего – подходил названный ученым срок, и те или иные его фантастические предположения становились реальностью. Кларк предсказал расположение спутников связи на геостационарной орбите (в связи с чем Международный астрономический союз официально присвоил этому понятию название **«орбита Кларка»**), появление Интернета, машинный перевод, развитие атомной энергетики и автоматики, прогресс ЭВМ и прогресс антибиотиков, работы по созданию искусственного разума, высадку человека на Луне (с небольшой, правда, ошибкой в дате). Предсказанное Кларком клонирование человека по срокам точно совпало с сомнительными операциями скандально известного доктора Антинори, который первым открыто заявил о клонировании. Так вот, одно из предсказаний Артура Кларка звучит так: *«В 2011 году в Марианской впадине, глубочайшей впадине Мирового океана, будет обнаружено самое большое из живых существ, 75-метровый кальмар. По странному совпадению,*

в этом же году будут найдены еще более крупные обитатели океана, но не на Земле – космический робот обнаружит этих гигантов, проникнув под лед Европы (одного из спутников Юпитера)». И лично меня, как биолога и как фантаста, из всех предсказаний Артура Кларка занимают колоссальные твари, которых якобы должны были обнаружить в океане Европы (скорее всего, имелся в виду тот самый «баньян»), а также ультрагигантский кальмар, которого якобы найдут в Марианской впадине… О гигантских кальмарах (мегатойтисах и архитойтисах) мне многое известно: среди них попадаются очень крупные экземпляры, до 20 метров длиной. Существование более крупных индивидов пока что научно не доказано, но я вполне допускаю, что подобные химерические чудовища и в самом деле могут обитать в глубочайших впадинах Мирового океана...

2011-й, повторяю, уже прошел. В марте 2012-го дна Марианской впадины достиг в батискафе знаменитый канадский кинорежиссер и продюсер Джеймс Кэмерон; из живности он не обнаружил там ничего, кроме множества мельчайших, словно пылинки, рачков. В мае 2019-го там же побывал американец Виктор Весково, бывший военный моряк, а ныне путешественник, и застал там все тех же рачков, креветок да еще мусор в виде пластикового пакета (неважная замена 75-метровому кальмару)…

Под ледяную корку, покрывающую океан Европы, пока не заглянул ни человек, ни робот.

Но все еще, я думаю, впереди.

Все еще впереди…

…Иногда – в последнее время все чаще и чаще – на меня находит уныние. Тому способствует пронизывающая нас всех высоконегативная информация, в глубинах которой безнадежно теряется еще кое-где встречающийся позитив. И тогда становится трудно сохранять философский взгляд на вещи, становится трудно сохранять гармонию с миром, становится крайне трудно сохранять душевное равновесие. И тогда планета Земля в моем представлении уже не «наш дом», а колоссальный дурдом, из которого уволились психиатры, а остались одни больные и санитары. И все чаще вспоминается фраза Кришнамурти: «Не хватит никакого здоровья, чтобы приспособиться к этому глубоко больному обществу». И остро ощущаешь свою никчемность, ненужность, незначительность в этом мире. Более того, настойчиво лезет в голову мысль о полной бессмысленности мира в целом. И тогда рождаются белые стихи, подобные этому:

НЕАНДЕРТАЛЕЦ *(Баку,март 2007г.)*

Смотрю на гипсовый бюст неандертальца
в музее,
на его низкий лоб
и мощный подбородок,
заглядываю в маленькие глаза
под громадными надбровными дугами
и думаю, думаю...
Ты был жилист и мускулист, неандерталец,
а я – мягок и слаб.
Накинув шкуру, ты бродил по ледяным равнинам
и мёрзлым лесам,
а я с тревогой смотрю в окно –
не идёт ли дождь,
ибо боюсь простудиться
даже в пальто.

Ты был равнодушен к ранам,
полученным в бою,
а я при каждой незначительной болячке
в панике бегу к врачам.
Ты выходил один на один
с пещерным медведем,
а я бессилен перед хамом-продавцом;
ты бесстрашно поджидал несущегося на тебя
во весь опор
бизона,
а я боюсь проносящихся мимо машин.
Ты мог голыми руками задушить рысь,
а я настораживаюсь от каждого стука в дверь;
завалив мамонта, ты рвал зубами мясо,
много мяса,
а я с сокрушённым вздохом
пересчитываю на ладони
последние медяки.
Убив в схватке воина враждебного племени,
ты с наслаждением поедал его,
а я... нет, я не каннибал,
но иногда мне очень хочется загрызть
кого-нибудь из людей;
к тому же я частенько оказываюсь среди каннибалов,
которые хотели бы съесть меня утончённо,
изысканно.
Завидую тебе, пращур:
копьё, каменный топор, плоский каменный нож,
грубая дубина –
вот и всё, что у тебя было;
а я окружён миллионом вещей, в том числе и
бесполезных...
Ты был хозяином Ойкумены,
Ойкумены ледников и мамонтов,
а я – я всего лишь винтик этого смрадного
технологического мира.
Боже, как я деградировал
по сравнению
с неандертальцем!
Какое мне дело до того,
что выпускаются всё новые
и умопомрачительно совершенные модели
мобильных телефонов,
что создаются суперновейшие автомобили,
похожие на сказку,
и что космическая станция
фотографирует
кольца Сатурна,
если я –
всего лишь
винтик?

По счастью, подобные приступы пессимизма и меланхолии рано или поздно проходят, и окружающий мир вновь приобретает и иные цвета, помимо черного. Наверное, меня выручает врожденный неистребимый оптимизм. Не будь его – страшно даже подумать, во что бы я превратился. Художник и философ, лишенный оптимизма вовсе или обладающий им в недостаточной степени, – ходячий труп. Зомбак.

Но современный мир, пропитанный абсурдом, мотивированной и немотивированной жестокостью, профессиональным цинизмом, воинствующим идиотизмом, опасным фанатизмом и массовым пофигизмом, мало располагает к благодушию. От сверхдальних бомбардировщиков, парящих в стратосфере, и до кита, подавившегося сорока килограммами плавающего в океане пластика; от беспощадно вырубаемых тропических лесов в бассейне Амазонки, и до очередного «стрелка», страшного своей полной вменяемостью, который деловито разряжает обойму в совершенно случайных людей, имевших несчастье попасться ему на пути; от элегантных улыбчивых ведущих, поедающих мясо друг друга в прямом эфире, и до бесценных книг, выброшенных на помойку; от развалин древней Пальмиры, взорванной ИГИЛовцами, и до азербайджанского ученого, всерьез полагающего, что причина землетрясений заключена в женщинах, носящих джинсы, – все это (и многое другое в таком же духе), взятое в совокупности, сильно угнетает как многих людей, так и отдельно взятого человека. Личностной деформации может воспрепятствовать только оптимизм. И не «пустой» оптимизм, а убежденность в том, что со всем этим еще можно что-то сделать, справиться и коллективно, и в одиночку… Если не ошибаюсь, такая форма оптимизма называется «мидиевизмом».

(Сейчас, когда я пишу эти строки, Интернет-сообщество обсуждает выступление профессора Стокгольмской школы экономики Магнуса Содерлунда на Gastro Summit в шведской столице; сей ученый муж высказался в пользу узаконенного каннибализма – по его мнению, употребление в пищу человеческого мяса, полученного из трупов, помогло бы решить продовольственную проблему и спасти человечество от голода, если бы мировое сообщество обратилось к этой идее. Консервативное табу против каннибализма, по словам профессора, со временем может измениться, стоит лишь людям попробовать человеческое мясо… Вот так вот – примите и распишитесь. Уже не только мозг – ритуально; уже не только кусочки тел – ради рейтинга; тела полностью предлагается употребить в пищу, чтобы как-то прокормить восьмимиллиардное население Земли… О, мой оптимизм, держи меня крепче!

С другой стороны… *«…у некоторых народов, как нам известно, до сих пор еще в силе закон, по которому тело покойника должно съедаться его родственниками, причем дело нередко обстоит даже так, что они ругательски ругают умирающего за то, что он слишком долго хворает и портит тем самым, по их словам, свое мясо…»* (Петроний Арбитр, I век н. э.)

…Где-то там, почти на окраине Солнечной системы, движется по извечной орбите Сатурн – колоссальный водородный пузырь с загадочным гигантским шестиугольником на северном полюсе, опоясанный гигантскими кольцами, состоящими из частичек льда; вокруг Сатурна вращаются его разновеликие «луны», числом 62; и среди них – самая крупная «луна», Титан, фактически небольшая планетка с плотной атмосферой… а ведь это единственный, уникальный случай в Солнечной системе, чтобы естественный спутник – и с атмосферой…

И пусть тамошний воздух представляет собой дьявольский коктейль, совершенно не пригодный для дыхания земного человека – это еще ничего не значит, на человеке свет клином не сошелся...

А вдруг? Ну, все-таки?..

Ведь промелькнуло же сообщение о том, что при облете Титана зоркая оптика аппарата «Кассини» якобы зафиксировала в метано-этановом озере рыбообразное существо, бородатое, колючее – сенсация, правда, не имела продолжения… О том, как выглядит суровый мир Титана, «рассказала» нам аппаратура зонда «Гюйгенс», который опустился, раскрыв парашют, в районе Ксанаду, зимой 2005 года.

Чтобы позабавить журналистку, я придумал, будто являюсь разумным существом с Титана, существом, абсолютно не похожим на человека Земли… Еще я придумал, будто выживание в суровых условиях сформировало в титанцах такие качества, как великодушие, честность, отзывчивость, взаимовыручка, самопожертвование, ответственность…

Без ложной скромности отмечу, что обладаю многими из перечисленных качеств. Но для этого мне вовсе не обязательно было родиться на Титане, вдалеке от Солнца… Или скажу иначе: моим Титаном был Баку – лучший город Земли; Баку и воспитал меня таким, каков я есть; а я, смею заявить, далеко не самый худший из людей.

…Более полувека отделяет меня сегодняшнего от меня шестилетнего, с упоением читавшего «Звездные корабли». Что изменилось за это время, что ушло, что осталось? Жизнь проехалась по мне нешуточно, и, признаюсь, я сильно изменился с тех пор. Но что осталось неизменным:

когда под ворохом негативных известий я случайно или преднамеренно отыскиваю чудесные новости;

когда я вижу сделанную в инфракрасном диапазоне фотографию ядра нашей Галактики (27 тысяч световых лет! чего вовек не разглядеть – из-за скоплений межзвездного газа и пыли – человеческому глазу, разглядело электронное «око» космического телескопа NASA «Спитцер»);

когда я узнаю́, что учеными найдены окаменелые клетки возрастом 3 миллиарда 400 миллионов лет (попробуйте представить, какая бездна Времени отделяет древние примитивные организмы от людей, которые их нашли и исследуют, представьте эту встречу Homo Sapiens с родоначальниками всего живого на Земле, в том числе и Homo Sapiens!);

когда я читаю о подробностях открытия бозона Хиггса, совершенного на Большом адронном Коллайдере (поверьте, погружение в глубины микромира не менее увлекательно и интересно, чем полеты в Космос!);

когда я общаюсь с легендарным роботом-гиноидом Софией, умеющим выражать 62 эмоции своим эластичным женским псевдоличиком –

– я вновь чувствую себя маленьким мальчишкой, который сидит на полу в бакинской квартире и завороженно разглядывает форзац книжки, а на форзаце – два динозавра, изогнув шеи, провожают взглядом падающий метеор…

И испытываю гордость за человечество, которое умеет не только гадить, разрушать, убивать, извращаться…

(Баку, закончено в ноябре 2019 г.)

Дорогой Саша! Успехов в творчестве, здоровья и радости – редакция «Литературного Азербайджана»

ТОФИК АГАЕВ

Цветок без названья

Хайку

***

сентябрь...
озолоченный лист клена
бесплатно кладу в карман

***

осенняя мода
всего-то на дереве
фиговый листочек

***

вешаю велосипед на гвоздь
приехали
впереди зима

***

пишу красивые стихи
аплодисменты
между строк

***

«люб-люююю!!!»
не поверила
пока не подтвердило эхо

***

опускаю в воду
цветок без названья
в чашку с твоим именем

***

в одном глазу ты
в другом – тоже
третьего не дано

***

она молчит
я молчу
хорошо поговорили

***

купи мне самолет
а небо
я сам куплю

***

не «заболеть» бы
заразительный смех
соседа через стенку

***

мама-лебедь
учила лебеденка
лебединой песне

***

задумалась
с какой ноги начать ходить
маленькая сороконожка

***

семь дней до весны
дрозд уже пробует
первую ноту «до»

***

прилетят весной грачи
они еще не знают
бескрылые спилили деревья

***

прощай зима
пожмем друг другу руки
без перчаток

***

когда-то здесь шли бои
весна за весною
маки все краснее

***

о море
одной пробы
соль наших слез

***

письмо от сердца
врач читает
мою кардиограмму

***

я и старый дуб
одинаковы наши
годовые кольца

***

еще не созрел виноград
у моих друзей-воробьев
пир горой

***

после дождя
снимаю белье с веревки
а воробушек сам снялся

***

семь красок в радуге
обмакнув кисточку
рисую стихотворение

***

магазин часов
где же здесь правда
разное время на разных часах

***

старое зеркало
у него в архиве
мое молодое лицо

***

мертвые мудрецы
делятся жизнью
читаю книги

РУФАТ МУСТАФА-ЗАДЕ

Кандидат

Юмореска

Анар проснулся поздно, как обычно в последние три месяца. Позёвывая, вышел на балкон и закурил сигарету… Да, стоял вроде обычный бакинский декабрьский день, ни снега, ни дождя. И день этот вроде не обещал никаких сюрпризов. Анар затянулся и через клубы дыма по привычке начал разглядывать происходящее на низлежащей оживлённой бакинской улице: машин на дороге, так же, как и людей на тротуарах, было много, несмотря на то, что час пик уже давно миновал…

«Надо же, все куда-то спешат, куда-то торопятся, а для меня что-то не находится нормальной, приличной работы, – сокрушённо подумал Анар, – всё не то». Анару недавно исполнилось двадцать семь, но после окончания вуза он уже успел сменить шесть или семь мест работы, при этом нигде не задержавшись больше, чем на месяц…

«Срочно! Только что Президент подписал распоряжение о роспуске парламента!», – Анар прочитал эту новость в интернете и поначалу лишь ехидно усмехнулся: «И правильно сделал! Молодец! Давно пора гнать этих дармоедов. Не умеют, да и не хотят нормально работать».

Хотя сам Анар в выборах этих конкретных депутатов не участвовал. По правде говоря, политические дела всегда ему казались оторванными от реальной жизни, как будто происходили они на совсем другой планете…

Но стоило только Анару зайти в социальную сеть, как он неожиданно почувствовал на себе политическую волну! Дело было в том, что почти все его *френды*, большинство из которых он считал тоже далёкими от политики, оперативно отреагировали на роспуск парламента, кто «умными» мыслями», а кто смешными фотокартинками – при этом апофеозом остроумия, если судить, конечно, по количеству комментариев и лайков, было фото парламента, где вместо соответствующих слов красовалось название местного супермаркета!

Анар удивился ещё больше, когда заметил, что его «далёкие от политики» друзья не только и не столько обсуждают самороспуск парламента, но и сами готовятся занять освободившиеся места! Ведь Президент объявил не только о роспуске парламента, но и о проведении внеочередных парламентских выборов через два с лишним месяца! Новостная лента Анара буквально пестрела постами новоявленных кандидатов в депутаты, в цивильных костюмах, обещавших светлое будущее…

«А чем я хуже? – вдруг подумал Анар. – Почему я не могу баллотироваться в депутаты?» Среди френдов, подавших на депутатство, был и его одноклассник – самодовольный и безнадёжный тупица, и бывший коллега по работе, занявший у него как-то 50 (*пятьдесят*) манатов и благополучно забывший об этом, и его парикмахер, так любящий шутить… Впрочем, парикмахера Анар считал самым политически подкованным из всех своих знакомых, тот в процессе стрижки любил щеголять своими знакомствами и осведомлённостью в политических вопросах…

Анар неожиданно для самого себя позвонил в Центральную Избирательную Комиссию (ЦИК). Из телефонного разговора он вскоре узнал, что для участия в выборах ему будет достаточно лишь заручиться поддержкой, то есть собрать подписи всего 450 (четырёхсот пятидесяти) человек избирательного округа, где он прописан. «Да это же пустяки, – обрадовался Анар, – сто пятьдесят подписей я могу собрать и

в своём родном доме! А остальные триста – в двух соседних!»

Однако на деле всё оказалось далеко не так просто. Во многих квартирах, к удивлению Анара, жили не хозяева, а квартиранты, где-то никого не было дома, а где-то люди отказывали ему в поддержке под всякими разными предлогами: от «я в выборах не участвую» до «нет при себе паспорта». В общем, за два часа Анару удалось собрать всего десять подписей, и картина собственного выдвижения в депутаты перестала ему казаться радужной и лучезарной.

И тут Анар вспомнил о Лале. Да, Лала когда-то ему очень нравилась, они даже хотели пожениться. Но это было давно. Теперь главным для него было то, что работала она учительницей в школе, находящейся в его избирательном округе. «Вот Лала точно мне поможет. Учителю проще простого собрать подписи. Ей достаточно будет сказать своим ученикам, чтобы их родители подписались, и дело в шляпе! Потом, может, эти люди даже проголосуют за меня на выборах!» – с этой мыслью Анар позвонил Лале.

– Давно тебя не было слышно, Анар, какими судьбами? – вопреки его ожиданиям голос Лалы звучал сухо и отчуждённо.

– Всё по-старому. А как твои дела, Лала? Что нового? Знаешь, а я решил баллотироваться в депутаты. Поможешь мне собрать подписи?

– Ты? В депутаты? – Лала расхохоталась, но смех её был не добрый, а язвительно-колючий. – Что, тоже будешь бабушкам руки целовать? И зачем это тебе? Опять хочешь жениться или это тебе нужно для портфолио?

– Ну, хватит прикалываться. Скажи лучше, сможешь помочь, да?

– Нет, извини, Анар, мы такими вещами не занимаемся, – сказала Лала резко, и Анар понял, насколько тернист и извилист может быть путь в депутаты для простого смертного…

В поисках поддержки избирателей Анар добрался до последнего дома своего избирательного округа. Это была располагавшаяся на небольшом холме многоэтажка-новостройка прямоугольной формы. Считавшаяся самой престижной в районе, она ещё издали смотрелась неприступной крепостью. «Здесь со мной, наверно, никто не будет разговаривать. Да и, скорее всего, тоже будет много квартирантов», – подумал Анар, и, действительно, в первый час он бесплодно прослонялся по чистым, аккуратным блокам.

Но…дальше случилось чудо! Ему открыли! Да! И на пороге стоял, похоже, сам хозяин квартиры!

– Чем могу вам помочь, молодой человек? – на Анара смотрел импозантный мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти, одетый, по виду, в очень дорогой костюм.«Странно, – подумал Анар, – сегодня нерабочий день и к тому же вечер. Кто ходит по своей квартире в выходном костюме?»

– Я собираю подписи для участия в выборах. Пожалуйста, поддержите меня. Я – молодой кандидат в депутаты, и мне нужна ваша поддержка.

Мужчина в костюме, как показалось Анару, слегка поморщился, но в следующую секунду сказал:

– Возможно, я смогу вам помочь. Пожалуйста, проходите, поговорим.

– Нет-нет, не беспокойтесь, – Анар сделал шаг назад, – достаточно будет вашего паспорта.

Мужчина в костюме в ответ энергично потянул на себя приоткрытую входную дверь, тем самым настойчиво приглашая Анара войти, и тоном, не допускающим возражений, произнёс:

– Да нет же, проходите. Выборы – дело серьёзное.

Следуя правилам хорошего тона, Анар вынужден был повиноваться. Быстро сняв обувь, он вслед за хозяином прошёл в гостиную через просторный холл. Оказавшись в гостиной, Анар, конечно, старался не смотреть по сторонам, но всё же не

мог не оценить богатое убранство вокруг: вдоль длинной стены гостиной располагался роскошный мебельный гарнитур, в углу стоял классический кожаный диван, завершали же интерьер стилизованные «под винтаж» стол и стулья. Под стать обстановке был и сам хозяин. Да, одет он был с иголочки, синий костюм сидел на нём идеально, и так же идеально был повязан галстук...

– Садитесь, – мужчина в костюме сел сам и пододвинул Анару антикварный стул. – Как, говорите, вас зовут?

– Анар.

– Очень приятно! Фикрет! – мужчина протянул руку с длинными пальцами пианиста, на одном из которых Анар разглядел блестящий перстень с изумрудом. – Анар, можно я вам задам пару вопросов, прежде чем поставлю свою подпись?

– Да, конечно, – ответил Анар, – пожалуйста, спрашивайте.

За целый день погони за подписями его ни разу не приглашали войти, поэтому он был немного заинтригован тем, что же произойдёт дальше. «Хотя, наверно, просто этому человеку скучно и хочется с кем-то поговорить».

– Скажите мне, Анар, – Фикрет элегантно закинул ногу на ногу, – почему всё-таки вы решили баллотироваться в депутаты?

Анар, конечно, был готов к этому вопросу. Он лежал на поверхности, и его об этом уже несколько раз спрашивали.

– Понимаете, Фикрет, – важно ответил он, – дело в том, что нашему обществу нужны, просто жизненно необходимы, реформы. А старые кадры только мешают претворению этих реформ в жизнь.

Фикрет улыбнулся.

– Да, не спорю, реформы, конечно, нужны. Однако, извините, какое у вас образование?

– Экономическое, – ответил Анар и замялся. «Только бы он не спросил, что именно я заканчивал». Анар немного стеснялся своего непрестижного ВУЗа.

– Хотя это не так важно, – Фикрет будто почувствовал состояние Анара, – просто, понимаете, я убеждён в одном: везде должны работать про-фе-сси-о-на-лы, – это слово Фикрет произнёс именно так – с расстановкой, по слогам. – Знаете, лично бы я обязал каждого кандидата в депутаты перед тем, как подать свою кандидатуру, сдать экзамен на знание нашего законодательства! Ведь что такое работа депутата? Это на самом деле – рутина, принятие, изменение и отмена законов, то есть законотворчество! Как будет работать депутат, если он не знает полномочия Парламента, Кабинета Министров и Президента? Что-что, а Конституцию – основной закон государства – каждый депутат должен знать назубок!

– Да, вы правы, – Анар понурил голову, – но всё это можно выучить. – Он уже пожалел, что позволил уговорить себя зайти…

– На всё нужно время, и это не так просто. И, знаете, людям лень себя утруждать. Почему-то все думают, – продолжал Фикрет, – что работа депутата – это халява, вроде как сидишь в парламенте два раза в год, весной и осенью, да и нажимаешь на кнопки, когда это нужно. Но уверяю вас, Анар, это не так! Это серьёзная и очень ответственная работа, к которой нужно быть готовым! Позор – когда депутаты не знают элементарных вещей! Вот, скажите, Анар, как вы думаете, за какой поступок или преступление у нас в стране могут лишить гражданства?

«Теперь и вопросы пошли, как будто на экзамене!» – Анар тяжело вздохнул.

– Государственная измена, – он сказал первое, что пришло ему в голову.

– Нет, – возразил его странный собеседник. – Это неправильный ответ. Как экономист вы, конечно, можете этого не знать, но как депутат, считаю, знать это вы обязаны.

– Но я же пока не депутат, даже пока не кандидат, – попробовал отшутиться Анар, и тут же спросил: – Так за какое преступление могут лишить гражданства?

– Ни за какое! – торжествующе ответил Фикрет. – Наша Конституция гласит, что гражданин ни при каких обстоятельствах не может быть лишён гражданства! Его могут судить, наказать, но лишить его гражданства никто не вправе!

– Вы, наверно, юрист? – Анар робко попытался сменить тему.

– В какой-то степени, – Фикрет загадочно улыбнулся. – Но я не закончил. Понимаете, что я хочу сказать, Анар? Мне кажется, что вы как-то легкомысленно представляете себе суть депутатства. Сейчас 21-й век, век интернет-технологий, вы должны лучше меня знать обо всех этих возможностях, о блогах и так далее. Но я уверен, что если сейчас наберу ваши имя и фамилию в интернете, то не получу о вас никакой информации: ни о ваших взглядах, ни о вашей политической платформе. Как, кстати, ваша фамилия?

Анар назвал фамилию…

– Вот, смотрите, Анар, никакой информации, – Фикрет показал Анару экран своего навороченного смартфона, – только ссылки на социальные сети...

Анар посмотрел на часы. Был уже поздний вечер…

– Я пойду, – сказал он упавшим голосом, – спасибо за интересную беседу. – Анар сделал движение, чтобы подняться.

– Подождите, – остановил его Фикрет, – я же не подписался в вашу поддержку!

Анар устало повёл плечами… «Десять подписей или одиннадцать» – это уже было неважно…

– Знаете, Анар, а вы мне нравитесь, – Фикрет был неутомим, – вы культурный молодой человек. А представляете, в нашем округе в депутаты баллотируется один, так сказать, нувориш. Так вот, он заманивает избирателей тем, что в случае своего избрания он в нашем районе построит детскую площадку. Но это неправильно! Чистой воды популизм. Депутат же несёт ответственность не перед своим округом, а перед всей страной, и поэтому должен мыслить не локально, а в целом, в масштабах всей страны!

Анар положил на стол свои «кандидатские листы»…

– Извините, что отнял у вас очень много времени, сейчас вам дам свой паспорт, – Фикрет потянулся рукой к карману брюк, но остановился, разглядев пустые, незаполненные строки…

– И давно вы начали собирать подписи? – спросил он.

– С сегодняшнего дня, – честно ответил Анар.

– М-да, не густо, – рука Фикрета так и не дошла до кармана брюк, зависнув чуть ниже стола, – одна моя подпись вам погоды не сделает. Но я хочу вам помочь. Подождите немного, сейчас я позвоню коменданту, с ним вы без труда соберёте столько подписей, сколько надо…

Буквально через несколько минут в гостиной Фикрета появился комендант, невысокий полный мужчина.

– Собери подписи со всех жильцов нашего дома в поддержку этого молодого человека, кандидата в депутаты, – сказал ему Фикрет повелительным тоном, и только тут Анар понял, насколько Фикрет большой человек...

– Не знаю, как вас благодарить, Фикрет-муаллим, – лицо Анара прояснилось, и он снова поверил в свою депутатскую сказку…

Почти сразу после того, как Анар с комендантом ушли, навороченный смартфон Фикрета разразился соловьиной трелью…

– Я тебя слушаю, сын, – произнёс Фикрет, – куда ты пропал? Да, я давно готов, всё жду, когда ты позвонишь, и мы с тобой поедем на встречу. Волнуешься? Не волнуйся. Я и не сомневаюсь, что ты пройдёшь. У тебя нет конкурентов. Так, одна лишь видимость, массовка…